

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2023. Т. 45, № 2

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrstu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной педагогический университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2023. Vol. 45, No 2

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2023

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow Region State Pedagogical University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Антощенко А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд	69
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ			
Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии	8	Каменев Е. В. Постижение прошлого в контексте современной исторической культуры	76
Такала И. Р., Коробейникова М. А. Ad fontes: проблемы изучения побратимских связей Петрозаводска с городами Финляндии	16	Лукьянов Д. В. Исторический когнитивизм: о феноменологии когнитивной истории	83
Булюкин Д. А. Левые депутаты от Костромской и Ярославской губерний во II Государственной думе	26	Минц С. С. Источниковедение конца XIX – начала XXI века между философией и культурологией	88
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Сукина Л. Б. Визуальный источник: перспективы, проблемы и ограничения использования информационного ресурса	95
Бауэр Т. В. Правление Федора Алексеевича (1676–1682): дискуссионные вопросы в новейшей отечественной историографии	34	Белявский А. М. Нужно ли убивать дракона, или Исторический ревизионизм как методологическая проблема постколониальных исследований на примере Ирландии	101
Агафонов И. С. Соловецкое летописание конца XVI века: историография вопроса	46	ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
Дискуссии		Бландов А. А. Конфессиональное настоящее тихвинских карелов	106
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ		Юбилей	
Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии	55	К 60-летию со дня рождения Е. А. Калининой	
Хоруженко О. И. Реплика в дискуссии	61	Научная информация	
Казаков Р. Б. Источниковедение историографии: некоторые дискуссионные проблемы	63	Малышко А. А. Студенческое научное общество ПетрГУ: 75 лет истории	113
		Научная информация	117
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 28.02.2023. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 24

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
А. В. Антощенко

Aleksandr V. Antoshchenko,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Центральное место в предлагаемом вашему вниманию номере занимает дискуссия, инициированная московской исследовательницей М. Ф. Румянцевой. На основе неоклассической феноменологической концепции источниковедения, восходящей к наследию русской версии неокантианства и ориентированной на строгое научное знание, она сформулировала и охарактеризовала ряд современных проблем исторического познания. В качестве инструментария решения некоторых из них М. Ф. Румянцева в очередной раз предлагает разработанный О. М. Медушевской концепт «эмпирическая реальность исторического мира». В рамках такого подхода Р. Б. Казаков формулирует положения об основаниях сравнительного изучения национальных историографических традиций для выявления сходных и отличительных черт их развития, а Л. Б. Сукина определяет место визуальных источников в исторических исследованиях и презентации их результатов историками. Е. В. Каменев и С. С. Минц справедливо указывают на сочетание и сохранение значения различных источниковедческих парадигм в условиях движения от модерна к постмодерну и постпостмодерну вследствие разнообразия функций и синтетической природы исторического знания. Конкретный случай такого движения и сложного взаимоотношения научных и литературных повествований в постколониальной историографии Ирландии разбирает белорусский историк А. М. Белявский. Если в своей реплике О. И. Хоруженко лишь высказывает сомнения в обоснованности гипертеоретизированного подхода к источниковедению и обоснованности представлений об «особой идеологизированности» советской историографии, то Д. В. Лукьянов оценивает концепцию О. М. Медушевской как вершину и, следовательно, завершение советской традиции, а А. В. Антощенко проводит деконструкцию дискурсивных построений М. Ф. Румянцевой, чтобы выявить их интенции.

Не менее интересны и другие разделы журнала, охватывающие обширный период от XVI века до современности с традиционным акцентом на истории взаимоотношений соседних стран и народов.

Юбилейный очерк посвящен выпускнице исторического факультета ПетрГУ, а ныне профессору Е. А. Калининой. В научной информации размещена статья о 75-летней истории Студенческого научного общества университета, освещенная одним из его активных участников А. Малышко.

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОПОВ

студент 4-го курса Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dps1939@mail.ru

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕЛОШИН

магистрант 1-го года обучения Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dmitry.eloschin@yandex.ru

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФИНСКИЕ КОНЦЛАГЕРЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . На примере малоизвестных финских концлагерей изучаются вопросы, связанные с содержанием узников на оккупированной финнами территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти о геноциде нацистов и их союзников на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны. На основе воспоминаний и протоколов допросов узников изучаются многочисленные аспекты содержания мирных граждан в тех финских концлагерях, которые до последнего времени по разным причинам оставались практически неисследованными. Новизна статьи определяется введением в научный оборот обширного архивного материала, на основе которого изучается характер работ, выполняемых узниками; факты военных преступлений финских оккупантов против заключенных; карантинные меры оккупационного режима в лагерях, носившие характер абсолютной фиктивности; причины, по которым узники попадали в места принудительного содержания.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, финская оккупация, концлагеря, Финляндия, Карелия

Благодарности. Статья подготовлена на основе исследования, проведенного в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством Республики Карелия (Соглашение № КГРК-21/Н5-24).

Для цитирования: Веригин С. Г., Попов Д. А., Елошин Д. А. Малоизвестные финские концлагеря на оккупированной территории Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.864

ВВЕДЕНИЕ

В послевоенный период вплоть до конца 1980-х годов и в финляндской, и в советской историографии тема финского оккупационного режима на территории Советской Карелии в 1941–1944 годах, и особенно преступлений финнов против мирного гражданского населения, не считалась важной и актуальной для научных исследований. Это было вызвано прежде всего тем, что на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией 1948 года между двумя странами

сложились прочные добрососедские отношения. В 1950–1980-е годы в советской пропаганде постоянно подчеркивалось, что в период холодной войны советско-финляндские отношения являются хорошим примером взаимодействия стран с различным социально-общественным строем. Обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы, к которым, несомненно, относилась и проблема финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 годах.

На слабом изучении данной проблемы в 1950–1980-е годы сказывалась и узость источников-

вой базы. Правда, на заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после ее окончания в СССР были опубликованы сборники документов Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) о преступлениях финских захватчиков на временно оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах¹. Однако по вышеуказанным политическим причинам эти документы оказались невостребованы. Сказалось также и то обстоятельство, что финские военные преступники не проходили по Нюрнбергскому трибуналу – международному процессу над бывшими руководителями нацистской Германии в 1945–1946 годах, а по договоренности между руководством СССР и Финляндии судебные процессы над финскими военными преступниками были отнесены к финляндскому правосудию. В этой связи в СССР первая работа, где достаточно подробно изучался период оккупации, вышла только в 1983 году. Это была монография К. А. Морозова «Карелия в годы Великой Отечественной войны» [9], в которой автор привел число умерших в годы финской оккупации. По его мнению, их количество составляло 14 тысяч человек – сейчас это наиболее распространенная в отечественной историографии версия.

В постсоветский период наиболее подробно тема финской оккупации Карело-Финской ССР (КФСР) рассмотрена в работах С. Г. Веригина. В монографии «Карелия в годы военных испытаний...» [2] автор раскрывает широкий спектр проблем, связанных с указанной тематикой: военные преступления финского оккупационного режима против мирных граждан; экономическая политика и экономический ущерб финских оккупантов, нанесенный экономике республики; характер работ, выполняемых узниками концентрационных и трудовых лагерей, и др. С. Г. Веригиным был опубликован целый ряд статей, посвященных отдельным аспектам финской оккупации. В частности, в одной из них рассмотрена национальная политика финской администрации и сделан вывод о том, что в 1941–1944 годах она не принесла желаемых результатов: финнам не удалось привлечь на свою сторону советских карелов, вепсов, финнов [4].

С. Г. Веригин подробно рассматривал и экономические аспекты финской оккупации Карелии [3]. Автор отмечал, что изначально финские власти ставили перед собой задачу восстановления и развития оккупированной территории, так как Карелия должна была войти в состав «Великой Финляндии». Приоритет отдавался сельскому хозяйству и тем отраслям промышленности, которые были необходимы для снабжения армии. Центральное место в экономической политике финского оккупационного режима занимали планы интенсивной заготовки карельского леса и вывоза его в Финляндию. Экономическая политика ста-

ла меняться с 1943 года, когда Финляндия осознала, что Германия потерпит поражение. Начинается прямой грабеж природных и материальных богатств Карелии, разрушение промышленных объектов и вывоз оборудования в Финляндию. После выхода Финляндии из войны в сентябре 1944 года финляндское правительство частично компенсировало ущерб, причиненный экономике Карелии.

Общие аспекты финской оккупации Карелии были рассмотрены в статье А. Ю. Осипова «Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии» [10]. Автор делает вывод о том, что просветительную работу финнов в Карелии можно разделить на несколько направлений, но центральное место отводилось идее «Великой Финляндии». Наряду с этим местному населению внушалось негативное отношение к советской власти, а политику по отношению к юным возрастным группам А. Ю. Осипов определяет как «финляндизацию».

В статье Е. А. Давыдовой и Н. С. Журавлевой «Жизнь населения советской Карелии в период финской оккупации (1941–1944)» [5] также рассматриваются общие аспекты финской оккупации Карелии. Авторы выделяют два основных направления финской оккупационной политики. Первое было связано с необходимостью привлечения трудовых ресурсов в условиях войны, для чего создавались концентрационные и трудовые лагеря. При реализации этого направления ведущим критерием стал этнический признак, в соответствии с которым распределялись социальные права и материальные условия жизни. Второе направление – это пропаганда идеи «Великой Финляндии», в рамках которой внушалась мысль об историческом родстве всего финно-угорского населения. Идеологической обработке подвергались преимущественно молодежь и дети. Особое внимание уделялось возвращению к дореволюционным ценностям и религиозным традициям. Однако, как указывают авторы статьи, все эти попытки оказались безуспешны. Кроме того, в условиях войны трехлетний срок оккупации оказался слишком кратковременным для выработки стабильных методов управления покоренной территорией.

В 1950–1980-е годы в Финляндии выходили многочисленные исследования, которые затрагивали проблему финского оккупационного режима в Советской Карелии в 1941–1944 годах. Выделим публикацию 1982 года докторской диссертации Антти Лайне «Два лица Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии при финском оккупационном режиме 1941–1944» [13], в которой освещается финский оккупационный режим в Карелии не только как последовательность конкретных действий и мероприятий ВУВК, но и как результат осуществления

на оккупированной территории Восточной Карелии идеи Великой Финляндии, сформировавшейся в Финляндии еще в начале XX века. А. Лайне был одним из первых финских исследователей, кто затронул тему финских концлагерей для мирного гражданского населения. К недостаткам данной работы следует отнести то, что в силу сложившихся тогда обстоятельств к исследованию не были привлечены документы из советских архивов.

Среди переводных финских исследований особое внимание стоит уделить работе Х. Сеппяля «Финляндия как оккупант в 1941–1944 гг.» [11]. Во время войны Финляндии против СССР автор был солдатом оккупационных войск в Петрозаводске, охранял заключенных, отправленных на принудительные работы на Онежский завод. Возможно, его собственный опыт оккупации оказал влияние на объективное освещение финской оккупационной политики в Карелии. В работе Х. Сеппяля сформулировал суть оккупационной политики Финляндии в Восточной Карелии в 1941–1944 годах как реализацию экспансионистского по своей природе проекта создания «Великой Финляндии».

Значительный вклад в финляндскую историографию проблемы внесла монография Юкки Куломаа «Янислинна. Годы финской оккупации Петрозаводска, 1941–1944», вышедшая в 1989 году и посвященная всестороннему изучению финского оккупационного режима в оккупированной столице Карелии – г. Петрозаводске, переименованном финнами в военный период в г. Янислинна («Крепость на Онего») (рус. перевод: [8]). В ней приводится большой фактический материал об оккупации столицы КФССР, в том числе указывается и количество узников каждого из шести петрозаводских концлагерей.

Несмотря на отмеченные выше публикации, посвященные указанной тематике, многие из финских мест принудительного содержания на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах до сих пор остаются малоисследованными. По нашему мнению, это связано с целым рядом факторов. Во-первых, географическим: чем дальше лагерь находился от Петрозаводска, к которому всегда было приковано особое внимание (это можно объяснить тем, что Петрозаводск – столица КФССР, и тем, что там было сосредоточено сразу шесть концлагерей, многие из которых были особенно крупными), тем он реже освещался в работах историков. Во-вторых, это связано с источниковой базой: среди документов, собранных ЧГК после освобождения Карелии, подавляющее большинство материалов относилось как раз к петрозаводским лагерям, а не к тем, которые можно условно назвать региональными. В-третьих, размеры

самого лагеря: чем меньше людей содержалось в лагере, тем меньше о нем осталось документов, соответственно, он изучался в недостаточной степени. Ко всему прочему, до сих пор сохраняется проблема малоизученности финского оккупационного режима на микроуровне: крайне мало работ посвящено отдельному концлагерю или отдельному оккупированному району КФССР. Среди них следует выделить недавно опубликованную статью Ю. Н. Зеленской [6], посвященную пребыванию советских граждан в Кутижемском трудовом лагере на занятой финскими войсками территории Советской Карелии.

На основе указанной выше историографии можно выявить целую группу мест принудительного содержания, которые в исторической литературе получили ограниченное освещение. Это концлагеря № 4 и № 7 (г. Петрозаводск), концлагерь № 8 (поселок Ильинский), концлагерь в деревне Колвасозеро, Видлицкий концлагерь, тюрьма и концлагерь в деревне Киндасово. Именно этим концлагерям, трудовым лагерям и тюрьмам посвящена данная статья.

Основой архивной базы статьи являются воспоминания и протоколы допросов узников финских лагерей, выявленные в архивах Республики Карелия в ходе работы над проектом «Электронный ресурс “Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг.”», реализованного в рамках Программы поддержки НИОКР студентов и аспирантов ПетрГУ, финансируемой Правительством РК.

Финская оккупация Карелии значительно отличается от оккупации советских территорий немецкими войсками. В частности, в Карелии была самая высокая плотность мест принудительного содержания населения: для 86 тысяч человек, оставшихся на захваченной финскими войсками территории, было создано более 100 таких мест: 14 концлагерей, 34 трудовых лагеря, 42 роты для военнопленных, 9 тюрем и одна колония. При этом концентрационные и трудовые лагеря имели филиалы на всей оккупированной территории, охватывая практически все населенные пункты захваченной Карелии [1: 30]. Е. В. Усачева отмечала, что после изучения опыта организации оккупационного режима немцами финны пришли к выводу, что необходимо внедрять собственные методы управления оккупированными территориями [12: 122]. Она же подчеркнула и одну из главных черт финской оккупационной политики – национальную сегрегацию населения [12: 126].

Одним из самых загадочных и малоизученных финских лагерей является концлагерь в деревне Колвасозеро (Ребольский район КФССР), который был создан для неблагонадежного «национального» населения. В лагерь попадали карелы, вепсы, финны, ингерманландцы, которые были

заподозрены оккупационной властью в связях с партизанами или подпольщиками, высказывали недовольство финской оккупационной политикой. Но люди могли попасть в лагерь и по другим причинам. В частности, узница этого лагеря А. О. Тарасова в 1948 году вспоминала:

«Однажды меня вызвали к финскому коменданту. Я очень испугалась. Пришла. Там уже знали, что я работала в райкоме партии. Они меня стали спрашивать, кто был первым секретарем райкома, вторым и т. д. Увидели на мне плащевое пальто и спросили, сколько стоит. Я ответила – 270 рублей. Они не поверили и сказали, что, наверно, 2 тысячи. Потом говорят, что хорошо одевалась только потому, что в райкоме работаю. Они также говорили, что в райкоме был буфет, тогда как ни в какой другой организации его не было»².

После этого ее отпустили домой, но через два дня арестовали, этапировали в Олонец, а оттуда в Колвасозеро, где она оказалась в мае 1942 года. Таким образом, причиной для ареста и отправки в этот лагерь могла стать банальная ненависть к советским партийным работникам, даже к тем, которые не были замечены в конкретной антифинской деятельности. А. О. Тарасова вспоминала, что в мае 1942 года в лагере в Колвасозеро было только 25 человек, затем их число дошло до сотни. Е. В. Усачева в упоминаемой выше работе отмечала, что узников сначала этапировали в Видлицу (видимо, А. О. Тарасова, когда писала, что ее этапировали в Олонец, имела в виду именно Видлицу), а затем отправляли в тюрьму или концлагерь для «ненационального» населения в Киндасово или в концлагерь для «национального» населения в Колвасозеро [12: 124].

Другой узницей концлагеря в Колвасозеро, которая вспоминала о тех страшных днях, была карелка А. Я. Грябина. В 1941 году она жила в деревне Паданы, в период финского наступления пыталась бежать из деревни на неоккупированную территорию. Но в лесу ее вместе с другими женщинами поймали финны и вернули обратно. Ее сын Алексей стал партизаном и участвовал в знаменитом рейде партизанской бригады И. А. Григорьева в тыл финских войск летом 1942 года. Вскоре он попал в плен, но бежал из него в мае 1943 года. После его побега А. Я. Грябину арестовали финны, посадили в машину и повезли в неизвестном направлении. «В машине меня стали бить, ругают меня, говорят, ты мать разбойников, тебя надо, как мух, убить»³. За деревней Терманы машина остановилась, и А. Я. Грябиной показали тело убитого сына. Ей даже не дали с ним попрощаться, посадили обратно в машину, а через несколько дней этапировали в концлагерь для «национального» населения в Колвасозеро. Причина – она была матерью партизана. Таким образом, в концлагеря могли попадать карелы и вепсы, которых

финские войска пришли «освободить от гнета русских», только за то, что их родственники воевали с финскими оккупантами. «Пока жили в лагере, ходили каждый день на полевые работы. Кормили плохо, давали в день 200 гр. хлеба и полхлебку из гнилой рыбы или мяса»⁴, – вспоминала А. Я. Грябина. Подобное питание было характерно для всех финских концлагерей того времени.

Любопытным является тот факт, что детей узников концлагеря для «национального» населения в Колвасозеро отбирали у родителей и отправляли учиться в школу (это было связано с общей политикой финнов по отношению к детям-«националам», которых готовили к жизни в будущей «Великой Финляндии»). Узница лагеря Д. Ф. Кононова отмечала, что детей до 1943 года не учили вовсе, а с 1943 года отправили в школу, но «учили больше закону Божьему»:

«Держали детей в невыносимых условиях. По несколько месяцев не водили в баню, не стирали белья. Если ребята приезжали домой в лагерь, то их трудно было узнать, все они были черные от грязи»⁵.

Далее рассмотрим концлагерь № 7 в г. Петрозаводске. Он существовал недолго и был создан, видимо, для изоляции узников концлагеря № 6 во время карантина. 9 сентября 1943 года, как раз после окончания карантина, эти концлагеря объединились. В воспоминаниях узников отмечается, что лагерь № 7 также называли «Шунгское отделение», в нем содержалось около 800 человек. Характер содержания узников в этом лагере, созданном, по сути, специально в рамках карантинных мер, ярко показывает то, как в финских лагерях проходил карантин. Всех узников постригли, отобрали одежду, которая длительное время лежала на улице. Затем одежду отправили в «жарилку» – ее «прожаривали» с целью уничтожить инфекцию. Однако после этого одежду вновь кидали в общую кучу, и узники «копошились» в ней в поисках своих вещей. Это практически сводило на нет весь смысл карантина – ведь зараженные узники могли спокойно заразить одежду незараженных и лишь поспособствовать распространению инфекции. Другим важным этапом карантинных мер была баня. Как отмечает узница концлагеря № 7 Могилева,

«в баню загоняли вместе с мужчинами и женщин, где выдерживали около часа при температуре 70–80 градусов. Бани были маленькие, переносные, из фанерных и бумажных щитов. В них было так тесно, что люди мазали друг друга телами и грязная вода моющихся стекала на других»⁶.

Еще одним лагерем, который практически не рассматривался в работах историков, был петрозаводский концлагерь № 4. Лагерь являлся карантинным и фильтрационным. 31 декабря 1941 года из концлагеря № 2 в концлагерь

№ 4 было увезено 40 мужчин, которые подозревались в том, что были советскими военнопленными. После двух недель допросов с применением пыток часть мужчин пропала без вести, часть была возвращена в лагерь № 2⁷. К выводу о том, что лагерь № 4 был предназначен для военнопленных, приходит историк Е. С. Киселева [7: 36]. Автор на основе воспоминаний узников дает оценку численности – примерно 300 заключенных. Лагерь пополнялся небольшими группами советских граждан по 75, 19 и 40 человек. После проверки узников переводили в другие лагеря, например в лагерь для военнопленных в Томицы [8: 66]. В декабре 1941 года заключенных лагеря было более 3 тысяч человек⁸, а 28 февраля 1942 года в лагере № 4 содержалось 2240 человек [8: 66]. Так как военнопленные находились в нескольких лагерях, можно предположить, что значительная часть узников была гражданскими лицами. Например, в лагерь № 4 попадали советские граждане для дальнейшего распределения. Н. Д. Анисимов 23 ноября 1941 года вместе с женой и шестью детьми был заключен в концлагерь № 4, но, как он сам отмечает, после недолгого пребывания был направлен в лагерь в Кутижму на лесозаготовки⁹. Положение узников в лагере № 4 было очень тяжелым. Они голодали, узница Клавдия Одолевская вспоминала, что приходилось питаться крапивой, гнилой картошкой и трупам собак. Из-за голода весной 1942 года в лагере произошла вспышка цинги и кори у детей. Смертность была высокой, и руководство лагеря организовало бригаду из подростков, которые занимались рытьем могил. В 1942 году большинство заключенных было переведено на лесозаготовки, а часть – в лагерь № 6¹⁰.

О тяжелой ситуации с медицинским обслуживанием в концлагере № 4 рассказал фельдшер этого концлагеря Парфенов в заявлении в Чрезвычайную государственную комиссию:

«В 1942 г. в лагере № 4, где я в то время был назначен в амбулаторию в качестве фельдшера, среди детского населения свирепствовала корь, на неоднократные мои просьбы и заявления начальство лагеря не принимало никаких мер. Комендант лагеря в то время был финн Кеконен. В октябре – ноябре 1942 г. в лагерь было завезено старое, грязное финское белье и роздано населению взамен ранее отобранного хорошего. Через некоторое время после этого в лагере стали появляться заболевания с кожными сыпями. Сначала никто не обратил серьезного внимания, заболевания были единичными. Затем заболевания приняли массовый характер, была отправлена кровь от больных на исследование в лабораторию и установлен сыпной тиф...»¹¹.

В рамках данной статьи также хотелось бы рассмотреть условия и характер работ в трудовых лагерях. Один из крупнейших трудовых лагерей – Кутижемский, расположенный в Пряжинском районе, был проанализирован в уже упо-

мянутой статье Ю. Н. Зеленской. Мы раскроем условия содержания узников в многочисленных финских трудовых лагерях на территории Медвежьегогорского района КФССР. Узница нескольких финских трудовых лагерей на территории Медвежьегогорского района А. А. Ермолина вспоминала, что изначально она находилась в Заонежье, где и попала в оккупацию. После этого ее и остальных жителей деревни Яндомозеро этапировали в Медвежьегогорск, где они работали на выгрузке пиломатериалов из вагонов. А. А. Ермолина вспоминала о голоде и ужасной системе питания узников: в день им давали до 400 граммов сухарей (галет), а суп они варили из тухлой конины, крапивы или мороженой картошки. Через неделю их перевели на 7-й разъезд, где узники работали на строительстве дорог. Рабочий день в этом трудовом лагере длился с 7 утра до вечера (обычно до 19:00), на отдых отводился один час. Таким образом, работали по 11 часов. А. А. Ермолина также отмечала, что работать зачастую приходилось по колено в воде, а одежды и обуви «не было никакой»¹². Схожие моменты прослеживаются и в воспоминаниях Е. С. Аникиной – узницы Кутижемского трудового лагеря. С 7 утра работали на лесоповале, за день необходимо было выполнить норму. Рабочий день устанавливался до 18:00, однако те, кто до этого времени норму не выполнил, оставались работать и дальше. Она также отмечала, что зачастую узники просто не успевали высушить промокшую за рабочий день одежду и утром выходили на работу в мокрых вещах¹³. Таким образом, в обоих трудовых лагерях был крайне длинный рабочий день (11–12 часов), узники работали в суровых условиях и не имели для этого подходящей одежды. На основании этого можно сделать вывод, что данные стороны деятельности трудовых лагерей в Кутижме и на территории Медвежьегогорского района являются типичными и характерными в целом для всех трудовых лагерей на оккупированной территории КФССР.

Узники трудового лагеря в Кутижме часто рассказывали о зверствах, которые творили врачи лагеря. Е. С. Аникина вспоминала:

«Не было пощады к больным, придешь к врачу, а он даже не осматривает, гонит на работу. <...> врач не лечил, а издевался над больными. Например, частенько больных заставляли делать утреннюю зарядку, бегать вокруг больницы, пилить и таскать дрова и т. д., чтобы окрепли мускулы. Привели в больницу однажды ненормального мальчика, он ничего не понимал, что ему говорил врач, за это был жестоко избит»¹⁴.

А. А. Ермолина, которую весной 1943 года отправили в трудовой лагерь, находящийся в 18 км от Кяппесельги, вспоминала:

«Условия работы были жуткие, очень многие болели малярией, ко всему тому еще прибавлялось большая скученность людей, холод, вечная сырость одежды

и обуви. При лагере хотя и был лазарет, но хочешь не хочешь, в нем никого не лечили. Во-первых, не было медикаментов, да и просто так не хотели. Сестры были русские, не из лагерных, а врачи приезжали финские, и только издевались да смеялись над нами, не оказывая никакой помощи»¹⁵.

О зверствах врачей особенно ярко написано в воспоминаниях и протоколах допросов узников тюрьмы для «ненационального» населения и концлагеря в деревне Киндасово. Узница Киндасовской тюрьмы А. И. Егорова отмечала:

«...если даже человек серьезно болел, все равно его выгоняли на работу, а охранники КОВАЛА, СИХВО-НЕН били таких людей палками, при этом кричали “вот вам здесь лекарство”»¹⁶.

Другая узница этой тюрьмы Е. В. Тарасова приводила сходную информацию:

«...белофинская администрация тюрьмы выгоняла всех на различные работы, в том числе больных, а если заключенный обращался за медицинской помощью к тюремному санитару (т. к. врача в тюрьме не было) ПОРА-ЯРВИ, то тот вместо оказания помощи выгонял больных из кабинета, а иногда даже избивал и “лечил” палкой и кулаками»¹⁷.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что отношение врачей к узникам было одинаковым и в трудовых лагерях, которые часто меняли место расположения в зависимости от наличия лесных угодий, и в тюрьмах, которые не переезжали с места на место, а находились в одном месте постоянно, что, казалось, могло бы позволить наладить там нормальную и постоянную медицинскую помощь. Однако это было не нужно финской администрации, не заинтересованной в сохранении здоровья узников.

В архивных документах малоизученных финских концлагерей и тюрем содержится обширный материал об издевательствах оккупантов над мирными гражданами – узниками этих мест принудительного содержания. Е. В. Тарасова на допросе показала:

«В Киндасовской тюрьме над заключенными издевались, били за каждый проступок, например, во время полевых работ истощенные заключенные брали что-либо из овощей, их подвергали избиениям до бессознания, так были избиты заключенные Гагарин, Фокин, Жданов, женщины Егорова и Артемьева. Редко можно найти человека, которого бы не били из тех, кто побывал в Киндасовской тюрьме. Начальником тюрьмы был капитан Тойвонен. По его приказаниям и распоряжениям, а также капитана Юлстало производились все расправы, пытки и издевательства над советскими гражданами, заключенными в тюрьму»¹⁸.

Преступления против мирного гражданского населения на оккупированной территории Карелии не обезличены. В архивных источниках и воспоминаниях узников малоизученных

финских концлагерей и тюрем называются конкретные фамилии тех, кто применял пытки и истязания по отношению к заключенным. Заключенная тюрьмы в селе Киндасово А. И. Егорова на допросе 19 июля 1944 года назвала фамилии истязателей:

«Издевательства и избиения заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы дер. Киндасово. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь из заключенных не били. Особыми зверствами и изощренными методами издевательства отличался начальник тюрьмы капитан Тойвонен, его помощники сержант Ковала и Сихвонен, которые не только избивали заключенных, но без следствия и суда расстреливали невинных советских граждан, брошенных в тюрьму»¹⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализированный обширный архивный материал позволяет раскрыть многие аспекты содержания узников в ранее малоизученных финских концлагерях. В первую очередь приведенные документы дают возможность выяснить причины, по которым узники попадали в лагеря. В случае с концлагерем в Колвасозеро становится ясно, что люди там зачастую оказывались вовсе не из-за своей «неблагонадежности», а по совершенно надуманным причинам: работа в райкоме партии до войны, «дорогое» пальто, наличие детей, участвующих в сопротивлении финским оккупантам. На основе анализа документов, относящихся к концлагерю № 7 в Петрозаводске, удалось показать характер карантинных мер финской оккупационной администрации и доказать их абсолютную фиктивность – эти меры не спасали узников от распространения инфекций. На основе сравнения Кутижемского трудового лагеря и нескольких трудовых лагерей на территории Медвежьегорского района мы приходим к выводу, что условия содержания в трудовых лагерях были довольно типичными – длинный рабочий день, крайне суровые условия работы, скудное питание и отсутствие подходящей рабочей одежды.

Поднятая в статье проблема малоизвестных финских концлагерей требует продолжения исследований. Необходимо выявлять региональные аспекты оккупации и главное – осуществлять изучение этой темы на микроуровне: исследовать отдельные концлагеря и отдельные оккупированные финнами районы КФССР. В конечном итоге все это позволит всесторонне представить картину финского оккупационного режима на территории КФССР в годы Великой Отечественной войны и создать необходимую документальную базу для правовой оценки жестоких проявлений оккупационной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии «О злодеяниях финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». Петрозаводск, 1944; О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков. М., 1944; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1945.
- ² Архив Карельского научного центра Российской академии наук (Архив КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 42. Д. 552. Л. 30.
- ³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 548. Л. 6.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 354. Л. 13.
- ⁶ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 822. Л. 90.
- ⁷ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 828. Л. 230.
- ⁸ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1183. Л. 30.
- ⁹ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 828. Л. 248.
- ¹⁰ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 837. Л. 4.
- ¹¹ НА РК. Ф. П.-1230. Оп. 23. Д. 39. Л. 57–58.
- ¹² Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 349. Л. 2.
- ¹³ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 822. Л. 126.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 349. Л. 2.
- ¹⁶ Протокол допроса от 19-го июля 1944 г., Егорова А. И. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem5> (дата обращения 22.12.2022).
- ¹⁷ Протокол допроса от 18 июля 1944 г. Тарасова Е. В. // Места принудительного содержания населения в Карелии в 1941–1944 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kareliaconcentrationcamps.ru/mem7> (дата обращения 01.11.2022).
- ¹⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Фонд трофейно-документальных материалов (ФТДМ). № 8292. Л. 32.
- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ № 8292. Л. 29.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов / Отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; Отв. ред. Е. В. Усачева; Сост. Т. А. Варухина, Л. С. Котович, Е. В. Рахматуллаева, О. И. Суржко, Е. В. Усачева, Н. В. Федотова. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», 2020. 408 с.
2. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
3. Веригин С. Г. Экономические аспекты финляндской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840016508-7-1/?ysclid=le43umc69l835462609> (дата обращения 01.11.2022).
4. Веригин С. Г. Национальная политика финской администрации на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 4. С. 5–19.
5. Давыдова Е. А., Журавлева Н. С. Жизнь населения советской Карелии в период финской оккупации (1941–1944) // Политический вектор-Л. Комплексные проблемы современной политики. 2015. № 1. С. 32–40.
6. Зеленская Ю. Н. Трудовой лагерь для советских граждан в Кутижме в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 62–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853
7. Киселева Е. С. К вопросу о финском лагере для советских военнопленных в городе Петрозаводске // Петрозаводск – город воинской славы: героические страницы прошлого Европейского Севера России: Сб. ст. и материалов V Межрегион. науч.-практ. конф.; Отв. ред. Ю. Н. Зеленская. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. С. 35–38.
8. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006. 277 с.
9. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Петрозаводск: Карелия, 1983. 236 с.
10. Осипов А. Ю. Оккупационный режим Финляндии в Советской Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 23–28.
11. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Портал Карельского союза бывших малолетних узников финских концлагерей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.autistici.org/deti-uzniki/sepp.html> (дата обращения 15.04.2022).
12. Усачева Е. В. Установление финского оккупационного режима на территории Карело-Финской ССР и организация мест принудительного содержания для гражданского населения // Курский военно-исторический сборник. 2016. Вып. 17. С. 121–126.
13. Laine F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 490 s.

Поступила в редакцию 09.11.2022; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Sergey G. Verigin, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 verigin@petsu.ru

Denis A. Popov, Undergraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 dps1939@mail.ru

Dmitry A. Eloshin, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 dmitry.eloschin@yandex.ru

LITTLE-KNOWN FINNISH CONCENTRATION CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF KARELIA

Abstract. The article addresses issues related to the maintenance of prisoners in labor camps in the territory of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic occupied by the Finns in 1941–1944 using the example of labor camps in the Medvezhyegorsk region. The relevance of the study is due to the special importance of preserving historical memory about the genocide of the Nazis and their allies in the occupied USSR territory during the Great Patriotic War for modern society. Based on the memoirs and protocols of interrogation of prisoners, numerous aspects of the detention of civilians in those Finnish concentration camps are studied, which until recently have been overlooked by researchers for various reasons. The novelty of the article is determined by the introduction into scientific circulation of extensive archival materials used for studying the nature of the work performed by prisoners, the facts of the Finnish invaders' war crimes against prisoners, the completely fictitious quarantine measures of the occupation regime in the camps, and the reasons for sending the prisoners to places of detention.

Key words: Great Patriotic War, Finnish occupation, concentration camps, Finland, Karelia

Acknowledgements. The studies described in this paper were carried out as part of the Research and Development Support Program for undergraduate and graduate students of Petrozavodsk State University funded by the Government of the Republic of Karelia (Agreement No KGRK-21/N5-24).

For citation: Verigin, S. G., Popov, D. A., Eloshin, D. A. Little-known Finnish concentration camps in the occupied territory of Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.864

REFERENCES

1. Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the Russian Soviet Federative Socialist Republic during the Great Patriotic War. The Republic of Karelia: Collection of documents (E. V. Usacheva, Ed., T. A. Varukhina, L. S. Kotovich, E. V. Rakhmatullaeva, O. I. Surzhko, E. V. Usacheva, N. V. Fedotova, Comp.). Moscow, 2020. 408 p. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Karelia in the years of military trials: Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 544 p. (In Russ.)
3. Verigin, S. G. Economic aspects of the Finnish occupation of Karelia (1941–1944). *Istoriya*. 2021;12(7). Available at: <https://history.jes.su/s207987840016508-7-1/?ysclid=le43umc69l835462609> (accessed 01.11.2022). (In Russ.)
4. Verigin, S. G. National policy of the Finnish government on the occupied territory of Karelia in 1941–1944. *RUDN Journal of Russian History*. 2009;4:5–19. (In Russ.)
5. Davydova, E. A., Zhuravleva, N. S. The lives of the people of Soviet Karelia during Finnish occupation (1941–1944). *Political Vector-L. Complex Problems of a Modern Policy*. 2015;1:32–40. (In Russ.)
6. Zelenskaya, Yu. N. Labor camp for Soviet citizens in Kutizhma during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):62–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853 (In Russ.)
7. Kiseleva, E. S. The Finnish camp for Soviet prisoners of war in the city of Petrozavodsk. *Petrozavodsk – the city of military glory: heroic pages of the past of the European North of Russia: Proceedings of the V interregional research and practice conference*. Petrozavodsk, 2022. P. 35–38. (In Russ.)
8. Kulomaa, J. Finnish occupation of Petrozavodsk. 1941–1944. Petrozavodsk, 2006. 277 p. (In Russ.)
9. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 236 p. (In Russ.)
10. Osipov, A. Yu. Finnish occupation regime in Soviet Karelia. *Oral history in Karelia: Collection of research articles and sources. Issue. 3. Finnish occupation of Karelia (1941–1944)*. (A. V. Golubev, A. Yu. Osipov, Eds.). Petrozavodsk, 2007. P. 23–28. (In Russ.)
11. Seppälä, H. Finland as an occupier in 1941–1944. Available at: <https://www.autistici.org/deti-uzniki/sepp.html> (accessed 15.04.2022). (In Russ.)
12. Usacheva, E. V. Establishment of the Finnish occupation regime in the territory of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic and the organization of places of detention for the civilian population. *Kursk collection of works on military history*. Issue 17. Kursk, 2016. P. 121–126. (In Russ.)
13. Laine, F. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 490 s.

Received: 9 November, 2022; accepted: 31 January, 2023

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет
старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

irina.r.takala@gmail.com

МАРИЯ АНДРЕЕВНА КОРОБЕЙНИКОВА

студент Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

mashka.maha.08@gmail.com

AD FONTES: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ ПЕТРОЗАВОДСКА С ГОРОДАМИ ФИНЛЯНДИИ

А н н о т а ц и я . В статье представлен краткий обзор истории побратимского движения, ставятся вопросы о степени исследованности побратимских связей городов Республики Карелия и Финляндии. Особое внимание уделено лакунам в изучении отношений Петрозаводска с финскими городами-побратимами Варкаусом и Йозенсуу. Авторы приходят к выводу, что история карельско-финляндских побратимских связей остается слабо изученной, и предлагают обзор источниковой базы, прежде всего документов, отложившихся в карельских архивах, с целью сориентировать потенциальных исследователей истории трансграничного сотрудничества муниципалитетов России и Финляндии. В условиях современной международной ситуации необходимость проведения подобного рода исследований представляется весьма значимой и актуальной.

К л ю ч е в ы е с л о в а : города-побратимы, СССР, Россия, Финляндия, Карелия, Петрозаводск, Варкаус, Йозенсуу, трансграничное сотрудничество, архивные источники

Д л я ц и т и р о в а н и я : Такала И. Р., Коробейникова М. А. Ad fontes: проблемы изучения побратимских связей Петрозаводска с городами Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 16–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.865

ВСТУПЛЕНИЕ

Побратимство городов – это концепция, согласно которой муниципалитеты или города, разделенные географически или политически, образуют пару с целью развития человеческих контактов и культурных связей. В Европе такие города, как правило, называют *Twin town*, или, как в Германии, *Partnerstädte*, в Северной Америке и Австралии – *Sister city*. Впрочем, практически у каждой страны есть свое название этому явлению, а вот устоявшегося определения побратимства городов нет ни в законодательствах, ни в культуре, поскольку это всего лишь одна из модальностей международного сотрудничества на местном уровне с официальными побратимскими соглашениями и признанием их со стороны местных властей [20], [26], [28], [38].

Считается, что побратимское движение в Европе началось в 1940 году, когда были под-

писаны первые соглашения между финскими и шведскими городами. Это позволило Финляндии во время Зимней войны получить от Швеции материальную помощь для своего мирного населения. Дружба вскоре распространилась и на другие страны Северной Европы¹. По версии Американской организации «Sister Cities International» (создана в 1956 году), начало движения было положено еще раньше, в 1931 году, когда был подписан документ о побратимстве между Толедо, штат Огайо, и одноименным испанским городом².

Практика побратимства была продолжена после Второй мировой войны как способ привлечь жителей городов разных государств к более близкому пониманию друг друга и продвигать трансграничные взаимовыгодные проекты. В 1957 году была создана международная неправительственная организация «Всемирная

федерация породненных городов», в 1989 году она объединяла свыше 3 500 городов из более чем 160 стран. С 1963 года по инициативе федерации ежегодно в последнее воскресенье апреля отмечается Всемирный день породненных городов. В 2004 году движение перешло на новый уровень (создание в результате объединения с Международным союзом местных властей и ассоциацией крупных городов «Метрополис» Всемирной организации «Объединенные города и местные власти»³), и теперь всё чаще говорят о новой форме парадипломатии – городской дипломатии, которая включает в себя особые международные отношения на местном уровне, работающие параллельно с традиционной системой [1], [8], [26], [39], [41]. В глобальном мире институт побратимства остается лишь одним из многих механизмов практической реализации дипломатии городов, причем не всегда эффективным, что объясняет снижение интереса к нему в некоторых государствах. Сегодня в движении городов-побратимов участвуют примерно 2500 городов в 134 странах [26: 77]. Вместе с тем, по состоянию на 2016 год, в мире насчитывалось более 125 многосторонних сетей и форумов, содействующих дипломатии городов и международному сотрудничеству между различными муниципальными властями [41: 22].

Начало включения СССР в побратимское движение традиционно относят к 1944 году, считается, что именно тогда «породнились» советский Сталинград и английский Ковентри. Правда, никакого официального соглашения тогда подписано не было, при этом информация об установлении «дружеских отношений между Волгоградом и Ковентри» тоже разнится. На волгоградских официальных порталах называют 1943⁴, и 1944⁵ годы. В исследовательской литературе можно встретить и более ранние датировки: 1942 или даже осень 1941 года [3: 162–163], [14: 223], [25: 92], [26: 77]. В 1944 году канадский портовый город Ванкувер стал побратимом только что освобожденного черноморского порта Одесса [26: 77], однако массовым движение становится на рубеже 1950–1960-х годов.

В 1964 году советские породненные города объединились в Ассоциацию по связям советских и зарубежных городов под эгидой Союза советских обществ дружбы (ССОД). Ассоциация вошла в состав Всемирной федерации породненных городов на правах коллективного члена, 20 советских городов сохранили индивидуальное членство. Ведущие позиции в дружественных связях с городами СССР в начале 1980-х годов занимали муниципалитеты Финляндии и Франции [20: 96]. Всего за время работы Ассоциации

(1964–1991) 289 городов и регионов Советского Союза установили породненные связи с 530 зарубежными муниципалитетами в 71 стране мира [26: 77]. Конечно, городские советы в СССР не могли быть самостоятельными в осуществлении международной деятельности. Тем не менее в годы холодной войны, несмотря на строгий партийный контроль и многочисленные правительственные ограничения на международные связи местных властей, движение побратимства сумело отчасти приподнять железный занавес, прежде всего в сфере межкультурной коммуникации.

С распадом СССР возникла необходимость в создании новой ассоциации. В декабре 1991 года на базе Ассоциации по связям советских и зарубежных городов была образована Международная ассоциация «Породненные города» (МАПГ), целью которой стало укрепление различных связей между городами, прежде всего в рамках СНГ⁶. Несмотря на явственный спад побратимского движения в новом тысячелетии, Ассоциация продолжает позиционировать себя его координатором. В декабре 2022 года на заседании Комиссии Совета законодателей по проблемам международного сотрудничества Российской Федерации руководство МАПГ предложило объявить 2024 год в России Годом городов-побратимов в связи с 80-летием «первого в мире породнения» между Сталинградом и Ковентри и 60-летием МАПГ⁷. Между тем в марте 2022 года Ковентри объявил о приостановке побратимских связей с Волгоградом⁸, а Турку – с Санкт-Петербургом⁹, да и практически все побратимские отношения российских городов с западными партнерами сегодня заморожены.

Интерес исследователей к истории побратимства и городской дипломатии возрос в последнее десятилетие в связи с усилением контроля со стороны российской государственной власти за муниципалитетами. В современных работах анализируется и позитивный опыт сотрудничества городов-побратимов в советское и постсоветское время, и факторы, сдерживавшие и обеднявшие это сотрудничество, и причины разрывов побратимских связей, см., например: [2], [10], [12], [13], [24], [27], [29], [30]. При этом источниковедческой особенностью практически всех современных исследований является ориентация на интернет-ресурсы: официальные сайты администраций городов и муниципалитетов, представительств МИД на местах, международных побратимских организаций и т. д. Из архивных источников используются главным образом фонды бывших партийных архивов и почти нигде не задействованы документы зарубежных

архивов (одно из исключений: [13]). Вместе с тем важно изучать материалы органов советской власти и заглянуть по ту сторону занавеса, собрав и проанализировав материалы зарубежных архивов о побратимских связях с советскими городами и регионами.

Сегодняшняя ситуация в мире еще больше актуализирует изучение истории побратимства как способа межкультурной коммуникации.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ С ГОРОДАМИ ФИНЛЯНДИИ

Отношения Финляндии и Советского Союза после Второй мировой войны строились на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года, определившего особый статус Финляндии как составной части западного мира, но имеющей тесные и многосторонние связи с СССР. Побратимское движение между городами Финляндии и СССР восходит к 1953 году, когда о своем сотрудничестве объявили Лахти и Запорожье, Турку и Ленинград [40: 479]. Большую роль в установлении побратимского партнерства сыграло Общество дружбы «Финляндия – СССР», созданное в 1944 году: именно местные отделения общества зачастую становились инициаторами дружбы с конкретными советскими городами [17: 16], [23: 9].

Советское общество дружбы «СССР – Финляндия» было создано в 1958 году, в 1962 году появилось его карельское отделение, а в 1965 году во время неофициального визита президента Финляндии Урхо Калева Кекконена в Советский Союз было достигнуто соглашение о породнении 50 финских и советских городов [5: 67]. Тогда же были установлены дружеские отношения между Петрозаводском и финским городом Варкаус (официальный договор был подписан 10 лет спустя, в 1975 году) [18: 36–37]. Многие исследователи называют Петрозаводск одним из пионеров побратимского движения в СССР: дружеские отношения с Варкаусом начали развиваться уже в 1950-е годы, а заключенный договор стал востребованной моделью возможных форм организации деятельности для других городов-побратимов [5: 69], [16: 147], [17: 13].

Впрочем, в советское время побратимское движение развивалось неровно: у городских властей советских городов не было возможностей осуществлять полноценные дружеские контакты с побратимами. Большинство соглашений о дружбе между советскими / российскими и финляндскими городами было заключено во второй половине 1980-х и в 1990-е годы,

уже в новых условиях постсоветских реалий. В 2020 году в России и Финляндии насчитывалось около 130 пар городов-побратимов, до 2017 года на регулярной основе проводился Российско-финляндский конгресс породненных городов¹⁰. И здесь Республика Карелия как приграничный регион вновь оказалась во многом первопроходцем. В 1990-е годы все районы Карелии имели побратимские отношения с финскими муниципалитетами. Реальностью стали прямые контакты между школами, клубами, общественными, спортивными и другими организациями. Вторым финляндским побратимом Петрозаводска стал в 1994 году город Йюэнсуу. К 2022 году в Карелии и Финляндии насчитывалось 60 пар муниципалитетов-побратимов [40: 479]. Вместе с тем в 2000-х годах активность побратимского движения пошла на спад, однако появились новые формы взаимоотношений приграничных территорий на региональном уровне. В 1992 году Финляндия и Россия подписали соглашение о сотрудничестве в Мурманской области, Республике Карелия, Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Местное сотрудничество успешно продолжалось более 20 лет. Независимая оценка (Impact Consulting Oy, 2011) показала, что региональное взаимодействие было исключительно успешным и эффективным, став моделью трансграничного сотрудничества на внешних границах ЕС¹¹. Например, весьма успешной формой взаимоотношений на региональном уровне стал проект «Еврорегион “Карелия”», объединивший в 2000 году провинции Кайнуу, Северная Карелия и Северная Похьянмаа со стороны Финляндии и Республику Карелия со стороны России с целью повышения жизнеспособности региона и качества жизни его жителей с помощью трансграничного сотрудничества¹².

В 2010-х годах побратимские связи практически полностью перешли в сферу проектной деятельности, в большей степени связанной с экономическим сотрудничеством. Проекты в сфере культуры поддерживаются в рамках Российско-Финляндского культурного форума¹³. В 2012 году Финляндия и Россия заключили новое соглашение о трансграничном сотрудничестве, целью которого являлось развитие регионов по обе стороны границы. К сожалению, в 2022 году все программы были приостановлены¹⁴.

Трансграничное сотрудничество России и ЕС, а также практики российско-финляндского взаимодействия давно привлекают внимание исследователей [33], [34], [35], [36], [37], [42]. Однако начальные этапы этого сотрудничества, в том

числе движение породненных городов, изучены еще недостаточно и весьма фрагментарно. Лишь в последние годы стали появляться работы, исследующие значимость института побратимства для развития приграничного межмуниципального сотрудничества и как серьезный фактор социально-экономического и культурного развития таких городов и регионов [15], [16], [21], [32], [36].

То же можно сказать и об истории взаимоотношений Петрозаводска с финскими городами-побратимами Варкаусом и Йозенсуу: она остается практически не изученной. Вообще из 12 городов-побратимов Петрозаводска лишь о некоторых информация собрана в отдельные брошюры или сборники статей [9], [11], [19], [22], [23], а, например, сведения о почти тридцатилетнем сотрудничестве с Йозенсуу трудно отыскать даже в карельской периодике и современных медиа. На этом фоне выделяются работы Л. И. Вавулинской, исследующей взаимоотношения Петрозаводска и Варкауса с использованием архивных материалов [4], [5], [6], [7], [43]. Но это лишь начало пути, который должен быть продолжен. Представляется, что без таких исследований, без глубокого изучения истории сотрудничества городов России и Финляндии с опорой на документы архивов обеих стран трудно будет восстанавливать нарушенные трансграничные связи.

В октябре 2021 года в рамках круглого стола «Побратимские связи: история и современные вызовы» (проводился онлайн, что позволило собрать на дискуссию свыше 60 человек из более чем 20 городов и районов Карелии и коммун Финляндии) была обсуждена идея о написании совместной истории побратимских связей. По мнению участников круглого стола, история сотрудничества – это важная часть истории каждого отдельного муниципалитета и его жителей, стимул к продолжению диалога между представителями разных культур и стран, к укреплению доверия между людьми¹⁵. Проект оказался замороженным, не начавшись, но работа по изучению истории побратимства городов Карелии и Финляндии продолжается. В этой связи хотелось бы обратить внимание на источниковедческие проблемы такого исследования.

СПЕЦИФИКА АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Главным источником при изучении побратимских связей Петрозаводска с городами Финляндии являются архивные документы государственных учреждений и общественных организаций, тем более что задействованы они пока

очень слабо. И здесь исследователя подстерегает целый ряд трудностей.

Во-первых, документы рассредоточены по разным фондам и разным архивам. В Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) информацию о взаимодействии городов-побратимов Петрозаводска можно найти в фондах республиканских органов советской и партийной власти¹⁶, некоторых министерств и ведомств, прежде всего культуры и внешних связей¹⁷, самого города Петрозаводска¹⁸, в личных фондах деятелей культуры¹⁹, коллекциях фотоматериалов²⁰ и т. д. В Муниципальном архиве Петрозаводска документы по связям с городами-побратимами (культурный обмен, переписка с администрациями Варкауса и Йозенсуу) рассредоточены тоже по нескольким фондам²¹. Вполне вероятно, что сведения по побратимскому движению, прежде всего советского периода (отчеты о поездках наших делегаций в Финляндию и ответных визитах, информация о проводимых мероприятиях и их участниках и пр.), сохранились и в Архиве Управления ФСБ по РК: ведомство осуществляло строгий надзор за внешними связями региональных властей. Такой разброс документов делает работу исследователя побратимских связей весьма трудоемкой, но без нее полноценной картины отношений создать не удастся²².

Вторая проблема – это степень информативности архивных материалов. Как правило, отложившиеся в разных фондах документы не дублируют друг друга, но часто типологически схожи и их условно можно разделить на несколько основных групп:

- нормативные документы и инструкции центральных органов власти по осуществлению сотрудничества с зарубежными партнерами;
- планы побратимского обмена;
- программы мероприятий и приема делегаций;
- текстовые отчеты о поездках;
- годовые отчеты о проведенных мероприятиях в виде таблиц;
- переписка карельских чиновников с Москвой и переписка между администрациями городов-побратимов;
- списки участников обменных поездок.

Наиболее информативными являются текстовые отчеты, где достаточно подробно описываются петрозаводские мероприятия и поездки в города-побратимы, однако они встречаются крайне редко, особенно в делах советского периода. Годовые отчеты в виде таблиц дают представление о количестве проведенных мероприятий и об их характере, но без деталей и подробностей. Полную хронологию событий и досто-

верную статистику по этим таблицам воссоздать невозможно, поскольку есть они далеко не по каждому году. Также очень информативны переписки между городами-побратимами, в них содержится информация как по уже проведенным мероприятиям, так и по планирующимся – эта группа источников встречается чаще в делах постсоветского периода. Переписка карельских руководителей с Москвой дает неплохое представление о том, как центром направлялась, регулировалась, контролировалась деятельность региональных властей. Правда, велась она в сугубо лаконичной, рабочей форме, без лишней детализации, использовался в основном формат телеграмм, в которых содержатся иногда с трудом расшифровываемые сокращения. К тому же сохранилась эта внутренняя переписка далеко не в полном виде (иногда диалоги обрываются на полуслове) и порой трудно понять, о чем конкретно идет речь.

Программы мероприятий по приему иностранных делегаций могут быть полезны исследователю далеко не всегда, поскольку зачастую это просто деловое расписание: время приезда группы из Йюэнсуу, название гостиницы, часы обедов, мероприятий, совещаний. При отсутствии описания мероприятий, протоколов, а часто и тем совещаний и встреч фиксируется лишь сам факт поездки и ее даты без какого-либо содержательного наполнения.

Списки участников обменных поездок могли бы быть очень полезны для анализа специфики побратимских связей на разных этапах сотрудничества, но такие списки в документации многих поездок отсутствуют.

Еще одна важная особенность, которая также осложняет изучение данной темы: во многих документах не указывается название города, информация ограничивается фразами «поездка делегации в Финляндию», «гастроли в Финляндию», «командировка в Финляндию» и т. д. Определить место или места назначения в этом случае чрезвычайно трудно. Стоит отметить, что тенденция к обобщению в документах прослеживается с увеличением контактов: чем больше контактов, тем чаще отсутствуют названия конкретных городов.

Есть и целый ряд других сложностей при работе с архивными документами. Например, большая часть переписки администрации Петрозаводска с муниципалитетами Варкауса и Йюэнсуу велась в 1990-е годы по факсу, краска на факсовой бумаге со временем выцветает, поэтому уже сейчас многие документы читаются с большим трудом.

Хуже всего выглядит документальная база общественных организаций, которые также были активными участниками побратимского движения. Так, при рассмотрении документов фонда Карельского отделения общества «СССР – Финляндия»²³ не было обнаружено ни одного документа, относящегося к побратимским связям, нет даже материалов о мероприятиях, проводившихся отделением.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Таким образом, основными проблемами источниковой документальной базы для изучения побратимских связей Петрозаводска с Варкаусом и Йюэнсуу становятся разбросанность материалов по многочисленным фондам, неполная, а порой и плохая сохранность документов, отсутствие необходимой конкретики в некоторых из них.

Существующие лакуны могут быть восполнены источниками другого рода.

Практически незадействованным источником информации остается республиканская пресса, особенно на финском языке. Конечно, материалы прессы советского периода выглядят достаточно однородно и однозначно: жесткий партийный контроль не оставлял места для самостоятельных журналистских оценок. Тем не менее при серьезном, комплексном анализе газет и журналов, выходивших в Карелии, помимо фактологического материала, можно извлечь массу информации об особенностях республиканского побратимского движения. В этом плане, например, очень интересно было бы сравнить материалы, публиковавшиеся на русском и финском языках, в республиканских и местных газетах. Если привлечь архивные материалы²⁴, можно проанализировать внутреннюю работу редакций и проблемы, с которыми приходилось сталкиваться журналистам при подготовке материалов о побратимстве.

Еще не поздно провести интервью с активными организаторами и участниками побратимского движения: сотрудниками подразделений, отвечавших за внешние связи республики и Петрозаводска, участниками обменных программ и поездок в Варкаус и Йюэнсуу, деятелями культуры, образования, науки, экономической сферы, переводчиками и т. д. Без их воспоминаний картина содружества наших городов останется неполной. Лишь один пример. По документам не удавалось установить причины иррегулярного проведения Дней городов-побратимов в Петрозаводске. С 1972 года такие Дни проводились каждый год, к концу 1970-х – раз в два года, а в конце 1980-х и в 1990-х годах они проходили

уже в самые различные даты с длительными перерывами. Благодаря интервью с одной из бывших сотрудниц отдела внешних связей Администрации Петрозаводска Н. В. Лаврушиной выяснилось, что у города не было финансовых возможностей проводить Дни побратимов регулярно и было принято решение организовывать такие мероприятия в юбилейные годы подписания Договоров о дружбе²⁵. В принципе, объяснение лежит на поверхности, но докумен-

тального подтверждения этого решения пока не найдено.

И, конечно, не следует забывать о национальном и муниципальных архивах Финляндии, о материалах общества «Финляндия – Россия». Сотрудничество с финскими исследователями приостановлено, но никто не может помешать каждой стороне, пока отдельно, писать историю наших побратимских связей, оказавшуюся в 2020-е годы вновь чрезвычайно актуальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Salovaara O. Pönöttävä ystävyyskaupunkitoiminta vaihtui käytännön hyödyn etsimiseen // Helsingin Sanomat. 4.10.2015.
- ² Sister Cities International. URL: <https://sistercities.org/1931/01/30/oldest-sister-city-relationship-established-toledo-ohio-toledo-spain/> (дата обращения 23.01.2023).
- ³ United Cities and Local Governments. URL: <https://www.uclg.org/en> (дата обращения 23.01.2023).
- ⁴ Города-побратимы // Официальный информационно-справочный портал Волгограда. URL: <https://web.archive.org/web/20101106141158/http://www.volgadmin.ru/ru/MPCity/CitiesBrothers.aspx> (дата обращения 21.01.2023).
- ⁵ Города-побратимы // Официальный сайт администрации Волгограда. URL: <http://www.volgadmin.ru/d/about/TwinCities> (дата обращения 21.01.2023).
- ⁶ История возникновения Международной ассоциации «Породненные города» // Международная ассоциация «Породненные города». URL: <http://goroda-pobratimy.ru/about/istoriya-vozniknoveniya-mapg> (дата обращения 21.01.2023).
- ⁷ Заседание Комиссии Совета законодателей // Международная ассоциация «Породненные города». URL: <http://goroda-pobratimy.ru/blog/zasedanie-komissii-soveta-zakonodatelej-po-problemam-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-rossijskoj-federatsii> (дата обращения 21.01.2023).
- ⁸ РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220323/razryv-1779671529.html> (дата обращения 23.01.2023).
- ⁹ Интерфакс Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/main/turku-soobshchil-chto-priostanavlivaet-pobratimstvo-s-peterburgom-po-nezavisyashchim-ot-sebya-prichinam-smolnyy>. См. также: Финские муниципалитеты разрывают дружественные связи с городами-побратимами в России // Новости Yle.fi. URL: <https://yle.fi/novosti/3-12344465> (дата обращения 23.01.2023).
- ¹⁰ Без купюр: как министерства иностранных дел Финляндии и России оценивают двусторонние отношения // Новости Yle.fi. URL: <https://yle.fi/a/3-11318547> (дата обращения 27.01.2023).
- ¹¹ Suomen ja Venäjän rajat ylittävä yhteistyö // Ulkoministeriö. URL: <https://um.fi/suomen-ja-venajan-yhteistyö> (дата обращения 27.01.2023).
- ¹² См.: Еврорегион «Карелия». URL: <https://www.euregiokarelia.com/ru/>; «Еврорегион «Карелия» – 20 лет сотрудничества» // Сайт ПетрГУ. URL: <https://petrsu.ru/news/2020/92088/evroregion-kareliya-> (дата обращения 27.01.2023).
- ¹³ Российско-Финляндский культурный форум. URL: <https://www.kultforum.org> (дата обращения 27.01.2023).
- ¹⁴ Suomen ja Venäjän rajat ylittävä yhteistyö // Ulkoministeriö. URL: <https://um.fi/suomen-ja-venajan-yhteistyö> (дата обращения 23.01.2023).
- ¹⁵ Побратимские связи: история и современные вызовы, 28.10.2021 г. // Официальный сайт некоммерческих организаций Республики Карелия. URL: <http://nko-karelia.ru/news/5121> (дата обращения 23.01.2023).
- ¹⁶ НА РК. Ф. Р-689. Президиум Верховного Совета РК (1921–1994); Ф. Р-690. Совет Министров РК (1922–1994); Ф. П-3 Карельский реском Компартии РСФСР (1921–1991).
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-3017. Министерство культуры и по связям с общественностью РК (1955–2007); Ф. П-6148 Фонд культуры (1987–1991); Ф. Р-1274 Министерство внешних связей РК (1992–1999).
- ¹⁸ НА РК. Ф. П-1230 Петрозаводский горком КПСС (1918–1991); Ф. Р-460. Петрозаводский горсовет (1917–1993); НА РК. Ф. Р-2353. Отдел культуры исполкома Петрозаводского горсовета (1945–1991).
- ¹⁹ Например: НА РК. Ф. Р-243. Колосенок С. В., председатель Комитета по делам искусств КФССР, зам. министра культуры КАССР (1929–1990); Ф. Р-3621. Хайми Т. С., замминистра культуры, заслуженный деятель искусств КАССР (1939–1981); Ф. Р-3711. Трофимов Ф. А. писатель, журналист, главный редактор газеты «Ленинская правда» (1935–2003).
- ²⁰ НА РК. Ф. П-5914. Фотоколлекция (1904–1990).
- ²¹ Муниципальный архив г. Петрозаводска. Ф. Р-108. Администрация г. Петрозаводска (1992–1999); Ф. Р-111. Управление культуры Администрации г. Петрозаводска (1992–1999); Ф. Р-215. Администрация Петрозаводского городского округа (2000–2016).
- ²² Например, попытка А. В. Шеремет воссоздать картину сотрудничества предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 1970–1980-е годы на основе только партийных документов (НА РК. Ф. П-3) представляется не слишком удачной [31].

- ²³ НА РК. Ф. Р-3141. Карельское отделение общества «СССР – Финляндия» (1959–1990).
- ²⁴ Например: НА РК. Ф. Р-1962. Редакция газеты «Карьялан-Саномат» («Новости Карелии») (1940–1991); Ф. Р-3088. Редакция журнала «Пуналиппу» (1940–1981); Ф. П-136. П/о редакции газеты «Комсомолец» (1938–1982); Ф. П-1156. П/о КПСС редакции газеты «Ленинская правда» (1932–1988); Ф. Л-748 ООО «Редакция газеты «Северный курьер» (1958–2001).
- ²⁵ Интервью с Н. В. Лаврушиной. Петрозаводск, 29 марта 2022 // Архив М. А. Коробейниковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баков А. А., Керимов А. А. Регионы в международной деятельности: факторы развития парадипломатии // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). С. 164–172.
- Бекленищева М. В. Забытые города-побратимы: межмуниципальные связи Свердловска в 1955–1966 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. Вып. 17. С. 36–50.
- Белов Д. А., Болотов Н. А. Солидарность английской общественности с жителями Сталинграда (1941–1945 гг.) // Известия ВГПУ. 2015. № 1 (96). С. 162–167.
- Вавулинская Л. И. Контакты Петрозаводска и Варкауса в рамках международного движения городов-побратимов (1960–1980-е гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2008. № 9. С. 298–309.
- Вавулинская Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне (на примере Петрозаводска и Варкауса) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. С. 65–76.
- Вавулинская Л. И. Культурные связи между Карелией и Финляндией в 1950–1970-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск, 2009. С. 322–337.
- Вавулинская Л. И. Межкультурная коммуникация в диалоге Карелии и Финляндии в 1950–1970-е гг. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 228–249 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1081> (дата обращения 17.01.2023).
- Джорухова В. Л. Концептуальные основы для исследования парадипломатии // IN SITU. 2022. № 1. С. 49–54.
- Егоров Н. С. Петрозаводск – Ла Рошель – города-побратимы. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 64 с.
- Иванова Ю. В. Побратимы тульских городов: история и современность // Тульский краеведческий альманах. 2018. № 15. С. 104–114.
- Карелия и Германия: на пути мира и сотрудничества: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–15 апреля 2005 года. Петрозаводск: КГПУ, 2005. 282 с.
- Карпенко Е. В., Кузнецова Н. А. Коммуникационные стратегии и инструменты в побратимских отношениях: возможности применения // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: Сб. ст. Вып. 3. Н. Новгород, 2019. С. 71–76.
- Ковалёв М. В. Приподнимаю «Железный занавес»: Саратов и его города-побратимы (Бристоль и Братислава) // Город и городская жизнь в России XVI–XXI веков: Материалы всерос. науч. конф., посвящ. 430-летию Саратова. Саратов, 2020. С. 174–196.
- Ковалёва Е. А. Роль Сталинградской битвы в развитии народной дипломатии и формировании обществ дружбы // Известия ВГПУ. 2018. № 4 (127). С. 223–226.
- Колева З. И. Побратимство как культурно-социальная практика, влияющая на формирование социального пространства города // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8-1 (99). С. 50–54.
- Кондратьева С. В. Побратимские связи в развитии добрососедских отношений: практика карельско-финляндского взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 143–156.
- Лаврушина Н. «Давайте дружить городами». Как начинались побратимские связи Петрозаводска // Дружат города: опыт международного сотрудничества Петрозаводска, Варкауса, Великого Новгорода. Петрозаводск, 2021. С. 10–31.
- Лаврушина Н. Варкаус – первый побратим Петрозаводска // Дружат города: опыт международного сотрудничества Петрозаводска, Варкауса, Великого Новгорода. Петрозаводск, 2021. С. 32–43.
- Лукин С. Ю. Город, устремленный в зенит: [о побратиме Петрозаводска – Дулуте]. Петрозаводск: Карелия, 1990. 55 с.
- Максимов В. Б. Международные контакты городов СССР как часть внешней политики правительства // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2 (22). С. 96–102.
- Никulina Т. В. Побратимские связи Карелии и Финляндии в 1960–1980-е годы и развитие международного туризма // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009: Материалы междунар. рос.-финляндской науч. конф. (19–22 октября 2009 года). Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. С. 90–92.
- Петрозаводск – Умео: 30 лет сотрудничества / Сост. А. Исаксон, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко, С. Севандер. Петрозаводск, 2006. 104 с.
- Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы / Сост. Х. Итконен, Ю. Койвула, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко, Е. А. Шлапеко. Петрозаводск: Скандинавия, 2005. 88 с.

24. Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: Междунар. науч.-практ. конф. Москва, Тюмень, 23–24 апреля 2021 г. Тюмень: ТюмГУ, 2021. 169 с.
25. Сапрыка В. А., Травин Р. А. Институт городов-побратимов как инструмент развития приграничных территорий // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 4. С. 91–99.
26. Саямов Ю. Н. Дипломатия городов и связи городов-побратимов как часть народной дипломатии и элемент международных отношений // Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: Междунар. науч.-практ. конф. Москва, Тюмень, 23–24 апреля 2021 г. Тюмень: ТюмГУ, 2021. С. 71–80.
27. Солнце Е. О. Ялта и Пиетарсаари: несбывшиеся надежды о дружбе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (87). С. 41–45.
28. Фархутдинова К. В. Институт городов-побратимов в муниципальном праве Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12–3. С. 168–170.
29. Хужахметова Г. Н. Институциональные ограничения межмуниципального сотрудничества в Республике Башкортостан // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 2 (57). С. 143–153.
30. Шанина О. Н. Развитие Хельсинского процесса на местах: массовые выезды за границу и связи с городами-побратимами (на примере г. Ярославля) // Управление в современных системах. 2018. № 4 (20). С. 37–44.
31. Шеремет А. В. Сотрудничество предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 70–80-е годы XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7. С. 29–32.
32. Шлапко Е. А. Роль городских элит и побратимского движения в формировании трансграничных регионов (на примере развития внешних связей Петрозаводского городского округа, Республика Карелия) // Вестник Новгородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 374–380.
33. Шлямин В. А. Приграничный регион на Северо-Западе России: Сб. избранных статей, докладов, выступлений, интервью. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2022. 181 с.
34. Шлямин В. А. Россия в «Северном измерении». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 192 с.
35. Яровой Г. О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. 280 с.
36. Яровой Г. О. Трансграничное сотрудничество России и Евросоюза между (де)секьюритизацией и парадипломатией: в поисках новых подходов к cross-border governance // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 14, № 2. С. 156–181.
37. Яровой Г. О., Белокурова Е. В. Европейский союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб., 2012. 368 с.
38. Clarke N. Town twinning in Britain since 1945: Summary of findings. School of Geography, University of Southampton, 2009. 21 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soton.ac.uk/geography/research/ecs/twinning/index.html> (дата обращения 01.01.2023).
39. Kuznetsov A. S. Theory and practice of paradiplomacy. Subnational governments in international affairs. New York, NY: Routledge, 2015. 174 p.
40. Lavrushina N., Malmi M., Tirri S. Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Вып. 6. 2021. С. 479–482 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=2026> (дата обращения 01.01.2023).
41. Tavares R. Paradiplomacy: Cities and states as global players. New York, NY: Oxford University Press, 2016. 272 p.
42. The Borderless North. The Fourth Northern Research Forum / Ed.: Lassi Heininen, Kari Laine. Oulu: The Thule Institute, University of Oulu, Northern Research Forum, 2008. 226 p.
43. Vavulinskaja L. Petroskoin ja Varkauden ystävyssuhteiden historia // Carelia. 2007. № 4. S. 31–34.

Поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Irina R. Takala, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
irina.r.takala@gmail.com

Maria A. Korobeynikova, Undergraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
mashka.maha.08@gmail.com

AD FONTES: PROBLEMS OF STUDYING PETROZAVODSK'S TWINNING TIES WITH FINNISH CITIES

Abstract. The article offers a brief overview of the history of the twinning movement and raises questions about the extent to which the twinning ties between the municipalities of the Republic of Karelia and Finland are studied. Particular attention is paid to the gaps in the study of Petrozavodsk's relations with its Finnish twin cities Varkaus and

Joensuu. The authors come to the conclusion that the history of Karelian-Finnish twinning ties is still understudied and offer a review of the source base, primarily documents available in archives of the Republic of Karelia. Thus, the aim of the article is to guide potential researchers of cross-border cooperation history in Karelia and Finland. In the current international context, such studies are highly relevant and important.

Key words: twin towns, USSR, Russia, Finland, Karelia, Petrozavodsk, Varkaus, Joensuu, cross-border cooperation, archival sources

For citation: Takala, I. R., Korobeynikova, M. A. Ad fontes: problems of studying Petrozavodsk's twinning ties with Finnish cities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):16–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.865

REFERENCES

1. Bakov, A. A., Kerimov, A. A. Regions in international activity: factors of development of the paradiplomacy. *Discourse-P*. 2018;3-4(32-33):164–172. (In Russ.)
2. Beklenischeva, M. V. Forgotten twin towns: intermunicipal contacts of Sverdlovsk in 1955–1966. *Document. Archive. History. Modernity: Collection of research papers*. Ekaterinburg, 2017. Issue 17. P. 36–50. (In Russ.)
3. Belov, D. A., Bolotov, N. A. Solidarity of the English public with people in Stalingrad in the 1941–1945. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2015;1(96):162–167. (In Russ.)
4. Vavulinskaya, L. I. Contacts between Petrozavodsk and Varkaus within the international town twinning movement (1960–1980). *Saint-Petersburg and northern European countries*. No 9. St. Petersburg, 2008. P. 298–309. (In Russ.)
5. Vavulinskaya, L. I. The USSR and Finland twin towns in the 1960–80s as a factor of forming new forms of partnership at the regional level (the case of Petrozavodsk and Varkaus). *Boarders and contact zones in the history and culture of Karelia and the adjacent regions: Humanities studies*. Petrozavodsk, 2008. Issue 1. P. 65–76. (In Russ.)
6. Vavulinskaya, L. I. Cultural contacts of Karelia and Finland in the 1950s–1970s. *Finnish factor in Karelia's history and culture in the XX century. Humanities studies*. Issue 3. Petrozavodsk, 2009. P. 322–337. (In Russ.)
7. Vavulinskaya, L. I. Intercultural communication in the dialogue between Karelia and Finland, 1950–70s. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018;3:228–249. Available at: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1081> (accessed 01.01.2023). (In Russ.)
8. Joruhova, V. L. Conceptual framework for the study of paradiplomacy. *IN SITU*. 2022;1:49–54. (In Russ.)
9. Egorov, N. S. Petrozavodsk – La Rochelle – twin towns. Petrozavodsk, 2003. 64 p. (In Russ.)
10. Ivanova, Yu. V. Tula's twin towns: history and modernity. *Tula's Local History Almanac*. 2018;15:104–114. (In Russ.)
11. Karelia and Germany: on the path of peace and partnership: Proceedings of the international research and practice conference, April 14–15, 2005. Petrozavodsk, 2005. 282 p. (In Russ.)
12. Karpenko, E. V., Kuznetsova, N. A. Communication strategies and instruments of twin towns' partnership: practice opportunities. *Regions of the world: problems of history, culture, and policy: Collection of articles*. Issue 3. N. Novgorod, 2019. P. 71–76. (In Russ.)
13. Kovalev, M. V. Raising the “iron curtain”: Saratov and its twin towns (Bristol and Bratislava). *Towns and town life in Russia in the XVI–XXI centuries: Proceedings of the all-Russian research conference*. Saratov, 2020. P. 174–196. (In Russ.)
14. Kovaleva, E. A. Role of the Battle of Stalingrad in development of public diplomacy and formation of friendship societies. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2018;4(127):223–226. (In Russ.)
15. Koleva, Z. I. Twinning as cultural and social practice affecting the formation of social space of the city. *Vestnik of Samara State University*. 2012;8-1(99):50–54. (In Russ.)
16. Kondratyeva, S. V. Sister city connections in the development of benevolent relations: the practice of Karelian-Finnish interaction. *Tomsk State University Journal*. 2022;481:143–156. (In Russ.)
17. Lavrushina, N. “Let our towns be friends”. How Petrozavodsk's town twinning had begun. *Twin towns are friends: experience of international cooperation between Petrozavodsk, Varkaus and Veliky Novgorod*. Petrozavodsk, 2021. P. 10–31. (In Russ.)
18. Lavrushina, N. Varkaus – the first twin town of Petrozavodsk. *Twin towns are friends: experience of international cooperation between Petrozavodsk, Varkaus and Veliky Novgorod*. Petrozavodsk, 2021. P. 32–43. (In Russ.)
19. Lukin, S. U. A zenith-oriented town: [about Duluth, the twin town of Petrozavodsk]. Petrozavodsk, 1990. 55 p. (In Russ.)
20. Maximov, V. B. International links of Soviet cities as the part of the external policy of its government. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2012;2(22):96–102. (In Russ.)
21. Nikulina, T. V. Twin towns' contacts between Karelia and Finland in the 1960s–1980s and development of international tourism. *Russia and Finland in a multipolar world: 1809–2009: Proceedings of the international Russian-Finnish research conference (October 19–22, 2009)*. Petrozavodsk, 2009. P. 90–92. (In Russ.)
22. Petrozavodsk – Umea: 30 years of cooperation. (A. Isaksson, N. V. Lavrushina, V. A. Meshko, S. Sevander, Comp.). Petrozavodsk, 2006. 104 p. (In Russ.)

23. Petrozavodsk – Varkaus – the twin cities. (H. Itkonen, J. Koivula, N. V. Lavrushina, V. A. Meshko, E. A. Shlapeko, Comp.). Petrozavodsk, 2005. 88 p. (In Russ.)
24. Town twinning: status, development opportunities, challenges, priorities: Proceedings of the international research and practice conference. Moscow, Tyumen, April 23–24, 2021. Tyumen, 2021. 169 p. (In Russ.)
25. Sapryka, V. A., Travin, R. A. The institution of twin cities as a tool for development of border areas. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017;4:91–99. (In Russ.)
26. Sayamov, Yu. N. Town diplomacy and twin towns' contacts as part of public diplomacy and an element of international relationships. *Town twinning: status, development opportunities, challenges, priorities: Proceedings of the international research and practice conference. Moscow, Tyumen, April 23–24, 2021*. Tyumen, 2021. P. 71–80. (In Russ.)
27. Solntse, E. O. Yalta and Pietarsaari: unfulfilled hopes of friendship. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2018. No 1 (87). P. 41–45. (In Russ.)
28. Farhutdinova, K. V. Institute of sister cities in the municipal law of the Russian Federation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;12-3:168–170. (In Russ.)
29. Huzhahmetova, G. N. Institutional restrictions of the inter-municipal cooperation in the Republic of Bashkortostan. *Economic Systems*. 2022;2(57):143–153. (In Russ.)
30. Shanina, O. N. The development of Helsinki process in the field: mass travel abroad and communication with sister-cities (for example of Yaroslavl). *Management in Modern Systems*. 2018;4(20):37–44. (In Russ.)
31. Sheremet, A. V. Cooperation of Karelian enterprises within twinning partnership project of 1970–80s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015;7:29–32. (In Russ.)
32. Shlapeko, E. A. The role of local communities and the sister city movement in the formation of transborder regions (on the example of external relations of Petrozavodsk city, Republic of Karelia). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2012;4(1):374–380. (In Russ.)
33. Shlyamin, V. A. Border region in the north-west of Russia: Collection of selected articles, reports, speeches, interviews. Petrozavodsk, 2022. 181 p. (In Russ.)
34. Shlyamin, V. A. Russia in the “Northern Dimension”. Petrozavodsk, 2002. 192 p. (In Russ.)
35. Yarovoy, G. O. Regionalism and cross-border cooperation in Europe. St. Petersburg, 2007. 280 p. (In Russ.)
36. Yarovoy, G. O. EU-Russian cross-border cooperation between (de-)securitization and paradiplomacy: in search of new approaches towards cross-border governance. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2021;14(2):156–181. (In Russ.)
37. Yarovoy, G. O., Belokurova, E. V. European Union for regions: what Russian regions should know about the EU. St. Petersburg, 2012. 368 p. (In Russ.)
38. Clarke, N. Town twinning in Britain since 1945: Summary of findings. School of Geography, University of Southampton, 2009. 21 p. Available at: <http://www.soton.ac.uk/geography/research/ecs/twinning/index.html> (accessed 01.01.2023).
39. Kuznetsov, A. S. Theory and practice of paradiplomacy. Subnational governments in international affairs. New York, NY, 2015. 174 p.
40. Lavrushina, N., Malmi, M., Tirri, S. Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2021;6:479–482. Available at: <https://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=2026> (accessed 01.01.2023).
41. Tavares, R. Paradiplomacy: Cities and states as global players. New York, NY, 2016. 272 p.
42. The Borderless North. The Fourth Northern Research Forum. (L. Heininen, K. Laine, Eds.). Oulu, 2008. 226 p.
43. Vavulinskaja, L. Petroskoin ja Varkauden ystävyysuhteiden historia. *Carelia*. 2007;4:31–34.

Received: 9 January, 2023; accepted: 31 January, 2023

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БУЛЮКИН

аспирант кафедры истории Института гуманитарных наук
и социальных технологий

Костромской государственной университет (Кострома,
Российская Федерация)

bulykindima@yandex.ru

ЛЕВЫЕ ДЕПУТАТЫ ОТ КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

А н н о т а ц и я . Рассматривается вопрос о влиянии левых настроений электората Костромской и Ярославской губерний на избирательную кампанию и деятельность депутатов Государственной думы второго созыва. Актуальность исследования заключается в необходимости обращения к истории Государственной думы, богатой событиями, опытом и традициями, для лучшего осмысления работы современного российского парламента. Дается характеристика роли провинциальных властей в ходе выборов. Предпринимается попытка выявить, насколько общественно-политическая ситуация, экономическое положение и условия жизни в указанных губерниях влияли на предпочтения костромской и ярославской общественности. Научная новизна состоит в том, что заявленная тема не являлась предметом специального исследования, а провинциальный аспект и деятельность костромских и ярославских депутатов плохо изучены в исторической литературе. Автор стремится выявить, в какой мере народные избранники выражали в парламенте левые интересы своих избирателей. Делается вывод о том, что во II Думу в 1907 году от Костромской и Ярославской губерний прошли представители левых партий: кадетов, народных социалистов и социал-демократов. И хотя царские власти в провинции препятствовали такому исходу выборов, местное население осознанно голосовало за левых. Наиболее ценным источником выступают материалы провинциальных газет, содержащие интересную и противоречивую информацию, различные точки зрения, богатый фактический материал об избирательной кампании и парламентской работе депутатов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : II Государственная дума, выборы, провинция, Костромская губерния, фабрично-заводские рабочие, Ярославская губерния, аграрный вопрос, левые настроения, кадеты, социал-демократы

Д л я ц и т и р о в а н и я : Булюкин Д. А. Левые депутаты от Костромской и Ярославской губерний во II Государственной думе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 26–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.866

ВВЕДЕНИЕ

В начале 1907 года в Российской империи проходили выборы во II Государственную думу. Жители Костромской и Ярославской губерний решение острых экономических и общественно-политических проблем связывали с созываемым русским парламентом. Избиратели демонстрировали высокий интерес к выборам и активно к ним готовились.

Костромская и Ярославская губернии характеризовались наличием крупных промышленных предприятий, большим количеством фабрично-заводских рабочих, что позволяло им иметь представительство в Государственной думе. Электорат данных губерний в 1907 году выражал левые, в том числе революционные, настроения. Избранники от рабочих-костромичей были представлены в Думах всех четырех созывов и были членами РСДРП [10: 228]. Предшествующее вре-

мя, и особенно 1905–1906 годы, показало высокий авторитет Костромской организации РСДРП. Поэтому неслучайно и на выборах во II Государственную думу поддержка данной партии среди рабочих была высокой. Особенно большой поддержкой социал-демократы пользовались на крупных фабриках региона. Во многом этому способствовала и сама избирательная система, отдававшая приоритет большим предприятиям.

* * *

В ходе выборов пользоваться своим избирательным правом могли только рабочие мужского пола, которые достигли 25-летнего возраста. Работники мелких мастерских и заводов с числом трудящихся менее 50 человек к участию в выборах не допускались. Уполномоченными от рабочих могли быть не все, а только проработавшие на данной фабрике не менее полугода.

Таким образом, «избирательных прав были лишены ремесленники, приказчики, батраки помещичьих имений, каменщики и другие строительные рабочие, извозчики, грузчики и другие чернорабочие, а также и все работницы»¹. Прежде всего рабочие избиратели выбирали уполномоченных. Завод или фабрика, на которых трудились от 50 до 1000 человек, выбирали одного уполномоченного. На каждую следующую полную тысячу выбиралось еще по одному уполномоченному. В то же время 22 мелких завода Костромской губернии (от 50 до 100 рабочих) давали избирательные права 1500 рабочим. На 23 крупнейших фабриках Костромской губернии избирательные права имели 23 тысячи человек². Следовательно, рабочие, трудящиеся на крупных фабриках, сравнительно с работниками мелких предприятий хотя и были обделены избирательными правами, тем не менее пользовались известным моральным преимуществом. Считалось, что представители крупных предприятий будут более последовательно отстаивать интересы всего рабочего класса России³.

Борьба за голоса избирателей продолжалась вплоть до выборов в губернское избирательное собрание. Местные власти в лице губернатора А. П. Веретенникова попытались разбить единый фронт левых, внося раскол в отношения между костромскими кадетами и социал-демократами. Губернатором с этой целью была создана маленькая газета-листок под названием «Рабочий» [7: 243]. В газете сообщалось, что на одном из предвыборных собраний костромичи «в штыки» встретили речь оратора Партии народной свободы:

«Почтенный оратор, видимо, никогда не посещал собраний хотя бы в Михинском сквере... казацкие нагайки и пулеметы, разрушение обширных городских кварталов и целых деревень, расстрелы без суда и следствия по приказу первого офицера. Если бы почтенный борец за народную свободу, который, по крайней мере, на словах выступает под девизом “все – для народа и все – через народ”, изредка посещал эти народные собрания костромского пролетариата, он искал бы иных причин безучастного отношения граждан к митингам кадетской партии»⁴.

Следовательно, мы видим стремление внести раскол в наметившееся соглашение между кадетами и социал-демократами на последней стадии выборов, однако они провалились. 26 октября 1906 года на заседании ЦК кадетской партии было решено предоставить депутатские места рабочим ввиду опасности, что «скоро переломить владычество социал-демократов у рабочих кадетам не удастся»⁵. В результате от Ярославской губернии был избран мещанин

и рабочий лесопильного завода Жакова Дмитрий Павлович Пуговишников. Он стал единственным рабочим в составе думской кадетской фракции всех созывов [13: 106].

Сложнее ситуация была с крестьянством. Все депутаты от крестьян не доверяли политическим партиям и считали, что они не в полной мере отражают их интересы. В провинциальных газетах того времени прослеживаются надежды крестьян-избирателей на перемены [2: 23]. Так, на одном из собраний крестьян, съехавшихся со всех уездов Костромской губернии, «необходимость предоставления женщинам избирательных прав была признана единогласно и без прений»⁶. Хлебопашцы сетовали на исключительно тяжелые условия жизни в деревне: «Порка до сих пор универсальное средство расправы с крестьянами. Властная рука в деревне не имеет предела, ей нет границ»⁷. Крестьянство было недовольно засильем института земских начальников:

«Земский начальник имеет над крестьянином дисциплинарную власть, как офицер над солдатом: за неснятые фуражки он может арестовать мужика и посадить на неделю в кутузку. В деревне земский начальник может и даже должен вторгаться в личную жизнь, утверждать раздел и пр.»⁸.

Этими настроениями пыталась воспользоваться либеральная пресса, указывавшая, что

«ключевой проблемой для земледельцев были экономические условия жизни, понимаемые ими как невыносимые, невозможные и безобразные: при 12-часовом упорном труде крестьян в общем зарабатывает 12–15 коп. зимой и 30–40 коп. летом. Между тем вся Россия существует на крестьянский счет. Кратко – реформой нужно решительно уничтожить барина и мужика и слить их в одного русского гражданина»⁹.

Близкими к вышеуказанным были настроения ярославской общественности. В преддверии выборов в ярославской прессе так определялось положение Думы:

«Момент таков, что наше народное представительство – российский парламент – стоит на рубеже двух крайностей. С одной стороны – реакция, носящаяся черным вороном над страной, думающая запугать страну террором черносотенных погромов, с другой – революционно настроенная армия пролетариата и крестьянства. Между ними в качестве смягчающего буфера стоит Дума, своим авторитетом сдерживающая взрыв народного негодования»¹⁰.

Ярославская печать требовала от депутатов обратиться к народу с Манифестом, объявив Думу Учредительным собранием. В то же время более умеренные методы думской работы (запросы парламентариев правительству, уступки и компромиссы царской власти) газетой не принимались.

Проблемой ярославских хлебопашцев было малоземелье, вынуждавшее крестьян использовать земельную аренду [14: 241]. В провинции сохранялись пережитки крепостничества, в частности «кабальные отношения крестьян в хозяйстве графов Мусиных-Пушкиных в Мологском уезде, вызывавшие крестьянские беспорядки, и их подавление вооруженными силами властей»¹¹. Ярославские корреспонденты резюмировали:

«Предстоящее разрешение аграрного вопроса в России должно устранить эту социальную болезнь, заставляющую нашего сеятеля быть в кабале у тех, кто владеет землей-кормилицей и своего труда к ней не прилагает, живя собиранием ренты и трудового дохода с поливающего землю своим потом трудового крестьянства»¹².

Сами ярославские депутаты понимали, что должны защищать интересы своих избирателей и от результатов их работы во многом зависит положение в стране. «Дума имеет огромное агитационное революционизирующее влияние на всю страну», – констатировали кадетские издания¹³.

Во многом левые настроения были связаны с позицией местных самоуправлений. Костромское и ярославское земства придерживались кадетских и более левых, народнических взглядов. Учитывая это, Министерство внутренних дел направляло сюда решительных губернаторов в лице Александра Александровича Римского-Корсакова, ярославского губернатора в 1905–1909 годах, и близкого к правым генерала Алексея Порфирьевича Веретенникова, возглавлявшего Костромскую губернию в 1906–1910 годах. Оба покровительствовали черносотенным организациям во вверенных им регионах. В Костроме новый губернатор взял курс на чистку губернии от кадетского и левого засилья. Губернатор был удивлен оппозиционными настроениями в «романовской губернии» [3: 72]. Своими политическими противниками он считал прежде всего бывшего депутата З. Г. Френкеля (кадет), заведующего санитарным бюро губернского земства, а также И. В. Шулепникова (кадет), возглавлявшего губернскую земскую управу. Репрессии коснулись и влиятельной здесь ветлужской уездной земской управы, руководимой Б. Л. Петерсоном (народный социалист), который вскоре был избран депутатом во II Думу. Методы борьбы с ними были следующими: суд, снятие с должности, неутверждение на должности, лишение на пять лет права избираться на какие-либо должности [3: 72]. Преследовались и дворяне Костромской губернии, оппозиционно настроенные к царизму. А. П. Веретенников не утвердил в должности потомственного дворянина А. В. Перелешина (ка-

дет), вскоре ставшего депутатом II Государственной думы.

Одним из представителей правых был и ярославский губернатор. В Ярославской губернии ситуация была не менее напряженной. Митинги, стачки, демонстрации продолжались и во второй половине 1906–1907 годах [15: 202]. В ходе противостояния общества и власти в феврале 1907 года на А. А. Римского-Корсакова было совершено покушение. Рабочий-слесарь В. Веселовский пытался застрелить его из револьвера, но был схвачен и обезврежен самим губернатором [8: 227]. Рупором официоза и монархистов здесь была газета «Русский народ», орган ярославского отдела Союза русского народа. Ярославская консервативная печать констатировала: «Мы избавились от Государственной Думы, – но, увы, только на семь месяцев!»¹⁴ Намечавшиеся в ноябре 1906 года новые выборы оценивались газетой «Русский народ» как «адский хаос выборной горячки», а подготовка к избирательной кампании – «передышка не на семь месяцев, а всего только на три»¹⁵. Депутатская неприкосновенность рассматривалась консерваторами как ширма для ведения широкой революционной пропаганды. Созыв новой Думы, по мысли ярославских черносотенцев, представлял опасность депутатского сговора с целью объявить себя Учредительным собранием, провозгласить Россию республикой и тем самым спровоцировать новую волну кровопролития в стране [11: 343]. Газета «Русский народ» с беспокойством смотрела на предстоящую избирательную кампанию. Действующий избирательный закон характеризовался ею как «бессмысленный и зловернейший, по какому выбиралась только что распущенная крамольная Дума»¹⁶. Ярославские консерваторы прогнозировали «возмутительные» результаты будущих выборов, предвидя победу революционеров:

«Получается замкнутый круг: следующая Дума неизбежно будет крамольной и никогда не даст одобрения на изменение выгодной ей избирательной системы. Окончится семимесячная передышка – и в Таврическом дворце водворится новая революционная шайка, в которой большинство будет принадлежать уже не кадетам, а трудовикам, то есть злейшим анархистам и террористам»¹⁷.

Следовательно, предвидя свое бессилие, ярославские консерваторы апеллировали через правую печать к представителям власти, считая, что любая выбранная Дума недостойна существования, что власть в стране должна принадлежать самодержавному царю.

В Костромской губернии борьба за голоса избирателей была напряженной. И снова,

как и на выборах в Государственную думу первого созыва, победа досталась костромским левым. В числе народных избранников от Костромской губернии оказался Александр Васильевич Перелешин, занимавший должность председателя Костромской губернской земской управы. Он был дворянином и представителем кадетской партии. В Думу прошел также Борис Леонидович Петерсон, который служил председателем Ветлужской уездной земской управы. Род Петерсонов был внесен в третью часть Указателя дворянских родов Костромской губернии. Б. Л. Петерсон во время выборов позиционировал себя как кадет, но во II Думе примкнул к группе Народных социалистов. Еще одним костромским депутатом стал потомственный почетный гражданин Павел Евлампиевич Юницкий, представлявший Партию народной свободы – надзиратель Кинешемского духовного училища. Кроме вышеуказанных депутатов во II Думе интересы Костромского края представляли три крестьянина: Николай Евдокимович Антонов, Алексей Васильевич Калинин и Филипп Иванович Галунов. Крестьянские депутаты, за исключением социал-демократа А. В. Калинина, являлись кадетами¹⁸.

Почему на исторической родине Романовых победу на выборах во второй раз одержали представители либеральных политических сил? Успех костромских кадетов мог объясняться личным авторитетом выдвигаемых депутатов, их подготовкой и деятельностью в ходе избирательной кампании, ожиданиями перемен со стороны населения, а также активным продвижением кадетами интересов избирателей в Думе. В отличие от либералов и левых, консерваторы Костромской земли положились на исторические традиции населения региона и не проявили должных усилий для успеха среди избирателей.

Во II Государственную думу от Ярославской губернии прошел дворянин и кадет Михаил Павлович Бобин, преподававший на кафедре римского права в Ярославском Демидовском юридическом лицее. Кадетом был и крестьянин Василий Егорович Ваулин, который работал школьным учителем в Мышкинском уезде и на ст. Ярославль. Крестьянин Иван Григорьевич Лавров также представлял Партию народной свободы. Членами этой партии были еще два ярославских народных избранника: потомственный дворянин, камер-юнкер, мировой судья и угличский уездный предводитель дворянства Николай Николаевич Тучков. В числе депутатов был и рабочий Д. П. Пуговишников. Таким образом, все пять депутатов от Ярославской губернии во II Думе были членами консти-

туционно-демократической партии. Образование ярославские народные избранники получили следующее:

«М. П. Бобин – высшее (имел ученое звание профессора), Н. Н. Тучков – среднее, В. Е. Ваулин окончил курс в Новинской учительской семинарии, Д. П. Пуговишников обучался в городском училище, И. Г. Лавров получил домашнее образование»¹⁹.

Таким образом, Костромскую и Ярославскую губернии в Государственной думе второго созыва представляли левые депутаты, занявшие левую часть зала заседаний в Таврическом дворце. Эти избранники были призваны выражать народные чаяния и интересы, в том числе потерпевших от столыпинских реформ крестьян, эксплуатируемых фабрично-заводских рабочих, а также средних городских слоев, пострадавших от последствий русско-японской войны, экономического кризиса и инфляции.

На ниве парламентской работы костромичи и ярославцы трудились в различных думских комиссиях, в которых стремились выражать настроения и требования своих избирателей. Костромские парламентарии, уже находясь в Петербурге, получили телеграмму крестьян сел Бурдово и Глебово Кологривского уезда, в которой выдвигалось требование добиваться полной политической амнистии и отмены смертной казни, полной конфискации без выкупа всех частновладельческих, удельных и монастырских земель и передачи их в собственность всего народа с полной отменой частной собственности. Решение земельного вопроса крестьяне видели так: «Землею должен пользоваться только тот, кто своей семьей или в товариществе, но без наемных рабочих будет ее обрабатывать»²⁰. Крестьяне также надеялись, что будут отменены все сословные ограничения и упразднен институт земских начальников, а все должности от сельского старосты до министра будут избираемы народом и от народа будет зависеть их увольнение. Добивались хлебопашцы и отмены Законов от 5 октября и 9 ноября 1906 года, изданных на основании ст. 87, как совершенно непригодных и даже вредных для крестьянства. Аналогичные чаяния испытывала ярославская общественность, которая возлагала на своих депутатов большие надежды [9: 123].

Депутат Н. Е. Антонов в Думе выступал по вопросу столыпинских реформ, ссылаясь на отношение к ним крестьян-избирателей. Он отмечал, что еще до созыва II Государственной думы министерство П. А. Столыпина издало целый ряд указов. Это было сделано на основании ст. 87 Основных законов, дающей право в чрезвычайных случаях издавать указы без согласия народных

представителей. В результате были приняты указ о военно-полевых судах и законодательные меры по земельному вопросу. Депутат находил эти законы весьма неудачными, в частности закон о выделе из общинного владения отдельных домохозяев даже вопреки желанию общества. По мнению Н. Е. Антонова, данный закон подрывал самостоятельность сельской общественности и способствовал усилению бедствий и междоусобиц среди крестьянства. Положения закона не соответствовали народному сознанию и мировоззрению крестьян-общинников. Свою точку зрения Н. Е. Антонов подтверждал письмом, полученным от своих избирателей – крестьян Костромской губернии:

«Указ министров от 9 ноября 1906 года предписывает разрушение общины, натравливает нас друг на друга, порождает в будущем полное безземелье, кулачество, кровопролитие, тяжбу, ссору и не дает нам ничего лучшего, а только худшее и несправедливое. Ни подворное, ни хуторское хозяйство, на которое министры возлагают свои надежды, не спасет нас от нищеты. Подворное хозяйство тем не хорошо, что дадут мне 5–15 десятин на двор, где я буду сеять и пасти свой скот и где должен жить без воды, луга, и т. д. Хуторское хозяйство тем неудобно, что почти в каждом обществе земля неравномерна, хорошая и плохая, выделить одному хутору хорошую, а другому плохую – это несправедливо»²¹.

Крестьяне в письме признавали привычным и правильным для себя общинное владение.

Другой депутат, П. Е. Юницкий, стал членом Аграрной комиссии, а также занял должность ее секретаря. Он помогал редактору ежедневной общедоступной газеты «Думский листок» А. А. Стаховичу в деле издания и активно публиковался на страницах этой газеты. П. Е. Юницкий располагал конкретными примерами недовольства своих избирателей-костромичей, изложенными в письмах, приговорах и наказах:

«Мы не получаем от правительства своевременной помощи в виде продовольственных и семенных ссуд; ходатайства и хлопоты наши разбиваются о чиновничье равнодушие и неподвижность»²².

Полученное от крестьян Юрьевоцкого уезда письмо он озвучил с думской трибуны:

«Голод растет, и средств никаких нет. Раньше хоть скотину продавали и хлеба покупали, все-таки кормились. А теперь надеяться не на что. Зарботков нет. Начальство сделалось чуждым, никакой помощи не дает. Только и радости, что получили вашу телеграмму. Пожальуйста, помогите, не дайте умереть голодной смертью»²³.

Костромичи, служившие в саперном батальоне, сетовали депутату:

«Из-за истории, несоответственно ее серьезности носящей громкое название “восстание сапер”, в количестве 95 человек – 7 приговорены к смерти, 16 – на каторгу на 11–12 лет, остальные – в арестантские роты до 4 лет»²⁴.

Юницкий получал сочувственные письма и от костромских женщин-мещанок, предлагавших для безопасности работы Думы перенести заседания в какой-либо провинциальный город. Аграрная комиссия поручила президиуму выработать план дальнейшей работы комиссии и составить сводку взглядов различных думских фракций на аграрный вопрос.

А. В. Перелешин трудился в комиссиях по местному управлению и самоуправлению, финансовой комиссии и комиссии по народному образованию. Среди костромских депутатов II Думы по участию в работе разных комиссий он проявил себя наиболее активно. Распорядительная комиссия выбрала его председателем. Уверенно и аргументированно выступал депутат при избирании комиссии для оказания помощи голодающим [4: 150].

В состав комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов входил народный социалист Б. Л. Петерсон, занимавший должность секретаря 9-го отдела Государственной думы. Костромич выступал против стремления бюрократии противодействовать народному представительству и свести на нет все достижения Манифеста 17 октября. Среди противников Думы Петерсон называл государственную канцелярию, в которой служили родовитые и близкие ко двору сановники, стремившиеся обессилить Думу и лишить ее полномочий. Как считал избранник, бюрократам сопутствовал успех, выраженный в написании для руководства Думы такого положения и таких Основных законов, которые низводили бы ее значение до уровня совещательного органа при министрах [1: 54]. Б. Л. Петерсон полагал, что Дума должна добиваться больших прав по рассмотрению и утверждению росписи государственных доходов и расходов²⁵. Хотя во II Думе вопросы внешней политики ни разу не были предметом депутатского обсуждения, думская комиссия рассматривала бюджетную смету МИД. Депутаты посчитали невозможным предоставить военным и дипломатам сумму, уходящую на весьма неопределенные расходы без необходимых пояснений и отчета [6: 77].

А. В. Перелешин и Б. Л. Петерсон работали также с избирателями в провинции. В частности, принимали участие в губернских земских собраниях. Особое внимание уделялось состоянию сельского хозяйства в губернии и изменениям, связанным со столыпинскими реформами. Участники обсуждали последние постановления костромского губернского земства, одно из них – о выдаче крестьянам бесплатных семян трав при переходе к правильному травосеянию. Народные избранники констатировали,

что северные уезды губернии, где широко распространён отхожий промысел среди мужчин, мало заинтересованы в этом постановлении. В то же время они поставили вопрос о нецелесообразном расходовании средств Костромским уездным земством и соседними с ним земствами. По словам участников собрания, эти земства получали из губернского склада семена на огромные суммы (до 12 тысяч рублей в год) и не отчитывались в расходовании средств. Депутаты возмущенно рассказывали, что крестьяне, получив от губернского сельскохозяйственного склада семена, продавали их на местных рынках. В ходе встреч с избирателями ими был поднят вопрос об издании земской газеты. Необходимость издания газеты ни у кого не вызывала сомнений. Проблему А. В. Перелешин видел в следующем: уже существующие костромские газеты «Костромич» и «Поволжский вестник» подвергались штрафам за публикуемую информацию, и если новая земская газета будет крайне осторожно публиковать информацию, то читатели ее не будут брать даже даром и сама идея будет погублена. Б. Л. Петерсон считал издание газеты необходимым делом, тем более что «крестьяне проснулись и прежние газеты его не удовлетворяют»²⁶. Он предлагал направить правительству ходатайство об отмене постановления, по которому редактором должен быть председатель управы, и пригласить осторожного редактора. В противном случае Б. Л. Петерсон настаивал на перенесении издания газеты на более отдаленный срок с необходимостью объяснить населению мотивы данного решения. В итоге участники решили создать комиссию по вопросу издания газеты.

Ярославские парламентарии не отставали от костромичей в активности думской работы. М. П. Бобин стал председателем библиотечной комиссии. Ему было поручено ознакомиться с состоянием библиотечного дела в I Думе, систематизировать библиотеку и создать возможности для скорейшего ее использования. 13 марта 1907 года он выступил с пространной речью с думской трибуны, призывая депутатов в течение 24 часов принять закон об отмене военно-полевых судов, «не осложняя себя возможными поправками, а затем и к отмене других явлений, позорящих нашу жизнь»²⁷. М. П. Бобин постоянно находился на связи с ярославскими земляками, в частности переписывался с корреспондентами газеты «Северная речь». В своих письмах и ответах на запросы избирателей он подробно анализировал текущее положение дел в Государственной думе, отвечал на вопросы и обосновывал принятые в Таврическом дворце решения [12: 86].

Для представителя ярославских рабочих Д. П. Пуговишника связи с земляками также были немаловажны. В переписке он получал информацию о текущих нуждах и проблемах ярославцев и старался их решить. Так, Пуговишников получил письмо от местного кружка самообразования с просьбой организовать регулярную посылку прогрессивных газет и журналов в Ярославль для ликвидации газетного голода. Из запроса следовало, что приказчики, учащиеся и рабочие хотели получать полную и достоверную информацию о положении дел в стране. Депутат с успехом выполнил просьбу земляков.

Н. Н. Тучков работал в составе комиссии по делам православной церкви, а также участвовал в работе Ярославского губернского земства. В то же время власти, видя проявления яркой оппозиционности Тучкова, лишили его придворного звания за то, что он не встал во время исполнения государственного гимна на первом заседании Думы.

Крестьянин В. Е. Ваулин проявил активность по вопросу народного образования. Выступал во время прений по обсуждению Наказа Государственной думы.

Вторая Государственная дума работала всего 102 дня и была распущена 3 июня 1907 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, во II Государственную думу от Костромской и Ярославской губерний были избраны представители левых партий: кадетов, народных социалистов и социал-демократов. Несмотря на преследования местной администрации в лице губернаторов А. П. Веретенникова и А. А. Римского-Корсакова, избиратели голосовали за левых. Это отражало предвыборные настроения электората, надежды на перемены, в том числе расширение избирательных прав, улучшение условий труда рабочих, ликвидацию крестьянского малоземелья. Большинство народных избранников активно работали в различных думских комиссиях, поддерживали связи с малой родиной и стремились защищать интересы проголосовавших за них земляков. Это выражалось как в парламентской работе депутатов – справедливой критике правительства, обращении с запросами к министрам, принятии необходимых законов, так и деятельности в провинции – участии в губернских земских собраниях, встречах и переписке с земляками, написании заметок на страницах столичных и местных газет. Вышеуказанные действия депутатов повлияли на позиции властей, которые после роспуска II Думы приняли новый избирательный закон, резко сократив голоса от народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Костромской голос. 1906. № 3. 21 января.
- ² Костромской голос. 1906. № 3. 21 января.
- ³ Партии российских промышленников и предпринимателей: Документы и материалы. 1905–1906 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 143 с.
- ⁴ Рабочий. 1907. № 2. 25 марта.
- ⁵ Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии. 1905–1911 годы. М.: Прогресс-академия, 1994. 528 с.
- ⁶ Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
- ⁷ Поволжский вестник. 1906. № 102. 20 июля.
- ⁸ Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
- ⁹ Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
- ¹⁰ Северная речь. 1906. № 128. 31 декабря.
- ¹¹ Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
- ¹² Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
- ¹³ Северная речь. 1906. № 13. 5 июля.
- ¹⁴ Русский народ. 1906. № 42. 7 августа.
- ¹⁵ Русский народ. 1906. № 42. 7 августа.
- ¹⁶ Русский народ. 1906. № 42. 7 августа.
- ¹⁷ Русский народ. 1906. № 42. 7 августа.
- ¹⁸ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX вв.: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С. 114.
- ¹⁹ Ярославские отголоски. 1907. № 30. 15 февраля.
- ²⁰ Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
- ²¹ Думский листок. 1907. № 5. 28 марта.
- ²² Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
- ²³ Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
- ²⁴ Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
- ²⁵ Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
- ²⁶ Думский листок. 1907. № 15. 8 апреля.
- ²⁷ Северная речь. 1907. № 50. 14 марта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронов Д. В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М.: Издательская группа «Юрист», 2005. 413 с.
2. Белов А. М. (отв. ред.). Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: Материалы V Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ имени Н. А. Некрасова, 2010. 197 с.
3. Горак А. Г. Институт губернаторства Российской империи в исторической ретроспективе: по воспоминаниям П. П. Стремоухова // Вестник Черниговского педагогического университета. 2011. № 8. С. 72–76.
4. Гусев К. В. Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. 246 с.
5. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетей, 2016. 1080 с.
6. Дегтярев А. П. Военные проблемы в деятельности Государственной думы России. М.: ВУ, 2018. 284 с.
7. Друцкой-Соколинский В. А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). Орел: Вариант В, 1996. 348 с.
8. Леонтович В. В. История либерализма в России (1762–1914). М.: Русский путь, 1995. 445 с.
9. Малышева О. Г. Избирательная система и избирательная практика в период думской монархии. М.: МГПУ, 2017. 265 с.
10. Миловидов В. Л. Страницы российской истории: избранные статьи и очерки. Кострома: КГУ имени Некрасова, 2006. 443 с.
11. Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: Всероссийская науч.-практ. конф. 10–12 сентября 2008 г. Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова: Сб. докладов и материалов конференции. Ярославль: Издательство ЯГУ им. П. Г. Демидова, 2008. 335 с.
12. Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб.: Наука, 2010. 764 с.
13. Селезнев Ф. А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2006. 227 с.
14. Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1983. 327 с.
15. Ярославские губернаторы. 1777–1917 гг.: Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк; Отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль, 1998. 330 с.

Поступила в редакцию 30.11.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Dmitry A. Bulyukin, Postgraduate Student, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
bulykindima@yandex.ru

LEFT-WING DEPUTIES OF THE II STATE DUMA FROM KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES

Abstract. The article deals with the influence of the left-wing sentiments among the electorate of the Kostroma and Yaroslavl provinces on the election campaign and the activities of the deputies of the State Duma of the second convocation. The relevance of the research is determined by the need to study the eventful history of the State Duma with its extensive experience and traditions for better understanding of the modern Russian Parliament's work. The role of the provincial authorities during the elections is characterized, and an attempt is made to identify how the socio-political situation, economic situation, and living conditions in the said provinces influenced the preferences of the Kostroma and Yaroslavl public. The novelty of the research lies in the fact that the issue in question has never been specifically studied before, while provincial context and the activities of the Kostroma and Yaroslavl deputies are poorly covered in historical literature. The author seeks to identify to what extent the people's deputies expressed the left-wing interests of their voters in the Parliament. It is concluded that in 1907 the representatives of the left parties – Cadets, People's Socialists and Social Democrats – were elected to the II Duma from the Kostroma and Yaroslavl provinces. And although the provincial tsarist authorities tried to prevent this outcome of the elections, the local population consciously voted for the left. The most valuable sources for the research were the provincial newspapers containing interesting and contradictory information, various points of view, and rich factual material about the deputies' election campaign and the parliamentary work.

Key words: II State Duma, elections, province, Kostroma Province, factory workers, Yaroslavl Province, agrarian issue, left-wing sentiments, cadets, Social Democrats

For citation: Bulyukin, D. A. Left-wing deputies of the II State Duma from Kostroma and Yaroslavl provinces. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):26–33. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.866

REFERENCES

1. Aronov, D. V. Legislative activity of the Russian Liberals in the State Duma (1906–1917). Moscow, 2005. 413 p. (In Russ.)
2. Belov, A. M. (Ed.). Workers – entrepreneurs – power in the late XIX and the early XX centuries: social aspects of the problem: Proceedings of the V international research conference. Kostroma, 2010. 197 p. (In Russ.)
3. Gorak, A. G. The institute of governorship of the Russian Empire in historical retrospect: according to the memoirs of P. P. Stremoukhov. *Vestnik of Chernihiv Pedagogical University*. 2011;8:72–76. (In Russ.)
4. Gusev, K. V. Non-proletarian parties of Russia during three revolutions. Moscow, 1989. 246 p. (In Russ.)
5. Davydov, M. A. Twenty years before the Great War: Russia's modernization by Witte and Stolypin. St. Petersburg, 2016. 1080 p. (In Russ.)
6. Degtyarev, A. P. Military problems in the activities of the Russian State Duma. Moscow, 2018. 284 p. (In Russ.)
7. Drutskoi-Sokolinsky, V. A. May the memory be blessed. Notes of a Russian nobleman (1880–1914). Orel, 1996. 348 p. (In Russ.)
8. Leontovich, V. V. The history of Liberalism in Russia (1762–1914). Moscow, 1995. 445 p. (In Russ.)
9. Malysheva, O. G. The electoral system and electoral practices during the Duma monarchy. Moscow, 2017. 265 p. (In Russ.)
10. Milovidov, V. L. Pages of Russian history: selected articles and essays. Kostroma, 2006. 443 p. (In Russ.)
11. Russian liberalism in the regional dimension: ideas, structures, tactics, leaders: *All-Russian research and practice conference. September 10–12, 2008. P.G. Demidov Yaroslavl State University: Collection of reports and conference materials*. Yaroslavl, 2008. 335 p. (In Russ.)
12. Russian intelligentsia. Autobiographies and bio-bibliographic documents in the collection of S. A. Vengerov. St. Petersburg, 2010. 764 p. (In Russ.)
13. Seleznev, F. A. Constitutional Democrats and the bourgeoisie (1905–1917). Nizhny Novgorod, 2006. 227 p. (In Russ.)
14. Shelokhaev, V. V. The Cadets as the main party of the liberal bourgeoisie in the struggle against the revolution of 1905–1907. Moscow, 1983. 327 p. (In Russ.)
15. Yaroslavl governors. 1777–1917: Historical and biographical essays. (V. M. Marasanova, G. P. Fedjuk, A. M. Selivanov, Eds.). Yaroslavl, 1998. 330 p. (In Russ.)

Received: 30 November, 2022; accepted: 10 January, 2023

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

ПРАВЛЕНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА (1676–1682): ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А н н о т а ц и я . Фигура царя Федора Алексеевича и события, происходившие в России в период его краткого правления, оказались в фокусе внимания историков лишь в конце XX века. С тех пор они стали объектом бурной полемики в отечественной историографии. Целью исследования является обобщение историографических позиций по основным дискуссионным вопросам, большинство из которых хронологически выходит за рамки царствования Федора Алексеевича. Рассматриваются вопросы о преемственности политики царя, основных тенденциях в эволюции государственной власти, степени самостоятельности правления, западном влиянии, начале Нового времени и характере проводимых реформ. Отмечается, что по вопросу о степени самостоятельности правления большинство исследователей высказывают мнение о постепенном возрастании личного участия царя в государственных делах. При этом выдвинутый П. В. Седовым тезис об ослаблении самодержавия в период правления царя Федора нуждается в дополнительной аргументации. Представляется продуктивной позиция историков, которые склонны проследить связь политики Федора Алексеевича как с преобразованиями предшественников, так и с петровскими реформами. При рассмотрении особенно бурной дискуссии о начале Нового времени выявлено, что большинство историков не склонны проводить четкую грань между Новым временем и Средневековьем. Отмечается, что ряд исследователей придерживаются точки зрения о поверхностной европеизации в период правления царя Федора. Однако большинству историков данный вариант поиска «нового», не сопровождающийся отказом от «старого», кажется реальной альтернативой радикальной и жестокой петровской европеизации. В сочетании с положительной оценкой характера проводимых Федором Алексеевичем реформ и используемых им методов эта позиция подводит к содержащемуся в современной историографии мнению о нереализованной возможности эволюционного развития страны. Подчеркивается, что представление о данном периоде как одной из точек бифуркации в российской истории должно стимулировать дальнейшее изучение состояния России в преддверии петровских преобразований.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историография, история России конца XVII века, А. П. Богданов, Д. М. Володихин, Н. Ф. Демидова, О. В. Новохатко, П. В. Седов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бауэр Т. В. Правление Федора Алексеевича (1676–1682): дискуссионные вопросы в новейшей отечественной историографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 34–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.867

ВВЕДЕНИЕ

Ни в дореволюционной, ни в советской историографии царствованию Федора Алексеевича, старшего брата Петра I, не уделялось должного внимания. Подобная позиция забвения обусловлена гиперболизацией масштабов личности и деятельности великого реформатора, в тени которого оказались его предшественники [2: 9]. На фоне деяний Петра I то, что происходило до его вступления на трон, казалось историкам чем-то примитивным, архаичным и заслуживающим изучения только в качестве предпосы-

лок петровских преобразований [1: 2]. Однако, по мнению исследователей, не только Петр Великий заслуживает фигуру своего старшего брата. Так, Д. М. Володихин сравнивает царя Федора с «долиной, обрамленной скалами», поскольку он оказался «как будто зажат в историческом времени меж крупными историческими личностями», в силу чего долгое время оставался почти незаметным [8: 6].

Трансформация образа Федора Алексеевича, в частности присвоение ему тусклых эпитетов «болезненный, хилый, малоспособный к государ-

ственным делам», по мнению Д. М. Володихина, обусловлена абберацией коллективной народной памяти, исказившей представления о царствовании Федора под влиянием «кровавой бани, последовавшей за его погребением» [8: 10, 249]. Однако, с точки зрения большинства современных историков, забвение и мифологизация образа царя и событий, связанных с его кратким правлением, являются результатом целенаправленных действий. По мнению А. П. Богданова, личность реформатора подверглась искажению с целью возвышения его младшего брата «родичами и клеветами нового царя», которые «стремились “счистить” со страниц русской истории память о годах правления Федора» [3: 3], [6: 7]. Как считает О. В. Новохатко, на отношении Петра к старшему брату не могли не сказаться «ненависть к московской старине, жесткое противопоставление всего отечественного западному», и именно с Петра началось «умолчание о достижениях предшественников при одновременном возвеличивании своих успехов», а затем эту точку зрения выгодно было поддерживать элите, созданной Петром [14: 277–278]. Верным представляется и весьма тонкое замечание Л. Хьюз: «Идея о том, что Россия была “чистым листом” до явления Петра, делала даже очень скромные достижения весьма значительными» [29: 330]. Именно благодаря петровскому «маркетингу» появился и миф об отсталости России в XVII столетии [26: 23]. В дальнейшем эти представления поддерживались тщательно конструируемой публицистами и историками мифологемой, в рамках которой Петр I предстает как demiург, сотворивший новую Россию¹.

Лишь с конца XX века фигура царя Федора и события, происходившие в России в период его краткого правления, стали объектом пристального интереса историков. В предлагаемом историографическом обзоре в центре внимания находятся исследования А. П. Богданова, Д. М. Володихина, Н. Ф. Демидовой, П. В. Седова, О. В. Новохатко и других авторов, вышедшие в основном в 1990-е – 2010-е годы. При этом главными оппонентами, представившими в своих работах разный взгляд на личность и период правления Федора Алексеевича, являются А. П. Богданов и П. В. Седов. Оба исследователя относятся к одному поколению (А. П. Богданов родился в 1956, П. В. Седов – в 1960 году), однако их профессиональная подготовка разнится: первый является выпускником Московского государственного историко-архивного института (далее – МГИАИ), а второй окончил Ленинградский государственный университет,

что послужило, вероятно, одним из факторов, повлиявших на их оценку изучаемого периода. Стоит отметить, что основы позиции А. П. Богданова достаточно четко видны уже в ранних работах [2], [4], [5] и др., где предпринимается попытка дать общее представление о личности и периоде правления Федора Алексеевича, в то время как П. В. Седов изначально обращается к отдельным сюжетам, связанным с данным периодом и личностью будущего царя [16], [19], [20] и др. Пересмотр традиционных взглядов на фигуру и деяния царя Федора продемонстрирован также в научно-популярном очерке крупнейшего специалиста по XVII веку Н. Ф. Демидовой [9]. Так же как и А. П. Богданов, она является выпускницей МГИАИ, однако принадлежит к исследователям другого поколения (Наталья Федоровна родилась в 1920 году), что, вероятно, повлияло на ее более сдержанную, хотя при этом в целом достаточно позитивную оценку личности и характера правления Федора Алексеевича.

Стоит также отметить, что в 2000–2010-е годы интерес к личности и периоду правления царя Федора наблюдается как в академической исторической науке (см. монографию А. П. Богданова [3] и представленную в виде докторской диссертации и вызвавшую бурные дискуссии среди историков работу П. В. Седова [17]), так и в социально ориентированном историописании. Так, в 2013 году в серии «ЖЗЛ» выходит монография Д. М. Володихина [8]. В оценке личности и достижений Федора Алексеевича историк ближе к позиции А. П. Богданова, однако некоторые его выводы не столь полемично обострены. Возможно, это обусловлено тем, что профессиональное становление этих историков происходило в разные годы и под влиянием разных научных традиций (Д. М. Володихин окончил Московский государственный университет в 1993 году, а А. П. Богданов – выпускник МГИАИ 1979 года), да и сама книга вышла, когда подходы двух основных оппонентов уже сформировались в формате монографических исследований, и позиция автора состояла в их примирении по некоторым вопросам. Стоит отметить и ряд публикаций в научно-популярном журнале «Родина», в которых так или иначе затрагиваются вопросы, связанные с правлением царя Федора [1], [10], [26], [27].

В исследованиях, посвященных царствованию Федора Алексеевича, поднимается ряд дискуссионных вопросов, в том числе и таких, которые хронологически выходят за рамки его правления. К ним можно отнести вопросы о преемственности политики царя, основных тенденциях в эво-

люции государственной власти, степени самостоятельности правления, западном влиянии, начале Нового времени, характере реформ, которые расцениваются некоторыми современными историками как реальная альтернатива радикальной и жестокой петровской европеизации. Целью данной статьи является обобщение историографических позиций по основным дискуссионным вопросам.

ВОПРОС О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВЛЕНИЯ

К числу историков, считавших Федора Алексеевича политически несамостоятельной фигурой, можно отнести Н. И. Костомарова, отмечавшего, что «власть была у него в руках только по имени»², С. М. Соловьева, называвшего царя Федора «преобразователем <...> в <...> стенах своей комнаты и спальни»³, Д. И. Иловайского, писавшего о склонности царя подчиняться ближайшим советникам⁴, С. Ф. Платонова⁵, Х.-И. Торке [22: 175] и др. Аргументами для исследователей служили молодость царя, а также его болезненность. Дело в том, что в одном из иностранных источников содержится уникальная информация о полученной царевичем в детстве тяжелой травме, вложенная в уста А. С. Матвеева, который, ссылаясь на этот случай, обосновывал перед умирающим Алексеем Михайловичем неспособность Федора к правлению. Современные исследователи, воспроизведя сведения из данного источника, обычно не настаивают на их абсолютной достоверности. Они указывают либо на косвенные доказательства [9: 341], [17: 184], либо ссылаются на медицинскую проблему, преследовавшую Федора во взрослом возрасте: время от времени ему трудно было ходить [8: 20]. Однако последнее обстоятельство историки чаще всего связывают с цингой, которую Федор Алексеевич унаследовал, по-видимому, либо от отца, либо от деда [3: 13, 55], [8: 34, 36], [17: 183, 193], [23: 221, 234].

К числу исследователей, придерживающихся противоположной точки зрения, можно отнести В. Н. Берха, который характеризовал царя как человека непоколебимого и способного к принятию самостоятельных решений⁶. Это мнение разделяет также современный историк А. П. Богданов. Он пишет о том, что при Федоре не было ни явных фаворитов, ни «первого министра», ни «серебряного кардинала», ни определенной группировки, которая бы манипулировала царем [3: 7], [6: 10] и др. Политически зрелым, способным проводить самостоятельный политический курс считает Федора И. В. Деягин⁷.

Однако уже в дореволюционной историографии можно встретить более взвешенный,

дифференцированный подход к вопросу о самостоятельности царя. Так, Е. Е. Замысловский пишет о том, что изначально Федор находился под сильным влиянием лиц, злоупотреблявших его доверием, однако последние годы правления отмечены проявлением самостоятельности в государственных делах⁸. Дифференцированного подхода к данному вопросу придерживаются также такие современные исследователи, как Д. М. Володихин, Н. Ф. Демидова и П. В. Седов, занимавшиеся проблемой периодизации правления Федора Алексеевича.

П. В. Седов, проанализировав на основании источников состояние здоровья Федора Алексеевича, опровергает тезис А. П. Богданова о том, что юный царь с первых же дней крепко взял бразды правления в свои руки, и показывает, что в это время от имени царя страной правили несколько влиятельных бояр. Он прослеживает «возрастание личного участия царя Федора Алексеевича в государственных делах <...> с 1679 г.», хотя и в рамках второго периода не признает его политически самостоятельной фигурой: «...у него не доставало еще опыта и силы воли, чтобы настоять на своем решении»⁹. О. В. Кошелева в коллективной рецензии на монографию П. В. Седова отмечает, что автор увлекается полемикой с А. П. Богдановым в характеристике личности Федора и оценке степени самостоятельности его правления. Приведенные им данные свидетельствуют, что Федор не был игрушкой в руках своего окружения [11: 176]. Схожей точки зрения придерживается и С. М. Шамин, который считает, что молодость и болезненность царя, а также следование советам и передача части функций управления выдвинутым самим Федором Алексеевичем боярам являются недостаточными аргументами в пользу того, что «он царствовал, но не правил», и можно лишь спорить о том, когда царь взял бразды правления в свои руки [11: 189–190]. О молодости и болезненности царя как недостаточных аргументах в пользу несамостоятельности его правления подробно рассуждает О. В. Новохатко, привлекая разнообразные параллели как из отечественной истории, так и из истории европейских абсолютистских государств. Исследователь показывает непоследовательность П. В. Седова в изложении собственных материалов, демонстрирующих активную позицию Федора Алексеевича, и соглашается лишь с тезисом об относительно пассивной роли царя, но не с мнением о его самоустранении от государственных дел в первый период правления, то есть до середины 1679 года [13: 394–412].

Более близок в оценке личности и правления Федора Алексеевича А. П. Богданову Д. М. Володихин. Историк видит в юном царе человека волевого, энергичного и деятельного. Он считает, что активность Федора Алексеевича, который и в начале своего правления мог настоять на своем, несмотря на то, что значительную роль в управлении страной играли придворные из окружения царя, начинает увеличиваться уже в 1678 году, а к 1681 году Федор становится самодержцем [8: 10, 40–43, 66–71, 82, 249]. В определенной степени солидаризуется с мнением А. П. Богданова и Н. Ф. Демидова. Однако она считает, что исследователь несколько преувеличил степень участия царя в делах применительно к первой половине его правления, поскольку роль Федора до середины 1679 года была скорее пассивной. И лишь во второй половине своего царствования, возмужав, Федор Алексеевич освободился от диктата временщиков и стал демонстрировать упорство и твердость характера, принимая деятельное участие в разработке реформ [9: 348, 359–361, 371, 378–397]. 1679 год в качестве некоего рубежа, достигнув которого Федор Алексеевич сложился как самостоятельный государственный деятель, называет и Т. В. Черникова [24: 11].

Итак, необходимо отметить, что достаточно длительное время большинство исследователей признавали политическую несамостоятельность Федора, однако наблюдения и выводы современных историков о постепенном возрастании личного участия царя в государственных делах, сделанные на основе анализа материалов, демонстрирующих активную позицию Федора Алексеевича, представляются достаточно аргументированными.

ДИСКУССИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В советской историографии еще в 1950-е годы сформировалась концепция перехода России во второй половине XVII века от сословно-представительной (сословной) монархии к абсолютизму, являвшаяся господствующей в 1960–1980-е годы. Однако тезис о неуклонном укреплении абсолютизма в этот период опровергается П. В. Седовым, который считает, что при Федоре Алексеевиче происходит временное ослабление самодержавной власти и властные полномочия перераспределяются в пользу патриарха, Думы, а затем и незнатных фаворитов царя [17: 240, 284, 326, 340–341].

В принципе, мнение о том, что даже в правление деда и отца Федора Алексеевича «самодер-

жавная власть была на самом деле малосамодержавная: все исходило от бояр и дьяков», при этом «еще менее можно было ожидать действительной силы от особы, носившей титул самодержавного государя по смерти Алексея Михайловича», высказывалось уже в дореволюционной историографии¹⁰. Однако подобные дискуссии об усилении либо ослаблении самодержавия неизбежно приводят исследователей к вопросу о сути самого понятия «самодержавие». Как отмечает Д. В. Лисейцев, если считать самодержавием личное участие царя в делах и игнорирование мнения ближайших советников, это делает самодержавие субъективным явлением. Если же придерживаться точки зрения, что самодержавие связано с отсутствием законодательно зафиксированных ограничений царской власти, потенциальной возможностью для царя поступать вопреки мнению своего окружения (а именно на такой тип власти указывает приводимый П. В. Седовым материал), нет оснований говорить об ослаблении самодержавия [11: 181]. Таким образом, тезис П. В. Седова об ослаблении самодержавия нуждается в дополнительной аргументации и внесении терминологической ясности в само понятие «самодержавие».

ВОПРОС О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОЛИТИКИ

Некоторые дореволюционные историки указывали на преемственность курса Федора Алексеевича и политики предшественников. Так, В. Н. Татищев видел в царствовании Федора продолжение деяний Алексея Михайловича (за исключением военной сферы)¹¹. В. Н. Берх и Н. И. Костомаров отмечали преемственность курса первых трех Романовых¹². Е. Е. Замысловский подчеркивал, что царствование Федора Алексеевича в большей степени обнаруживает связь с правлением его отца, а не с эпохой Петра I¹³. Последнее замечание представлялось автору особенно важным в рамках полемики с С. М. Соловьевым, акцентировавшим внимание на более тесной связи политики Федора Алексеевича и Петра Великого¹⁴. Другие историки отмечали связь политики царя Федора как с политическим курсом предшественников, так и с петровскими реформами¹⁵.

Проблема преемственности затрагивается и в современных исследованиях. Так, П. В. Седов последнюю треть XVII века – с 1667 по 1682 год – рассматривает как особый период истории, со своим содержанием и тенденциями, отличными как от регентства царевны Софьи, так и от результатов петровских реформ¹⁶, тем самым указывая на более тесную связь с предшествующим

царствованием. Н. Ф. Демидова в заключении очерка, цитируя Г. Ф. Миллера, солидаризуется с его точкой зрения. При этом в основной части работы до 1679 года прослеживается преемственность с деяниями Алексея Михайловича, а с 1679 года – с петровскими реформами [9: 347–402]. А. П. Богданов отмечает, что реформы Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и правление царевны Софьи стали фундаментом для деяний Петра и его преемников [6: 393]. В качестве предвестников преобразований Петра I исследователи рассматривают реформы и проекты в военной, административной, церковной, образовательной и культурной сферах¹⁷ [3: 236], [7: 53–67], [8: 90], [9: 369–397], [22: 180], [24: 11–14], [25: 191–192].

Представляется, что вдумчиво и детально изучая историю, можно без труда найти переклички как с деяниями предшественников, так и с петровскими преобразованиями. Здесь следует обратить внимание на весьма интересное замечание О. В. Кошелевой, которая пишет о том, что парадигма чистого листа означает для историков XVII столетия отсутствие предмета исследования [10: 17], в связи с чем представляется достаточно бесперспективной, как впрочем, и отрицание связи царствования Федора Алексеевича с предшествующим периодом.

ВОПРОС О НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Н. М. Карамзин и Н. Г. Устрялов точкой отсчета считали Петровскую эпоху¹⁸, а С. М. Соловьев предложил отсчитывать историю Нового времени не с Петра I, а с правления его старшего брата¹⁹. Попытка оспорить как традиционную периодизацию, так и точку зрения С. М. Соловьева была предпринята Е. Е. Замысловским. Исследователь отказывался расценивать царствование Федора Алексеевича и как эпоху, заканчивающую Древнюю Русь, и как точку отсчета истории Нового времени. Началом Нового времени он считал царствование Михаила Федоровича, а правление первых трех Романовых предлагал рассматривать в качестве отдельного цельного периода²⁰.

Современные исследователи также отдали дань этой дискуссии. Проблема периодизации затрагивается в исследованиях П. В. Седова. Однако его позиция в отношении установления грани между Средневековьем и Новым временем выглядит несколько неопределенной. В заключении монографии он отмечает, что поскольку все, что происходило при Петре I, имело истоки во время правления его старшего брата, годы царствования Федора обречены быть предме-

том историографических дискуссий: одни историки будут видеть в этом периоде начало Нового времени, другие – конец уходящей эпохи, и граница между средневековой историей России и Новым временем вряд ли будет единодушно принята. Однако, полемизируя с С. М. Соловьевым в основной части монографии, П. В. Седов все же предлагает относить правление Федора Алексеевича к эпохе Московского царства периода его заката. В заключении он возвращается к этой мысли. По мнению историка, преобразования Федора Алексеевича не сопровождались решительным отказом от московской традиции и не затрагивали основ «старого порядка», и в этом смысле они принадлежат более к средневековому периоду русской истории [17: 555–556, 284].

Эта позиция вызвала среди историков бурные дискуссии. Практически все авторы коллективной рецензии на монографию П. В. Седова высказались против либо отметили, что, действительно, не стоит проводить четкую грань. В определении «закат» исследователи усматривают терминологическую неясность, некоторые склонны расценивать его скорее как метафору. Критике подвергаются и конкретные аргументы, приводимые П. В. Седовым, такие как использование обвинений в колдовстве как средства политической борьбы и небюрократические методы в управлении, характерные якобы только для Средневековья. Исследователи отмечают также такие черты генезиса государства Нового времени, как эволюция политической системы, которую в XVII веке сложно назвать феодальной и средневековой в классическом понимании этих терминов, постепенный процесс бюрократизации Московского государства, развитие регулярной армии, формирование придворного общества и вмешательство государя в частную жизнь подданных. Эпитет «средневековое», согласно точке зрения М. М. Крома, вполне уместен лишь применительно к русскому обществу конца XVII столетия [11: 173–191]. Интересно, что схожее определение – «Осень Средневековья» – употребляет в своей рецензии на монографию П. В. Седова в отношении последней трети XVII века Ю. Эскин. Правда, автор оговаривается, что не считает XVII столетие Средневековьем в общепринятом смысле. Он, наоборот, видит в сфере культуры конца XVII века расцвет перед полной перестройкой просвещения, быта и разных областей искусства [27: 20].

Достаточно критично относительно точки зрения П. В. Седова высказываются И. Шмидт

и О. В. Новохатко. Исследователи отмечают, что красивое название книги сыграло с автором злую шутку: используя противопоставление допетровского и петровского периодов, историк упустил из виду, что после заката наступает ночь, а отнюдь не рассвет [13: 392–393], [26: 22]. Однако, выступая против тезиса о «средневековости» и «неевропейскости» России XVII века, О. В. Новохатко также впадает в некоторую крайность, заявляя, что для П. В. Седова Средневековье – это синоним отсталости, «некий эмоциональный ярлык, обобщающий негатив вообще, тогда как Новое время – напротив, это исключительный позитив». При этом автор справедливо критикует П. В. Седова за применение эпитета «средневековый» к характеру управления в XVII веке, колдовству как методу политической борьбы, прецедентному праву, образованию [13: 392–393, 412–420]. Стоит отметить, что за уподобление средневекового отсталому критикует П. В. Седова в одной из своих последних монографий и А. П. Богданов, который придерживается точки зрения о вступлении нашей страны в раннее Новое время во второй половине XV века [6: 425–426].

По мнению В. А. Аракчеева, сравнивая образ правления Федора и Петра, П. В. Седов «преувеличивает архаизм многих явлений изучаемого периода и модернизирует некоторые явления петровской эпохи» [11: 185]. По всей вероятности, в отдельных аспектах П. В. Седов действительно увлекается данной антитезой и оказывается под обаянием мифа об отсталости России в XVII веке, что отнюдь не умаляет других достоинств его исследования.

В ответе на коллективную рецензию П. В. Седов, в целом не отступая от своей позиции, предлагает рассматривать переход России от Средневековья к Новому времени как «длительный и многоплановый процесс, который начинается в XVII в., а заканчивается в последующие столетия», причем при желании искать истоки Нового времени можно уже в XV и XVI веках. Поясняя свою позицию относительно употребления лексемы «закат», автор подчеркивает, что он не вкладывал в это определение никакого негативно-уничужительного смысла, подразумеваемая под закатом «яркое явление накануне постепенного угасания, чреватого следующим рассветом», конец предшествующей переходной эпохи, в рамках которой старое сосуществовало с новым [18: 170–172, 177]. При этом П. В. Седову представляется плодотворным подход, который позволит проследить в рамках диахронического исследования, как происходили

кардинальные изменения в России на рубеже XVII–XVIII столетий, и детально рассмотреть вплоть до персонального уровня там, где это возможно, исторические реалии, поведенческие практики и историю повседневности [17: 555–556], [18: 177]. Хотелось бы дополнить данные мысли идеями И. Шмидта, который предлагает до рассмотрения динамики явлений проводить горизонтальные, точечные исследования конкретных феноменов без ухода в оценку перспектив сохранения Московского царства [26: 22–23]. Кроме того, подводя итог этой полемики, стоит также согласиться с мнением Т. В. Черниковой, которая относит подобные дискуссии к категории споров о стакане воды, наполненном наполовину, и считает, что в таких случаях невозможен «однозначный ответ в духе формальной логики», а «применима лишь диалектика» [24: 11].

ВОПРОС О ЗАПАДНОМ ВЛИЯНИИ

Прежде чем перейти к вопросу о западном влиянии, необходимо остановиться на связанной с ним дискуссии, касающейся образования Федора Алексеевича. А. П. Богданов пишет о том, что Федор Алексеевич получил европейское блестящее высшее гуманитарное образование и свободно владел церковнославянским, польским, латинским и греческим языками, при этом затраты на его обучение были выше, нежели на образование старшего сына царя [2: 31], [3: 7, 34, 61], [4: 36], [6: 30]. Впрочем, в одной из последних монографий автор, очевидно, под воздействием критики, высказывает сомнения насчет владения Федором греческим языком и глубоких познаний латыни и польского, дававших возможность вести свободный диалог [6: 30, 87]. Л. А. Черная расценивает подготовку Федора к управлению страной как вполне сопоставимую с подготовкой его старшего брата Алексея [23: 218]. Н. Ф. Демидова, характеризуя образование Федора как западное и достаточно основательное, тем не менее более скромно оценивает результаты обучения Федора в сравнении со старшим братом [9: 343–344]. Д. М. Володихин пишет о солидной теоретической при недостаточной практической военной и дипломатической подготовке [8: 23, 25].

Вывод о европейском образовании Федора Алексеевича подвергается критике в исследованиях П. В. Седова, который утверждает, что образование царевича не выходило за рамки московской традиции, а источником мифа о европейском образовании Федора считает сообщение В. Н. Татищева [17: 178], который писал

о том, что царевич под руководством Симеона Полоцкого изучал латинский и писал вирши²¹. Утверждение об обучении Федора под руководством знаменитого поэта и просветителя можно встретить как в дореволюционной²², так и в современной исторической литературе [6: 30], [8: 24], [9: 343]. Однако информация о том, что С. Полоцкий был учителем Федора, не отражена в документах [6: 86], [17: 181].

П. В. Седов считает, что могли иметь место лишь попытки ознакомить царевича Федора с иностранными языками, которые исследователь связывает с комбинацией, затеянной А. С. Матвеевым: желая освободить русский престол для Петра и объединить усилия Речи Посполитой и Московского государства в борьбе против Турции, он пытался реализовать идею женитьбы Федора на вдовой польской королеве [17: 182]. О том, что Федор, возможно, изучал латынь и польский в связи с видами на польский престол, упоминает и Л. А. Черная [23: 217].

Как отмечает П. В. Седов, с выводом которого солидаризуется Ю. Эскин, в целом результаты обучения царевича были скромными [17: 178–183], [27: 21]. В противовес А. П. Богданову, называвшему Федора «философом на троне» [2: 56], П. В. Седов пишет, что «он был скорее недоучкой, чем философом» [17: 183]. С этим определением не согласен С. М. Шамин, который считает его лишь штампом с негативной окраской [11: 189]. Не отказывая царевичу в живом уме и интересе к русской истории, В. А. Томсинов, тем не менее, ссылаясь на мнение о С. Полоцком Г. Флоровского, делает необоснованный вывод о том, что «если действительно у царевича был такой учитель, то <...> образование он получил весьма ограниченное, не подходящее для русского государственного деятеля», так как Полоцкий не знал и не любил русской истории и традиций [21: XII–XIV].

Стоит отметить, что вопрос о том, был ли С. Полоцкий учителем Федора, на данный момент остается открытым. А. П. Богданов пишет о том, что, хотя документы и не содержат упоминаний о связи С. Полоцкого с образованием Федора Алексеевича, сам царь почитал его как своего учителя и относился к нему с огромным уважением [6: 86–87]. Кроме того, как признает П. В. Седов, в период правления Федора Алексеевича С. Полоцкий достиг пика своего влияния при дворе и как царский советник мог вдохновлять и даже направлять юного государя в соответствии со своими взглядами [17: 429, 549]. Вполне вероятно, что он влиял на него и в плане ориентации на европейскую культуру.

Возвращаясь к вопросу о западном влиянии, необходимо отметить, что господствующим в историографии является мнение о начале процесса европеизации лишь в XVIII веке. Еще канцлер Г. И. Головкин утверждал, что только благодаря Петру I его подданные «из тьмы ничтожества и неведения вступили на театр славы и присоединились к образованным государствам европейским»²³. Однако даже те исследователи, которые указывали на ведущую роль Петра в данном процессе, отмечали, что контакты с западноевропейскими странами усиливаются ранее, в частности в правление Ивана III²⁴.

При этом вопрос, связанный с началом европеизации как качественно значимого для состояния российского общества и государства процесса, является дискуссионным. Начало европеизации датируется второй половиной XV века²⁵ [10: 130], 80-ми годами этого же столетия [23: 11], XVI веком²⁶, а также XVII столетием²⁷.

С. М. Соловьев, не употребляя термина «европеизация», высоко ценил усилия Федора Алексеевича в освоении западноевропейских достижений при посредничестве Польши, на которую он ориентировался в силу своего воспитания, характера и предпочтений, в то время как при Петре возобладало немецкое влияние²⁸.

Усиление при Федоре польского влияния, водворившегося в Москве после присоединения Украины, подчеркивает также Д. И. Иловайский²⁹. Более сдержан в своей оценке степени польского влияния С. Ф. Платонов. Акцентируя внимание на культурных новшествах, исследователь отмечает прежде всего греческое и киевское влияние, причем последнее привносило, по его мнению, и некоторые незначительные польские черты. При этом западные заимствования, как и в царствование Алексея Михайловича, были бессистемными и удовлетворяли только частные практические нужды государства³⁰. Любопытно, что В. О. Ключевский в 1909 году сделал в своем дневнике следующую запись: «Процарствуй Федор еще 10–15 лет и оставь по себе сына, западная культура потекла бы к нам из Рима, а не из Амстердама»³¹. Получается, что историк предполагал альтернативный путь развития России с ориентацией на католические, а не протестантские страны.

В современной историографии вопрос о степени польского влияния на нововведения и проекты в различных сферах государственной и культурной жизни ставится П. В. Седовым. Однако, по мнению историка, влияние культуры западных соседей, прежде всего Речи Посполитой, на преобразование Федора Алексеевича носило

поверхностный характер, поскольку ограничивалось узким кругом дворцовой знати и царского двора. Кроме того, как отмечает П. В. Седов, цели усвоения западного опыта Федор и Петр понимали по-разному: первый под влиянием Речи Посполитой поощрял развитие сословных прав, но был нерешителен в плане внедрения новшеств в сфере науки, образования и быта, второй считал, что сословные вольности неприменимы в России, зато «решительно резал длиннополые кафтаны и бороды, посылал учиться за границу». Разными были и их приоритеты в церковной политике: Федор Алексеевич усиливал церковную иерархию, что стесняло заимствования в области культуры, в то время как Петр I превратил церковь в часть государственной машины, что позволило провести решительную европеизацию³² [17: 398–403, 491–550, 554–555].

В интерпретации П. В. Седова поверхностная европеизация, осуществляемая в период правления царя Федора, выглядит как не вполне удачная и малорезультативная попытка усидеть на двух стульях. Однако ряд исследователей занимает несколько иную позицию: поиск «нового», не сопровождающийся отказом от «старого», трактуется ими нейтрально либо видится в более позитивном ключе. Так, Ф. Демидова отмечает явную приверженность Федора Алексеевича «латино-польской струе», обусловленную влиянием С. Полоцкого, и приводит примеры этого влияния в сфере образования, книгопечатания и быта [9: 389–396]. Т. В. Черникова также пишет о поверхностной европеизации, однако не в плане узости социальной базы, воспринимавшей новшества, а в силу того, что «западные новины» заимствовались механически, не меняя «основ социокультурной системы России»³³. Отмечая ориентацию Федора Алексеевича на польские формы государственных органов при разработке проекта церковно-административных реформ, исследователь подчеркивает, что при его обсуждении Федор «выступил куда большим “европейским сувереном”, чем Петр I», поскольку демонстрировал желание учитывать мнение политической элиты, оказавшейся, впрочем, консервативной, и пытался «расширить социальную базу, решавшую судьбу его реформ» в лице выборных комиссий [24: 11–14].

Д. М. Володихин называет Федора Алексеевича «русским государем, примирившим в себе родную почву и тягу к Европе», сближение с которой было неизбежным, он «вмещал в себе <...> два пути развития <...> не ссоря, не противопоставляя один другому», беря от европейцев то, что было полезно для страны. При-

чем народ, культура и церковь не ставились им в подчиненное по отношению к европейским порядкам положение [8: 9–10]. А. П. Богданов отмечает, что при Федоре ориентация на Польшу отнюдь не доминировала, и упоминает о применении в разных сферах западных достижений общеевропейского уровня. Не в пользу Петра I звучат и его слова о том, что Федор Алексеевич начал успешно проводить «необходимые стране преобразования <...> не низкопоклонствуя перед Западом, не отводя могучему государству роль сырьевого придатка Европы» [3: 4], [6: 7, 426–427]. Трудно сказать, насколько продуктивны столь категоричные оценочные суждения (разве что в плане стимула для полемики), однако стоит признать: мнение о том, что намечавшийся накануне петровских реформ эволюционный путь развития страны, сочетавший элементы «старинны» и «новизны», мог бы оказаться вполне перспективным, заслуживает внимания.

ВОПРОС ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

По верному замечанию М. В. Сапронова, вопрос об альтернативных петровскому вариантах развития России никто всерьез до недавнего времени не рассматривал. При этом автор дает обстоятельный историографический обзор, посвященный данной полемике, начиная с трудов французских философов и дореволюционных историко-публицистических сочинений и заканчивая современной исторической литературой [15: 31–37]. Сразу оговоримся, что нас не будут интересовать рассуждения историков, склоняющихся к точке зрения о невозможности ненасильственного, эволюционного варианта модернизации страны, поскольку в их работах значение правления Федора Алексеевича нивелируется (обзор данных исследований см. [15: 35–36]). Мы лишь остановимся на мнениях постсоветских исследователей, рассматривающих преобразования и проекты царя Федора в сравнении с петровскими реформами как возможную альтернативу революционным методам Петра. В фокусе их внимания оказывается также вопрос о характере и итогах преобразовательной деятельности Федора Алексеевича.

В современной историографии достаточно сдержанную позицию в данном вопросе занимает П. В. Седов, который отмечает, что «преобразования времени царя Федора Алексеевича, предвзвешивавшие более радикальные реформы Петра I, носили половинчатый характер, поскольку не сопровождались решительным отказом от московской традиции»³⁴. Автор пишет о том, что про-

исходившие изменения были косметическими, поскольку они не меняли средневекового характера государства. Исследователь отмечает, что этот путь был бы не слишком эффективен в военном и политическом отношении, что не означает невозможности его реализации [17: 555–556].

Апологетом Федора Алексеевича выступает А. П. Богданов. Исследователь подчеркивает, что Федор решительно и успешно проводил реформы, действуя при этом, в отличие от старшего брата, без деспотизма и жестокости, «не заливая, как Петр I, страну кровью, не сокращая ее население почти на четверть» [6: 10]. Россию периода правления Федора Алексеевича историк называет «могучей и процветающей державой, признанной на мировой арене в ранге империи», а самого царя – «несостоявшимся императором». Подчеркивая схожесть в образе мыслей и направленности реформ, А. П. Богданов выделяет и важное отличие: если для Федора Алексеевича «главным побудительным мотивом выступали “общее благо” и “всемирная польза” <...> то Петр апеллировал к “государственной пользе” конструируемой им дворянско-крепостнической, военно-полицейской державы», поэтому правление первого способствовало процветанию подданных, а правление второго – их разорению [3: 5–6, 314–318]. Историк также подчеркивает, что важнейшие преобразования проводились весьма оперативно и могут считаться вполне успешными и завершенными в отличие от многих петровских реформ [6: 429–430].

В позитивном для Федора ключе сравнивается деятельность старшего и младшего братьев и в исследовании Д. М. Володихина. Историк пишет о том, что Федор Алексеевич начал мягкую, щадящую, постепенную европеизацию страны, избавляющую ее от культурного раскола между «верхами» и «низами», что могло бы стать альтернативой «оглушительной, страшной, костоломной европеизации Петра Великого», продлился царствование Федора Алексеевича дольше [8: 10].

Возможность для России двигаться по иному пути, развивая «осторожный (в меру преобразовательный, в меру уважительный к старомосковским традициям) государственный курс Алексея Михайловича и его ближайших преемников», заложивших основы петровских преобразований, видит в XVII столетии и Т. В. Черникова³⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, пересмотр традиционных взглядов, касающихся личности и периода правления Федора Алексеевича, становится предметом научных исследований лишь с 1990-х годов. Стоит подчеркнуть, что в постсоветский период данная проблематика развивается как в рамках собственно академического дискурса, так и в социально ориентированном историописании, не утрачивая своей актуальности до настоящего времени. При этом оценка личности и достижений царя Федора все более смещается к демонстрирующей принципиально новый подход точке зрения А. П. Богданова, который считает, что реформы Федора Алексеевича предстают как положительная альтернатива петровским преобразованиям.

Разумеется, в данном обзоре затрагиваются лишь основные дискуссии, связанные с правлением Федора Алексеевича. За рамками статьи остаются частные проблемы, являющиеся объектом исследовательской полемики, например вопрос о результативности конкретных реформ царя Федора. Каждый из затронутых в статье сюжетов может стать перспективным направлением исследований. Данный период, безусловно, представляет особый интерес для историков, так как является одной из точек бифуркации в российской истории. Стоит согласиться с М. В. Сапроновым, что «всестороннее исследование состояния России во всех сферах накануне петровских преобразований» [15: 30] поможет разобраться в вопросе о возможности альтернативного эволюционного пути развития России на рубеже XVII–XVIII веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого // Романовы: pro et contra. Образы Романовых в общественном сознании российского, советского и постсоветского времени [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://romanovy.rhga.ru/upload/iblock/f6f/05_Feofan2.pdf (дата обращения 17.08.2022); Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М.: Типография Августа Семена, 1846. С. 335 и др.
- ² Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. 4, 5. М.: Директ-Медиа, 2016. С. 506.
- ³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 806.
- ⁴ Иловайский Д. И. История России. Т. 5. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905. С. 510.
- ⁵ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: Директ-Медиа, 2010. С. 487–488, 518–519.
- ⁶ Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. Ч. 1. СПб.: В типографии Х. Гинце, 1834. С. 98–100.

- ⁷ Делягин И. В. Высшая власть и управление в царствование Федора Алексеевича: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 11–12.
- ⁸ Замысловский Е. Е. Царствование Федора Алексеевича. Ч. 1. СПб.: Типография Замысловского и Бобылева, 1871. С. 14–15.
- ⁹ Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. С. 27.
- ¹⁰ Костомаров Н. И. Русская история... С. 506.
- ¹¹ Татищев В. Н. История Российская. Т. 3. М.: АСТ; Ермак, 2005. С. 850–851.
- ¹² Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича... С. 113; Костомаров Н. И. Русская история... С. 506, 509.
- ¹³ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича... С. 35.
- ¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 803–807.
- ¹⁵ Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Отв. ред. В. И. Буганов; Сост. А. Б. Каменский. М.: Наука, 1996. С. 320; Платонов С. Ф. Полный курс лекций... С. 605–606.
- ¹⁶ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 3–4, 9.
- ¹⁷ Виноградский Н. Церковный собор в Москве 1682 года. Смоленск: Паров. тип-лит. Я. Н. Подземского, 1899. С. 199–200.
- ¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. Т. 1. С. XXV; Устрялов Н. Г. Русская история. Ч. 1. СПб.: В типографии Аполлона Фридрихсона, 1855. С. 13.
- ¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 803–806.
- ²⁰ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича... С. 71–76.
- ²¹ Татищев В. Н. История Российская... С. 849–850.
- ²² Берх В. Н. Царствование царя Федора Алексеевича... С. 1–2; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб., 1896. С. 806 и др.
- ²³ Перевезенцев С. В. Мнения о личности и деятельности Петра I // Образовательный портал «Слово» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/history/40144.php> (дата обращения 17.08.2022).
- ²⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. II. Т. V–VIII. М.: Книга, 1989. С. 38; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. I–V. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1851. С. 1351; Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2. Июнь. С. 332 и др.
- ²⁵ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. С. 8.
- ²⁶ Simmons E. English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge: Harvard University Press, 1935. P. 3–4.
- ²⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 330.
- ²⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. XI–XV. СПб.: Издание Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная польза», 1896. С. 803–806.
- ²⁹ Иловайский Д. И. История России... С. 477–478.
- ³⁰ Платонов С. Ф. Полный курс лекций... С. 487.
- ³¹ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. С. 347.
- ³² Седов П. В. Закат Московского царства... С. 28–43.
- ³³ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв... С. 5, 40–41.
- ³⁴ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 9.
- ³⁵ Черникова Т. В. Процесс европеизации в России во второй половине XV–XVII вв... С. 5, 40–41.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов Е. Почему Петр? Была ли альтернатива для России? // Родина. 2007. № 11. С. 2–4.
2. Богданов А. П. Исторические расследования: Царь Федор Алексеевич; Царевна Софья Алексеевна: В тени Петра Великого. М.: Армада, 1998. 330 с.
3. Богданов А. П. Несостоявшийся император Федор Алексеевич. М.: Вече, 2009. 320 с.
4. Богданов А. П. Федор Алексеевич // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 59–77.
5. Богданов А. П. Федор Алексеевич, 1676–1682. М.: Рос. унив. изд-во, 1994. 48 с.
6. Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2020. 760 с.
7. Волков М. Я. Об отмене местничества в России // История СССР. 1977. № 2. С. 53–67.
8. Володихин Д. М. Царь Федор Алексеевич, или Бедный отрок. М.: Молодая гвардия, 2013. 267 с.
9. Демидова Н. Ф. Федор Алексеевич // Первые Романовы на российском престоле / А. А. Преображенский, Л. Е. Морозова, Н. Ф. Демидова. М.: Русское слово, 2000. С. 337–402.
10. Кошелева О. В. «Не всё ли то его заводы?» // Родина. 2007. № 11. С. 15–18.
11. Кошелева О. Е., Лисейцев Д. В., Кром М. М., Аракчеев В. А., Шамин С. М. П. В. Седов. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с., ил. // Отечественная история. 2008. № 1. С. 173–191.

12. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2004. 536 с.
13. Новохатко О. В. Как закатывают царства // Очерки феодальной истории России. М.: Альянс-Архео, 2009. Вып. 13. С. 392–431.
14. Новохатко О. В. Что общего у царя Федора Алексеевича и сэра Исаака Ньютона?: Рецензия на монографию А. П. Богданова «Царь-реформатор Федор Алексеевич: старший брат Петра I. М.: Академический проект, 2018» // Novogardia. 2019. № 3. С. 263–280. DOI: 10.25797/NG.2019.3.3.012
15. Сапронов М. В. Русское государство в конце XVII в.: эволюция или революция (К вопросу об альтернативах петровским преобразованиям) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 30–40.
16. Седов П. В. Детские годы царя Федора Алексеевича // Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 77–93.
17. Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 604 с.
18. Седов П. В. Ответ рецензентам // Отечественная история. 2008. № 4. С. 170–178.
19. Седов П. В. Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Когда Россия молодая мужала с гением Петра: Труды Всерос. науч. конф. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 77–84.
20. Седов П. В. О боярской попытке учреждения наместничеств в России в 1681–1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. Вып. 2. С. 25–29.
21. Томсинов В. А. Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы / Сост. и автор вступ. ст. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. LXXXI, 199 с.
22. Торке Х.-И. Федор Алексеевич // Русские цари. 1547–1917 / Под ред. Х.-И. Торке. Ростов-на-Дону: Феникс; М.: Зевс, 1997. С. 175–188.
23. Черная Л. А. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013. 413 с.
24. Черникова Т. В. О российских истоках Петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6 (27). С. 10–17. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-6-27-10-17
25. Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.
26. Шмидт И. От заката до рассвета – только мысль // Родина. 2007. № 11. С. 22–23.
27. Эскин Ю. Осень Средневековья по-русски // Родина. 2007. № 11. С. 20–22.
28. Янов А. Л. Россия и Европа. 1462–1921: В 3 кн. Кн. 1. Европейское столетие России. 1480–1560. М.: Новый Хронограф, 2008. 696 с.
29. Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London: Yale University Press, 1998. 602 p.

Поступила в редакцию 19.09.2022; принята к публикации 10.01.2023

Review article

Tatiana V. Bauer, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

THE REIGN OF TSAR FYODOR ALEKSEYEVICH (1676–1682): DEBATABLE ISSUES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The figure of Tsar Fyodor Alekseyevich and events that took place in Russia during his brief reign came into the focus of historians' attention only in the late XX century. Since then they have become the object of vigorous debates in domestic historiography. The purpose of this article is to summarize the historiographical positions on the main controversial issues, most of which chronologically go beyond the reign of Fyodor Alekseyevich. The article addresses the questions of continuity of the Tsar's policy, the basic tendencies in the evolution of state power, the degree of independence of the governance, the western influence, the beginning of the New Age, and the character of the implemented reforms. It is noted that while discussing the issue of the degree of the Tsar's governance independence, most researchers express an opinion that his personal participation in state affairs gradually increased. However, Sedov's thesis about the weakening of the autocracy during the reign of Tsar Fyodor needs additional argumentation. The position of historians who tend to trace the connection of the policy of Fyodor Alekseyevich both with the transformations of his predecessors and with the reforms of Peter the Great seems quite productive. When considering a particularly heated discussion about the beginning of the New Age, it was revealed that most historians are not inclined to draw a clear line between the New Age and the Middle Ages. It is noted that a number of researchers adhere to the point of view of superficial Europeanization during the reign of Tsar Fyodor. However, for most historians this version of the search for the "new", not accompanied by the rejection of the "old", seems to be a real alternative to the radical and cruel Petrine Europeanization. Together with the positive assessment of the nature of the reforms carried out by Fyodor Alekseyevich and the methods he used, this position leads to the opinion contained in modern historiography about the

unrealized possibility of the evolutionary development of the country. It is emphasized that the idea of this period as one of the bifurcation points in Russian history should stimulate further study of the Russian state on the eve of Peter the Great's reforms.

Key words: historiography, Russian history of the late XVII century, A. P. Bogdanov, D. M. Volodikhin, N. F. Demidova, O. V. Novokhatko, P. V. Sedov

For citation: Bauer, T. V. The reign of Tsar Fyodor Alekseyevich (1676–1682): debatable issues in modern Russian historiography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):34–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.867

REFERENCES

1. Anisimov, E. Why Peter? Was there an alternative for Russia? *Homeland*. 2007;11:2–4. (In Russ.)
2. Bogdanov, A. P. Historical investigations: Tsar Fyodor Alekseyevich; Tsarevna Sofia Alekseyevna: In the shadow of Peter the Great. Moscow, 1998. 330 p. (In Russ.)
3. Bogdanov, A. P. The failed Emperor Fyodor Alekseyevich. Moscow, 2009. 320 p. (In Russ.)
4. Bogdanov, A. P. Fyodor Alekseyevich. *Questions of History*. 1994;7:59–77. (In Russ.)
5. Bogdanov, A. P. Fyodor Alekseyevich, 1676–1682. Moscow, 1994. 48 p. (In Russ.)
6. Bogdanov, A. P. Fyodor Alekseyevich, the Tsar Reformer: the older brother of Peter the Great. Moscow, 2020. 760 p. (In Russ.)
7. Volkov, M. Ya. Abolition of mestnichestvo in Russia. *History of the USSR*. 1977;2:53–67. (In Russ.)
8. Volodikhin, D. M. Tsar Fyodor Alekseyevich, or Poor adolescent. Moscow, 2013. 267 p. (In Russ.)
9. Demidova, N. F. Fyodor Alekseyevich. *The first Romanovs on the Russian throne*. (A. Preobrazhensky, L. E. Morozova, N. F. Demidova). Moscow, 2000. P. 337–402. (In Russ.)
10. Kosheleva, O. V. “Aren't those all his plants?”. *Homeland*. 2007;11:15–18. (In Russ.)
11. Kosheleva, O. E., Liseitsev, D. V., Krom, M. M., Arakcheev, V. A., Shamin, S. M. P. V. Sedov. The decline of the Moscow Tsardom: The tsar's court of the late XVII century. St. Petersburg, 2006. 604 p. *Russian history*. Moscow, 2008. No 1. P. 173–191. (In Russ.)
12. Narochitskaya, N. A. Russia and the Russians in world history. Moscow, 2004. 536 p. (In Russ.)
13. Novokhatko, O. V. How kingdoms are downed. *Essays on the feudal history of Russia*. Moscow, 2009. Issue 13. P. 392–431. (In Russ.)
14. Novokhatko, O. V. What do King Feodor A. and Sir Isaac Newton have in common? Review of the monograph by A. P. Bogdanov “Tsar-reformer Feodor A.: older brother Peter I. M.: Academicheskiiy project, 2018”. *Novogardia*. 2019;3:263–280. DOI: 10.25797/NG.2019.3.3.012 (In Russ.)
15. Sapronov, M. V. Russian state in the end of XVII century: evolution or revolution? (to the question about alternatives of the reforms of Peter the Great). *Bulletin of the South Ural State University. Series “Social Sciences and the Humanities”*. 2014;14(1):30–40. (In Russ.)
16. Sedov, P. V. Childhood years of Tsar Fyodor Alekseyevich. *Medieval Russia: Collection of articles dedicated to the 65th birth anniversary of Professor R. G. Skrynnikov*. St. Petersburg, 1995. P. 77–93. (In Russ.)
17. Sedov, P. V. The decline of the Moscow Tsardom: The tsar's court of the late XVII century. St. Petersburg, 2008. 604 p. (In Russ.)
18. Sedov, P. V. Response to reviewers. *Russian History*. 2008;4:170–178. (In Russ.)
19. Sedov, P. V. Reform of service dress under Fyodor Alekseyevich. *When young Russia was maturing with the genius of Peter the Great: Proceedings of the all-Russian research conference*. Pereslavl-Zalessky, 1992. Issue 1. P. 77–84. (In Russ.)
20. Sedov, P. V. The boyars' attempt to establish governorships in Russia in 1681–1682. *Bulletin of Leningrad State University*. 1985;9(2):25–29. (In Russ.)
21. Tomsinov, V. A. Tsar Fyodor Alekseyevich as a statesman and a man. *Legislation of Tsar Fyodor Alekseyevich: 1676–1682. Legislation of Tsars Ivan Alekseyevich and Pyotr Alekseyevich; 1682–1696*. Moscow, 2012. LXXXI, 199 p. (In Russ.)
22. Torke, H.-J. Fyodor Alekseyevich. *Russian Tsars. 1547–1917*. Rostov-on-Don; Moscow, 1997. P. 175–188. (In Russ.)
23. Chernaya, L. A. The daily life of Moscow sovereigns in the XVII century. Moscow, 2013. 413 p. (In Russ.)
24. Chernikova, T. V. The sources of reforms of Peter I in reforms of the state administration in the government of Feodor III and in the government of regent Sofia. *MGIMO Review of International Relations*. 2012;27(6):10–17. DOI: 10.24833/2071-8160-2012-6-27-10-17 (In Russ.)
25. Chernov, A. V. Armed forces of the Russian state in the XV–XVII centuries. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)
26. Schmidt, I. From dusk till dawn – only a thought. *Homeland*. 2007;11:22–23. (In Russ.)
27. Èskin, Yu. Russian autumn of the Middle Ages. *Homeland*. 2007;11:20–22. (In Russ.)
28. Yanov, A. L. Russia and Europe. 1462–1921: In 3 books. Book 1. The European century of Russia. 1480–1560. Moscow, 2008. 696 p. (In Russ.)
29. Hughes, L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London, 1998. 602 p.

Received: 19 September, 2022; accepted: 10 January, 2023

ИЛЬЯ СТАНИСЛАВОВИЧ АГАФОНОВ

аспирант кафедры истории и теории исторической науки
исторического факультета

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9939-9119; is.agafonov@yandex.ru

СОЛОВЕЦКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ КОНЦА XVI ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

А н н о т а ц и я . Летописные традиции России XVI века активно изучались в отечественной науке на материале крупных московских памятников. Такие произведения, как Хронограф редакции 1512 года, Никоновская летопись и Степенная книга, становились объектом внимания ученых в связи с широтой охвата общерусских событий. В то же время общерусские провинциальные и местные памятники оставались на периферии исследовательских интересов специалистов. К настоящему времени в отечественной историографии накоплен обширный материал, связанный с публикацией, атрибуцией и анализом различных сочинений, создававшихся за пределами Москвы. Отдельные проблемы рассмотрены в источниковедческих работах отечественных ученых, однако фокус внимания историков смещен к вопросам текстологического характера, а также уточнения отдельных макро-сюжетов российской истории. Тем не менее комплексное исследование регионального летописания эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени не было проведено. Для дальнейшего продвижения в вопросе о становлении и развитии книжной традиции в России XVI века представляется необходимым структурировать накопленный исторической наукой материал, на основании которого представляется возможным выстраивать исследование об общих и характерных чертах регионального летописания. Соловецкий летописец конца XVI века является примером неофициального памятника летописания, созданного на Русском Севере. Историографический опыт изучения данного произведения, накопленный исторической наукой, представляет интерес для обобщения и выявления проблемных вопросов. Новизна работы – в подготовке памятника для рассмотрения в качестве самостоятельного элемента историографической традиции России XVI века, предполагающей обращение к летописным произведениям как памятникам исторической мысли региона и эпохи. В результате исследования обозначены итоги историографического изучения соловецкого летописания в отечественной науке: источники произведения, соотношение редакций, время создания и авторство памятника. Акцентировано внимание на вопросах, требующих отдельного рассмотрения в рамках обращения к Соловецкому летописцу XVI века как произведению провинциальной книжности своего времени: назначение и практическое применение памятника в монастырской традиции, специфика работы местных книжников, принцип выборки событий и тематические приоритеты автора. **Ключевые слова:** историография, источниковедение, XVI век, местное летописание, общерусское летописание, Соловецкий монастырь, Соловецкий летописец

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00218.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Агафонов И. С. Соловецкое летописание конца XVI века: историография вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.868

ВВЕДЕНИЕ

Исследование русского летописания XVI века имеет глубокую историографическую традицию, которая определялась целями и задачами ученых, работавших в данной сфере с конца XIX века. Внимание исследователей привлекали крупные литературные памятники эпохи, такие как Хронограф редакции 1512 года, Воскресенская летопись, Степенная книга, Никоновская

летопись¹ или Лицевой летописный свод² [11], [16], [23], [32], [39], [40]. Не меньшей популярностью пользовались и публицистические произведения, отражавшие политические взгляды светской и интеллектуальной элиты: послания Филофея, сочинения Ивана Пересветова, послания Ивана IV [5], [6], [22]. Интерес исследователей к подобным памятникам обуславливается широтой предоставляемых сведений, исполь-

зуемых для построения линейной концепции истории России. В этой связи введение новых источников в научный оборот, их систематизация и поиск путей практического применения становятся основной задачей большинства историков, позволяя, с опорой на центральные произведения эпохи, делать выводы о политическом, экономическом, социальном, военном и культурном положении страны в исследуемый период. Помимо этого, в научной среде долгое время было распространено мнение, что после объединения большинства земель, некогда входивших в состав Древнерусского государства, под властью Москвы общерусское независимое летописание пришло в упадок, уступив место региональным вариантам официального летописания и сугубо провинциальным летописям, «питавшимся слухами из столицы или складававшимся на местах» [15: 217].

В отличие от крупных памятников летописания, местные и общерусские провинциальные произведения становились объектом внимания ученых гораздо реже. В рамках обращения историков к региональному летописанию большой интерес ученых был связан с изучением летописей Пскова, Новгорода, Твери, Вологды и Великого Устюга. В то же время обращение к малым памятникам XVI века из разряда летописцев тесно связано с изучением книгописной деятельности монастырей центрального и северного регионов Российского государства, в том числе Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Николо-Волосова, Валаамского, Троицкого Усть-Шехонского, Спасо-Ярославского, Борисоглебского Сольвычегодского и других. Данные источники вызвали интерес историков в связи со своим неофициальным статусом, из-за чего они рассматривались как основная альтернатива московским летописям. Так, значение псковских и новгородских памятников летописания определялось их разнотечностью со столичными произведениями, сравнение с которыми позволяло ученым уточнить детали отдельных событий российской истории. Внимание историков к региону определило появление работ, исследовавших произведения Северо-Запада России как самостоятельные памятники историографии XVI века.

В отношении ряда других памятников интерес ученых был связан с построением археографических и источниковедческих работ без обращения к ряду местных и общерусских провинциальных летописных произведений как к памятникам историографии. В то же время эти памятники представляют интерес благодаря многочисленным уникальным сведениям, позволяющим уточнить картину политической, социальной, религиозной и культурной жизни России, а также расши-

рить представления о человеке эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, его мировоззрении, ценностях и интересах.

Многие отечественные ученые, в том числе А. А. Шахматов, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, Я. С. Лурье, концентрировали свое внимание на введении различных памятников летописания в научный оборот, их публикации, атрибуции и текстологическом анализе [1], [17], [35]. Однако попыток составить общую характеристику местных и общерусских провинциальных памятников на основе обобщения накопленного в историографии массива материалов не предпринималось.

Одним из регионов, в котором летописание активно продолжало свое развитие в XVI веке, является Русский Север. В Вологде, Холмогорах, Сольвычегодске и Устюге, а также в епархиальных центрах вроде Усть-Вымского городка создавались источники, описывающие жизнь региона, его быт и важные события. Некоторые памятники вписывали историю родного края в общерусский контекст, другие фокусировались на локальных проблемах, не уделяя внимания событиям государственного масштаба.

Исследования провинциального летописания позволили существенно расширить источниковую базу по изучению Русского Севера, выявить большинство известных произведений, а также ввести в оборот ранее недоступные редакции и списки памятников. Однако большинство произведений, в числе которых можно выделить и Соловецкий летописец конца XVI века (далее – СЛ), не рассматривались учеными как памятники исторической мысли, отражающие мировоззрение «историков» на местах.

Ниже на материале Соловецкого летописца будет предпринята попытка структурировать накопленный в отечественной исторической науке материал, тем самым подготовив почву для последующего специального изучения этого произведения как памятника историографии XVI века и включения в контекст общего развития русской летописной традиции эпохи. Основное внимание в работе будет сфокусировано на построении цельной картины, способной отобразить многообразие подходов и гипотез, сформулированных отечественными исследователями соловецкого летописания XVI века.

СПИСКИ, РЕДАКЦИИ И ИСТОЧНИКИ СОЛОВЕЦКОГО ЛЕТОПИСЦА

Исследование соловецкого летописания началось в конце XIX века, когда усилиями историка А. Н. Попова была описана одна из рукописей библиотеки А. И. Хлудова (ГИМ, собр. Хлудова № 184; далее – Хлуд. 184)³. Позднее изучением данного собрания занялся М. Н. Тихомиров,

выделивший в составе рукописи ряд сведений за 1547–1598 годы, которые он обособил от основного текста и назвал «Соловецким летописцем второй половины XVI века» [29], [30: 192–206]. Уже тогда исследователь отметил оригинальность некоторых сведений, указав, что отдельные записи создавались современником описываемых событий. Помимо этого, историк сделал вывод, что рукопись Хлуд. 184 является компиляцией общерусских материалов, созданной на севере или северо-западе Руси с использованием новгородских и псковских летописей [30: 193–194]. Позднее В. В. Яковлев на материале Хлуд. 184 подготовил и опубликовал Новгородско-Псковскую летопись 1630 года, одним из источников которой был Соловецкий летописец [37], [38].

Последующее изучение памятника в отечественной историографии оказалось напрямую связано с введением в научный оборот новых списков СЛ, текстологическим анализом произведения, выявлением его источников и атрибуции. М. В. Кукушкина обнаружила в составе Соловецких сборников два новых летописца, происхождение которых позволило отнести их к XVI веку (РНБ, Соловецкое собр. № 664/22; № 877/987). На материале разных рукописей и изучения их источников был сделан вывод о существовании СЛ в двух редакциях, одна из которых стала считаться более ранней, а другая – 877/987 (далее – Сол. 877) – более поздней, на основе которой была составлена компиляция 1630-х годов из рукописи Хлудова [13: 158, 223].

Историк В. И. Корецкий был первым, кто подробно исследовал первую редакцию СЛ (РНБ, Соловецкое собр. № 22/1481; далее – Сол. 22), а также опубликовал текст памятника [12]. Изучение водяных знаков, авторского почерка и отличий между тремя частями цельного летописца, охватывавшего период с 862 по 1606 год, позволили ему сделать вывод о составном характере памятника. Первая его часть за 862–1585 годы была написана, по мнению историка, в конце XVI века, тогда как вторая и третья, с описанием общерусских и монастырских событий за 1589–1591 и 1598–1606 годы соответственно, являлись позднейшим дополнением к тексту, схожим с другой Соловецкой рукописью (РНБ, Соловецкое собр. 41/1500; далее – Сол. 41) [12: 225–226]. Помимо этого, В. И. Корецкий сделал первые выводы относительно второй редакции СЛ – Сол. 877, подчеркнув археографическое сходство данной редакции с позднейшими дополнениями Сол. 22. Сама редакция Сол. 877, по утверждению ученого, использовала Сол. 22 для пополнения доступных автору сведений дополнитель-

ными материалами, на основе которых будет позднее составлена компиляция Хлуд. 184 [12: 227]. В работах В. И. Корецкого закрепилось представление о СЛ как местном памятнике летописания в связи с многочисленными региональными сведениями, включенными в него на заключительном хронологическом отрезке начиная с 1538 года.

К концу 1980-х годов в отечественной историографии сложились первые представления о составе, времени создания и порядке записи сведений СЛ первых двух редакций. Р. П. Дмитриева обобщила доступные сведения, выделив три основных момента, связанных с изучением памятника. Первое, что отмечалось, это отличия в объеме между Сол. 22 и Сол. 877 и то, что более ранний вариант летописца имел куда больше сугубо соловецких сведений, чем поздний Сол. 877. Это связывалось с намеренной выборкой фактов и пополнением поздней редакции рядом общерусских сведений, переданных более точно, чем в Сол. 22 и поздней Хлуд. 184 [3: 25–26]. Вопрос о причинах подобных сокращений поздней компиляции или же дополнения летописца Сол. 877 новыми сведениями долгое время оставался открытым, представляя интерес для уточнения доступных сведений в отношении более поздних компиляций памятника и поиска его ранних редакций.

Я. Г. Солодкин продолжил изучение СЛ и сравнил тексты редакций произведения и его отдельных статей, что позволило уточнить источники памятника и вопросы его атрибуции [24], [25], [26], [27], [28]. По мнению историка, СЛ не представляется возможным считать ни «кратким», ни «местным», как утверждал В. И. Корецкий, так как состав сведений, число и наполнение статей характеризуют его как общерусский провинциальный летописец [24: 31]. Также Я. Г. Солодкин поставил под вопрос тот факт, что список Сол. 22 является первой редакцией СЛ, на чем настаивал В. И. Корецкий [24: 32–33]. Дальнейшее развитие этот тезис получил в работах С. Н. Кистерева [9].

Позднее Я. Г. Солодкин выступил с критикой утверждения А. И. Филюшкина о независимости СЛ от официального летописания [33: 62]. Он выдвинул предположение об использовании автором СЛ материалов разрядных книг и дипломатических ведомств [24: 306] и сделал вывод о сохранении в России после 1568 года официального летописания. Данный подход к произведению поставил под сомнение тезис об упадке региональных летописных центров [24: 308–309]. В последующих статьях исто-

рик уточнил свою гипотезу, высказав мысль об обращении создателя памятника к неизвестному московскому летописцу, создававшемуся параллельно с Лицевым летописным сводом в стенах Разрядного приказа [25: 197], чем объясняется осведомленность автора Соловецкого летописца о событиях Ливонской войны и дипломатических мероприятиях царской власти. Также Я. Г. Солодкин сделал вывод об использовании Соловецкого летописца для составления летописца, близкого к своду из собрания И. Е. Забелина [27: 182], в то время как В. И. Корецкий предполагал, что сам Соловецкий летописец пользовался сведениями из этого свода.

О. В. Панченко сосредоточился на дальнейшем изучении летописца Сол. 22, а также опубликовал часть сведений из другой рукописи Соловецкого собрания (РНБ, Соловецкое собр. № 644/722; далее – Сол. 644). Свой выбор ученый обосновал предположением о создании частей статей Сол. 644 за 1552–1579 годы непосредственно в XVI веке, несмотря на позднее составление самого сборника в конце 1710-х годов [21: 263]. Выявленные им сведения, охватывающие период 1550–1570-х годов, историк назвал «Кратким Соловецким летописцем», связав его с созданием в конце столетия редакции Сол. 22 и обосновав причины появления ранних записей об истории монастыря в сборнике XVII века. По мнению О. В. Панченко, первые три статьи «Краткого летописца», освещающие события 1550-х годов, были написаны еще при игумене Филиппе (1546–1566) [21: 264]. Интерес авторов этих записей фокусировался вокруг монастырских событий, хотя одно общерусское – взятие Казани – в них также присутствовало [21: 263]. В 1570-х годах при игумене Варлааме (1570–1581) летописец дополнился двумя другими статьями о строительных работах в монастыре. После этого текст «Краткого летописца» не дополнялся вплоть до середины XVII века, когда в нем появляются новые статьи о переносе мощей святых Зосимы и Савватия Соловецких (1566) и митрополита Филиппа (1646). Эти изменения, как утверждает О. В. Панченко, в первой трети XVII века внес монастырский черный дяк Иеремия [20], из-за чего летописец и вошел впоследствии в состав сборника Сол. 644.

О. Л. Новикова, напротив, сфокусировалась на изучении второй редакции памятника – Сол. 877, оставшейся на периферии внимания ученых [18]. Подробное изучение помет и филигранных позволило ей выявить ряд уникальных источников, использованных при создании данной редакции. Среди особенностей памятника О. Л. Новикова отметила использование в тексте третьей редакции «Краткого летописца новгородских владык» (1570-х годов), а также сведений Софийской I ле-

тописи, «Повести о битве при Молодях» и «Повести о двух посольствах» [18: 221–222].

О характере и значении редакции Сол. 877 высказывался и О. В. Панченко, обративший внимание на дополнение ранних версий Соловецкого летописца сведениями из выявленных О. Л. Новиковой источников. Он частично согласился с мнением Я. Г. Солодкина об общерусском характере памятника, отметив, однако, что «превращение» Соловецкого летописца из келейного в общерусский провинциальный произошло лишь в XVII веке [19: 270].

Решение вопросов, связанных с временем создания Соловецкого летописца, продолжил в своих работах С. Н. Кистерев [9], [10]. Для уточнения даты написания Сол. 877 он обратился к проблеме датировки одного из источников редакции – «Повести о двух посольствах», время создания которой приходилось на период с 1579 по 1614 год. Сравнение рукописей Соловецкого собрания (РГБ, Соловецкое собр. № 1137/1247; № 41/1500), в составе которых присутствовала «Повесть», позволило уточнить время составления Сол. 877, датировав его 1591 годом [9: 401–402]. Не менее подробного разбора удостоилась и Сол. 22, которая, по мнению С. Н. Кистерева, является не первой редакцией Соловецкого летописца, а второй [9: 393]. Известия Сол. 22, а также используемый в рукописи заголовок, ряд помет и расхождения с другими памятниками, в том числе и с рукописью Соловецкого собрания № 44/1500 (РГБ, Соловецкое собр. № 44/1500) и Новгородско-Псковской летописью 1630 года, привели его к мысли о существовании в монастыре неизвестного летописца, чьи сведения за 1588–1591 годы были внесены в Сол. 22 новым почерком, на что в свое время обращал внимание В. И. Корецкий [12: 224]. В то же время основной текст Сол. 22 был создан позднее, чем первоначальный неизвестный летописец, названный С. Н. Кистеревым по имени предполагаемого автора «Летописцем Исайи», написанный не раньше 1586 года [9: 407–408].

АТРИБУЦИЯ СОЛОВЕЦКОГО ЛЕТОПИСЦА

Не менее важным для отечественных историков стал вопрос об атрибуции Соловецкого летописца – уточнении личности автора и обстоятельств создания произведения. Основное внимание исследователей было приковано к Сол. 22 как первой или одной из ранних редакций памятника.

В свое время М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что вероятный автор хорошо разбирался в церковных делах [30: 193]. В. И. Корецкий уточнил выводы М. Н. Тихомирова, предположив, что создателем Соловецкого летописца был монастырский келарь Петр Ловушка.

Несмотря на то что упоминания старца в тексте памятника нет, он подходил под описание одного из доверенных лиц монастыря в Новгороде [12: 228]. На момент создания летописца в 1570–1580-х годах старец присутствовал в городе вместе с игуменом, а многочисленные указания вроде «а был» или «были» позволили ученому сделать вывод, что хоть летописец и создавался по инициативе игумена Иакова, но сам он участия в составлении памятника не принимал [12: 229–230]. Данная точка зрения надолго стала определяющей в вопросе об авторстве Соловецкого летописца, и роль Петра Ловушки в создании памятника поддерживали В. К. Зиборов, В. В. Калугин и А. Т. Шашков [7], [8], [36]. При этом не подвергалась сомнению и роль игумена Иакова в составлении произведения. А исследовательница Р. П. Дмитриева писала, что в создании Соловецкого летописца «прослеживается деятельность игумена Иакова», а «его роль в создании летописца представляется убедительной» [4: 26].

С участием Петра Ловушки в создании Соловецкого летописца не согласился Я. Г. Солодкин, указавший, что о литературной деятельности монастырского старца почти ничего неизвестно. Другим аргументом ученого было несовпадение летописных сведений и хозяйственных данных о месте его пребывания, так как Петр часто выезжал из монастыря по различным поручениям [24: 32]. В то же время в монастырских документах 1580-х годов Я. Г. Солодкин обнаружил имена учеников игумена Иакова: Гурия, Макария, Пафнутия, Мирона и Ильи. Ученый высказал предположение, что автором Соловецкого летописца мог быть кто-то из них [24: 33].

Позднее О. В. Панченко сделал вывод о ведущей роли самого игумена Иакова в создании Соловецкого летописца. Одним из основных аргументов историка стала грамота, выданная игумену Варлааму 10 августа 1570 года об уплате налога с монастырских вотчин. В тексте грамоты указаны также имена строителя Меркурия и двух соловецких старцев, сопровождавших нового игумена, – Геронтия и Иакова. С опорой на текст памятника, в котором упоминается зимовка двух посланных в Москву осенью 1569 года священников («а мы в ту пору зимовали на Москве с Горонтием»), О. В. Панченко сделал вывод о непосредственном участии Иакова в составлении Соловецкого летописца [21: 271]. Другим указанием на его авторство стало обилие фактов из биографии будущего игумена в тексте летописца, которые не имели большого значения для истории самого монастыря [21:

270]. Помимо этого ученый отметил, что в тексте летописца упоминаются события, свидетелем которых мог быть Иаков, а также люди, помнить о которых мог, в первую очередь, игумен Иаков [21: 270]. Отдельного внимания заслуживает вывод О. В. Панченко о начале систематического изложения событий в летописце с 1564 года, совпадающего со временем появления Иакова в монастыре.

Свою версию об авторстве Соловецкого летописца выдвинул С. Н. Кистерев, предположив, что Сол. 22, не являющаяся первой редакцией памятника, была написана по материалам другого, более раннего летописца, чьим создателем был старец Исая, занимавшийся хозяйственными делами монастыря [9: 403–405]. В приходно-расходных книгах Соловецкой обители ученый обнаружил упоминание старца Митрофана, которому из монастырской казны было выделено 2 рубля «от книги от Летописца от писма» [9: 383–385]. Историк предположил, что оплата была произведена за составление Митрофаном летописца или участие в его создании. Сам Митрофан, а также старец Исая принимали непосредственное участие в составлении первой редакции Соловецкого летописца. Данная гипотеза ученого была основана на записи из Приходно-расходной книги Соловецкого монастыря 1591 года, исследование которой М. В. Кукушкиной позволило отнести Митрофана к числу соловецких писцов-переписчиков [13: 48]. Предположения С. Н. Кистерева также отмечены противоречием, обнаруженным в статье летописца за 1566 год, в которой упоминаются перенос мощей Зосимы и Савватия Соловецких в монастыре, а также поездка в Москву «со святыми водами». Обращает на себя внимание тот факт, что перенос мощей произошел 8 августа 1566 года, в то время как 11 августа того же года датируется письмом митрополита Филиппа новгородскому приказчику старцу Исаку, в котором и упоминается Исая. Несмотря на то что сам Исая не мог принимать участия в создании летописца, позднее Я. Г. Солодкин указал на участие старца в дополнении текста ранней редакции СЛ для личного пользования, но не его создании [28: 378].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени в отечественной историографии накоплено немало сведений о времени создания СЛ, происхождении и взаимосвязи его редакций, а также источниках, использованных автором произведения. Современные исследователи продолжают применять в отношении СЛ приставки «конца XVI века» и «так назы-

ваемый», чтобы отличать произведение от «Летописца Соловецкого монастыря», введенного в оборот И. А. Любаковой [14]. Основной фокус внимания ученых сосредоточен на трех летописных текстах о Соловецком монастыре:

- 1) летописец 22/1481, признаваемый в качестве ранней редакции памятника;
- 2) летописец 877/987, использованный для составления поздней компиляции Хлуд. 184;
- 3) краткий Соловецкий летописец 1550–1570-х годов из состава Сол. 644/722, вошедший в состав поздней компиляции, но использованный при создании Сол. 22.

Вопросы о соотношении редакций, а также существовании древнейших версий летописца продолжают подниматься исследователями, пересматривающими результаты предшествующих работ. Внимание ученых к СЛ обусловлено интересом к истории обители второй половины XVI века, а также сведениям общерусского характера, раскрывающим детали последнего этапа правления Ивана IV.

Не менее важным вопросом для изучения СЛ остается и вопрос об авторстве редакции Сол. 22. Критика предположений В. И. Корецкого позволила большинству историков усомниться в том, что автором Соловецкого летописца был старец Петр Ловушка. В то же время гипотеза С. Н. Кистерева об участии в создании СЛ старцев Митрофана и Исаи была подвергнута критике Я. Г. Солодкиным. Не подвергается, однако, сомнению причастность в составлении памятника игумена Иакова – дискуссионным остается вопрос его личного участия. Среди актуальных кандидатур на должность автора летописца остаются сам игумен Иаков и ряд его учеников.

Другой проблемой, обозначенной в отечественной историографии, является вопрос о статусе СЛ, характеристика которого как местного памятника летописания была поставлена под сомнение Я. Г. Солодкиным. Тем не менее обращение к теме летописца как памятника местной исторической мысли, связанной с работой кон-

кретного монастырского книжника, отбравшего как общерусский, так и региональный материал для своего произведения, требует дальнейшей разработки.

Использование в СЛ ряда общерусских сведений представляет интерес для исследователей, занимающихся изучением отражения сведений разрядных книг в провинциальном летописании. Однако материалы «Краткого Соловецкого летописца», выявленного О. В. Панченко, открывают возможности для изучения сведений местного характера.

Дальнейшее исследование СЛ имеет широкие перспективы в связи с изучением монастырских связей между Соловками и другими центрами религиозной жизни региона, назначения и практического применения памятника в монастырской традиции, а также специфики авторской работы по созданию схожих произведений, в том числе: выборки местных и общерусских событий, тематических приоритетов автора, проявлений его личностных интересов, индивидуальности и умений профессионального книжника. В настоящее время сохраняется тенденция на использование СЛ как источника конкретных сведений по событиям общерусского масштаба, например русско-шведской войны 1589–1595 годов, или примера активного развития книжной культуры в постопричной России [2], [34].

Исследователями СЛ накоплена значительная сумма сведений, как правило, археографического и источниковедческого характера, которая создает условия для их дальнейшего изучения. Тем самым подготовлен фундамент для последующего обращения к летописцу как памятнику историографии эпохи, изучение которого требует привлечения методов новой локальной истории, интеллектуальной истории и просопографии. Без привлечения материала СЛ вряд ли можно говорить о комплексном исследовании региональных традиций историографии России в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Орлов А. С. Великорусская историческая литература XVI века: Конспект лекций. М.: Типо-лит. В. И. Титяева, 1912. 69 с.
- ² Иконников В. С. Опыт русской историографии: [В 2 т.]. Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1891–1908. Т. 1–2.
- ³ Попов А. Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. С. 372.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 928 с.
2. Володин Д. М. Соловецкий летописец в период русско-шведской войны 1589–1595 гг. // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. 2015. Т. 14. С. 46–52.

3. Дмитриева Р. П. Летописец Соловецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 23–26.
4. Дмитриева Р. П. О раннем периоде истории Соловецкого монастыря в Житиях Зосимы и Савватия и в списках Соловецкого летописца // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 89–98.
5. Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 215 с.
6. Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» // ТОДРЛ. 1974. Т. 29. С. 68–97.
7. Зиборов В. К. Русское летописание XI–XVIII веков. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2002. 512 с.
8. Калугин В. В. «Житие Трифона Печенгского»: от монастырских записок к агиобиографии // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 449–451.
9. Кистерев С. Н. Об авторах первой и второй редакций Соловецкого летописца XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 383–410.
10. Кистерев С. Н. К вопросу об авторе первой редакции Соловецкого летописца // Вестник «Альянс-Архео». 2015. № 9. С. 73–77.
11. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Квадрига, 2018. 366 с.
12. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980: Сб. ст. М., 1981. С. 223–243.
13. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 248 с.
14. Лобакова И. А. «Сказание вкратце о соловецких игуменах» // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 170–182.
15. Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
16. Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М.: Индрик, 2005. 285 с.
17. Насонов А. Н. Русское летописание XI – начала XVIII века. М.: Наука, 1969. 556 с.
18. Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 214–254.
19. Панченко О. В. «Летописец игумена Иакова» и «Краткий Соловецкий летописец 50–70-х гг. XVI в.» // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: Первая Международная научная конференция: Сборник научных статей и докладов. П. Соловецкий, 2011. С. 88–95.
20. Панченко О. В. Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия (Из истории соловецкой книжности XVII в.) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 336–370.
21. Панченко О. В. Памятники летописания Соловецкого монастыря. Ст. 1. Соловецкие летописцы XVI в. // ТОДРЛ. 2014. Т. 63. С. 262–277.
22. Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 410 с.
23. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
24. Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания М.: МАЛП, 1997. 200 с.
25. Солодкин Я. Г. К истории соловецкого летописания рубежа XVI–XVII вв. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 5–6.
26. Солодкин Я. Г. Об авторстве и источниках Соловецкого летописца 1580-х гг. // Очерки феодальной России. 2010. Вып. 14. С. 297–309.
27. Солодкин Я. Г. К истории общерусского летописания последней трети XVI в. (о происхождении нарративного источника статей за 1571–1585 гг. Соловецкого летописца ранней редакции) // Связь времен и творчество историка: Памятный сборник к 90-летию В. М. Панеяха. СПб., 2021. С. 181–210.
28. Солодкин Я. Г. К истории создания одной из ранних редакций Соловецкого летописца: решена ли задача атрибуции // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. М., 2020. С. 377–379.
29. Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 217–236.
30. Тихомиров М. Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 556 с.
31. Усачев А. С. События прошлого глазами русских писцов // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 343–359.
32. Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени Митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
33. Филюшкин А. И. Поворот во внутренней политике Ивана Грозного: 1560 или 1564 год? // Нестор: историко-культурные исследования: Альманах. Вып. 3: История на перепутье: поворотные точки и альтернативные пути. Воронеж, 1995. С. 60–74.
34. Чумичева О. В. Преподобный игумен Иаков: созидание в эпоху «нестроений» // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: Международная научная конференция: Сборник научных статей и докладов. П. Соловецкий, 2011. С. 54–58.
35. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 2012. 373 с.
36. Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 8–51.
37. Яковлев В. В. Летопись Новгородско-Псковская 1630 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 478–479.

38. Яковлев В. В. Новгородско-Псковская летопись 1630 г. // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. 2001. Вып. 4. С. 386–467.
39. Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hg. Reinhard Frötschner. Berlin: Frank&Timme, 2021. 266 s.
40. The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness / Ed. by G. Lenhoff, A. Kleimola. Bloomington; Indiana: Slavica Pub, 2011. 364 p.

Поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 10.01.2023

Review article

Iliia S. Agafonov, Postgraduate Student, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9939-9119; is.agafonov@yandex.ru

THE SOLOVETSKY CHRONICLE OF THE LATE XVI CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Abstract. The chronicle-writing traditions of Russia in the XVI century have been actively studied by Russian scholars using the materials of large Moscow written monuments. Such works as *The Chronograph* (1512 edition), *The Nikon's Chronicle* and *The Book of Royal Degrees* attracted researchers' attention due to the breadth of coverage of all-Russian events. At the same time, local monuments have remained on the periphery of specialists' interests. To date, Russian historiography has accumulated extensive materials related to the publication, attribution, and analysis of various works created outside Moscow. Some problems are considered in the source studies of Russian scientists, however, historians focus their attention on textological issues, as well as the clarification of individual macroplots of Russian history. Meanwhile, a comprehensive study of the local chronicles of the late Middle Ages and the early Modern Times has not been conducted. For further progress in addressing such issues as the formation and development of the book tradition in Russia in the XVI century it seems necessary to structure the materials accumulated by historical science, which can become the foundation for investigating the general and specific features of local chronicle-writing. *The Solovetsky Chronicle* of the late XVI century is an example of an unofficial chronicle written in the Russian North. The historiographical experience of studying this work accumulated by historical science is of interest for summarizing and identifying problematic issues. The novelty of the work lies in the preparation of the monument for examining it as an independent element of the historiographical tradition of Russia in the XVI century, which means referring to chronicle works as monuments of the historical thought of the region and era. The research resulted in summarizing the outcomes of the historiographical study of the Solovetsky annals by Russian scholars, namely the sources of the work, the ratio of editions, the time of creation, and the authorship of the monument. Attention is focused on the following issues that require special consideration when investigating *The Solovetsky Chronicle* of the XVI century as an example of local book tradition of its time: the purpose and practical application of the monument in the monastic tradition, the specifics of the work of local chroniclers, the principle of selecting the described events, and the author's thematic priorities.

Key words: historiography, source studies, sixteenth century, local annals, all-Russian chronicles, Solovetsky Monastery, Solovetsky Chronicle

Acknowledgements. The paper was written as part of the project No 20-18-00218 supported by the Russian Science Foundation.

For citation: Agafonov, I. S. The Solovetsky chronicle of the late XVI century: historiography of the issue. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.868

REFERENCES

1. Vovina-Lebedeva, V. G. Schools for the study of Russian chronicles: the XIX–XX centuries. St. Petersburg, 2011. 928 p. (In Russ.)
2. Volodikhin, D. M. *The Solovetsky Chronicle* during the Russo-Swedish war of 1589–1595. *The Solovetsky Sea: Historical and Literary Almanac*. 2015;14:46–52. (In Russ.)
3. Dmitrieva, R. P. The Solovetsky Chronicle. *The dictionary of scribes and book tradition of Ancient Rus. Issue 2. (The second half of the XIV–XVI centuries)*. Part 2. Leningrad, 1989. P. 23–26. (In Russ.)
4. Dmitrieva, R. P. The early period of the history of the Solovetsky Monastery in the Lives of Zosima and Savvaty and in the copies of *The Solovetsky Chronicle*. *Almanac of the Department of Old Russian Literature*. 1996;49:89–98. (In Russ.)
5. Dmitrieva, R. P. The tale of the princes of Vladimir. Moscow; Leningrad, 1955. 215 p. (In Russ.)
6. Gol'dberg, A. L. Three “epistles of Philotheus”. *Almanac of the Department of Old Russian Literature*. 1974;29:68–97. (In Russ.)
7. Ziborov, V. K. Russian chronicle of the XI–XVIII centuries. St. Petersburg, 2002. 512 p. (In Russ.)
8. Kalugin, V. V. “The Life of Tryphon of Pechenga”: from monastic notes to agiobiography. *Historiography, source studies, history of Russia in the X–XX centuries*. Moscow, 2008. P. 449–451. (In Russ.)

9. Kisterev, S. N. The authors of the first and second editions of The Solovetsky Chronicler of the XVI century. *Annals and chronicles. New studies. 2013–2014*. Moscow; St. Petersburg, 2015. P. 383–410. (In Russ.)
10. Kisterev, S. N. To a question about the author of the first edition of *The Brief Annals of Solovki. Vestnik "AlyansArheo"*. 2015;9:73–77. (In Russ.)
11. Kloss, B. M. The Nikon's Chronicle and other Russian chronicles of the XVI–XVII centuries. Moscow, 2018. 366 p. (In Russ.)
12. Koretsky, V. I. The Solovetsky Chronicler of the late XVI century. *Annals and chronicles. 1980: Collection of articles*. Moscow, 1981. P. 223–243. (In Russ.)
13. Kukushkina, M. V. Monastic libraries of the Russian North: Essays on the history of book culture in the XVI–XVII centuries. Leningrad, 1977. 223 p. (In Russ.)
14. Lobakova, I. A. "The Brief Tale of the Solovetsky Hegumens". *Book centers of the Ancient Rus: Scribes and manuscripts of the Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2004. P. 170–182. (In Russ.)
15. Lurye, Ya. S. Two histories of the fifteenth-century Rus. Early and late, independent and official chronicles of the formation of the Muscovite state. St. Petersburg, 1994. 240 p. (In Russ.)
16. Morozov, V. V. Illustrated chronicle in the context of Russian chronicle-writing of the XVI century. Moscow, 2005. 285 p. (In Russ.)
17. Nasonov, A. N. Russian chronicles of the XI – early XVIII centuries. Moscow, 1969. 556 p. (In Russ.)
18. Novikova, O. L. The second edition of the so-called *Solovetsky Chronicler*. *Book centers of the Ancient Rus: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 214–254. (In Russ.)
19. Panchenko, O. V. "The Chronicler of Hegumen Jacob" and "The Brief Solovetsky Chronicler of the 1550s–1570s. *Spiritual, historical and cultural heritage of the Solovetsky Monastery: Proceedings of the first international research conference*. Solovetsky, 2011. P. 88–95. (In Russ.)
20. Panchenko, O. V. Black deacon Jeremiah, book keeper and senior choir singer (From the history of the Solovetsky written tradition of the XVII century). *Book centers of the Ancient Rus: Scribes and manuscripts of the Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2004. P. 336–370. (In Russ.)
21. Panchenko, O. V. Chronicles of the Solovetsky Monastery. Part 1. Solovetsky chroniclers of the XVI century. *Almanac of the Department of Old Russian Literature*. 2014;63:262–277. (In Russ.)
22. Sinitsyna, N. V. Third Rome. Origins and evolution of the Russian medieval concept (XV–XVI centuries). Moscow, 1998. 410 p. (In Russ.)
23. Sirenov, A. V. *The Book of Royal Degrees* and Russian historical thought of the XVI–XVII centuries. Moscow; St. Petersburg, 2010. 552 p. (In Russ.)
24. Solodkin, Ya. G. History of the late Russian chronicle-writing. Moscow, 1997. 200 p. (In Russ.)
25. Solodkin, Ya. G. The history of the Solovetsky chronicle-writing at the turn of the XVII century. *Topics in the study of history of the European North*. Petrozavodsk, 1993. P. 5–6. (In Russ.)
26. Solodkin, Ya. G. The authorship and sources of *The Solovetsky Chronicler* of the 1580s. *Essays on the Feudal History of Russia*. 2010;14:297–309. (In Russ.)
27. Solodkin, Ya. G. The history of the all-Russian annals of the last third of the XVI century (the origin of the narrative source of the 1571–1585 written records from the early edition of *The Solovetsky Chronicler*). *The link of times and the work of historians: Collection of articles commemorating the 90th anniversary of V. M. Paneyakh*. St. Petersburg, 2021. P. 181–210. (In Russ.)
28. Solodkin, Ya. G. The history of the creation of one of the early editions of *The Solovetsky Chronicler*: the question of attribution. *Auxiliary historical disciplines in the modern scientific knowledge: Proceedings of the XXIII international research conference*. Moscow, 2020. P. 377–379. (In Russ.)
29. Tikhomirov, M. N. Little-known chronicles. *Historical Archive*. 1951;7:217–236. (In Russ.)
30. Tikhomirov, M. N. Russian chronicle-writing. Moscow, 1979. 556 p. (In Russ.)
31. Usachev, A. S. The past events in the eyes of the Russian scribes of the 16th century. *Dialog with Time*. 2020;73:343–359. (In Russ.)
32. Usachev, A. S. *The Book of Royal Degrees* and old Russian literature of the time of Metropolitan Macarius. Moscow; St. Petersburg, 2009. 760 p. (In Russ.)
33. Filushkin, A. I. Shift in the domestic policy of Ivan the Terrible: 1560 or 1564? *Nestor: historical and cultural studies. Almanac. History at the crossroads: turning points and alternative routes*. Voronezh, 1995. P. 60–74. (In Russ.)
34. Chumicheva, O. V. Reverend Hegumen Jacob: creation in the age of "disorders". *Spiritual, historical and cultural heritage of the Solovetsky Monastery: Proceedings of the international research conference*. Solovetsky, 2011. P. 54–58. (In Russ.)
35. Shakhmatov, A. A. Review of Russian chronicles of the XIV–XVI centuries. Moscow, 2012. 373 p. (In Russ.)
36. Shashkov, A. T. The beginning of the annexation of Siberia. *Issues of Russian history*. Ekaterinburg, 2001. P. 8–51. (In Russ.)
37. Yakovlev, V. V. The Chronicle of Novgorod and Pskov, 1630. *The dictionary of scribes and book tradition of Ancient Rus*. Vol. 3. (The XVII century). Part 4. St. Petersburg, 2004. P. 478–479. (In Russ.)
38. Yakovlev, V. V. The Chronicle of Novgorod and Pskov, 1630. *The source studies experience. Old Russian book tradition*. St. Petersburg, 2001. Vol. 4. P. 386–467. (In Russ.)
39. Die Illustrierte Chronikhandschrift des Zaren Ivan IV. Groznyj. Ein Schlüsselwerk der Moskauer Historiographie und Buchkunst zwischen Spätmittelalter und Früher Neuzeit / Hg. Reinhard Frötschner. Berlin, 2021. 266 s.
40. The Book of Royal Degrees and the genesis of Russian historical consciousness. (G. Lenhoff, A. Kleimola, Eds.). Bloomington; Indiana, 2011. 364 p.

Дискуссии

От редакции. В публикуемой дискуссии обсуждаются вопросы актуального состояния источниковедения как метода исторического исследования и как научной дисциплины, а также возможности источниковедения в разрешении наиболее сложных проблем современной исторической культуры.

Научная статья

DOI: 10.15393/uchz.art.2023.869

УДК 930.1

МАРИНА ФЕДОРОВНА РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2448-3417; m_roumiantseva@hse.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В СТРУКТУРЕ АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

А н н о т а ц и я . На рубеже XX–XXI веков сложилась ситуация цивилизационного перехода от постмодерна к постпостмодерну, характеризующаяся в историческом познании продолжением нарастания фрагментации научного исторического знания на фоне актуализирующегося запроса на глобальную историю и процессом ренарративизации / войны нарративов в социально ориентированном историописании. Новые эпистемологические задачи требуют решения ряда вопросов теории источниковедения и расширения источниковедческих практик. На обсуждение выносятся следующие проблемы: (1) расширение источниковой базы исторических исследований, в первую очередь за счет смягчения доминирования письменных исторических источников и разработки инструментария обращения к визуальным и вещественным историческим источникам; (2) роль источниковедения в преодолении фрагментации исторического знания; (3) возможность сотрудничества источниковедческой парадигмы исторической науки и нарративной логики социально ориентированной истории. Проблемы сформулированы и охарактеризованы на основе неоклассической феноменологической концепции источниковедения, восходящей к наследию русской версии неокантианства (А. И. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский) и ориентированной на строгое научное знание. Разработанный в рамках этой парадигмы О. М. Медушевской концепт «эмпирическая реальность исторического мира» предлагается в качестве инструментария решения некоторых актуальных проблем исторического познания.

К л ю ч е в ы е с л о в а : историческая культура, источниковедение, неоклассическая феноменологическая источниковедческая парадигма исторического познания, исторический источник, источниковедение историографии, фрагментация, ренарративизация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Румянцова М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.869

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В начале XX века русский историк-методолог А. С. Лаппо-Данилевский писал:

«Без обращения к историческим источникам человек во многих случаях не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может участвовать в полноте культурной жизни человечества» [3: т. 2, 392].

На рубеже XX–XXI веков начался выход из ситуации постмодерна. Процессы идут столь

динамично, что радикально новая социокультурная ситуация не успевает получить собственное оригинальное название и чаще именуется постпостмодерном. Движение от постмодерна к постпостмодерну – это движение от информационного общества к манипуляционному и от глобализации к глокализации. В сфере исторического знания эти тенденции оформились к концу первого десятилетия XXI века в новую историческую культуру. Если кризис доверия к историческому метанарративу – маркер постмодерна в историческом познании [4: 10–11], то ведущей тенденцией новой исторической культуры

стал процесс ренарративизации. Именно он обеспечивает, с одной стороны, формирование идентичности локальных сообществ разного масштаба и уровня в процессе глокализации, а с другой стороны, именно нарратив, его идентифицирующая функция являются инструментом манипуляции социумами на глубинном уровне. Ведущая характеристика новой ситуации – борьба / война нарративов, что еще раз доказывает, что история – наука стратегическая. И, на мой взгляд, понимание этой ее функции характеризует в первую очередь профессионализм историка в актуальной социокультурной и геополитической ситуации.

Нарратив принадлежит социально ориентированному историописанию. В сфере же научного исторического знания происходит актуализация неоклассической модели науки, что отмечает, в частности, А. В. Лубский (1947–2020) [6: 256–339]. Будучи согласна с Лубским в части актуализации неоклассической модели науки, отмечу, что, на мой взгляд, сама эта модель формируется при выходе из методологического кризиса рубежа XIX–XX веков, параллельно с неклассической моделью науки, – и это принципиально важно при анализе источниковедческой парадигмы исторического познания. К неоклассической модели стоит отнести феноменологию Э. Гуссерля (1859–1938), а в качестве реперной точки формирования неоклассической модели я рассматриваю его программную статью «Философия как строгая наука»¹ (1911). В российской исторической науке в это время мы видим – в контексте русской версии неокантианства – возникновение феноменологической концепции источниковедения, имеющей тенденцию движения именно к неоклассической модели научного познания.

Формирование новой исторической культуры в контексте постпостмодерна и актуализация неоклассической модели науки – именно эти факторы заставляют вынести на обсуждение некоторые вопросы состояния источниковедения в 2020-х годах и, главное, его роли в современной науке и социальных практиках.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Не могу не отметить, что не только у студентов, но и у части коллег замечаю убежденность в том, что советская историческая наука (а российская историческая наука на протяжении большей части XX века – это наука советская) отличается от «западной» своей особой идеологизированностью... Ввиду бесполезно-

сти убеждать сторонников этой позиции в том, что презентизм / американский релятивизм (С. L. Becker, 1873–1945; Ch. A. Beard, 1874–1948) – отнюдь не советские явления, да и Бенедетто Кроче (1866–1952; автор афоризма: «История – современная мысль о прошлом») – явно не российский мыслитель, останавливаться на этом не буду. Но подчеркну, что радикальное отличие российской исторической науки было и сохраняется на протяжении всего ее развития: это особое внимание к объекту исторического познания / историческому источнику. Концептуально оно было зафиксировано еще во время методологического кризиса рубежа XIX–XX веков: в то время как Баденская школа неокантианства (В. Виндельбанд, 1848–1915; Г. Риккерт, 1863–1936) принципиально отказалась рассуждать об объекте исторического познания и сосредоточилась исключительно на его логике, русские неокантианцы создали целостную концепцию объекта исторического познания (Александр Иванович Введенский, 1856–1925) / теорию источниковедения (Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский, 1863–1919) (подробнее см.: [11]).

Представленные ниже базовые определения и предложенные для дискуссии проблемы основываются на феноменологической концепции источниковедения, восходящей к русской версии неокантианства. Эта концепция на протяжении XX – начала XXI века развивалась Научно-педагогической школой источниковедения, преемственность которой с русским неокантианством обеспечили в первую очередь ученик А. С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) и далее – ученица Андреева Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007), работы которой вывели концепцию на новый уровень – уровень научного направления / парадигмы когнитивной истории [8].

БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ

*Историческая культура*² –

«понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным <...> Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ» [12: 165].

Рискну предложить свой вариант определения исторической культуры – более простой и к тому же когерентный одной из важных составляющих источниковедения – источниковедению историографии: историческая культура –

система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников.

Источниковедение –

«гуманитарная дисциплина, объект которой – исторические источники, вся совокупность произведений человека / продуктов культуры (эмпирическая реальность исторического мира, О. М. Медушевская), а предмет – исторический источник как культурный феномен и на этой основе поиск, извлечение, оценка и использование информации о человеке и обществе в их исторической составляющей» [12: 206].

Это определение необходимо дополнить и подчеркнуть, что дисциплинарный статус источниковедения на протяжении XX – начала XXI века трансформируется от *составляющей методологии исторического познания* – к *дисциплине (субдисциплине) исторической науки*³ – и к *научному направлению*⁴, сохраняя на каждом этапе развития и прежние свои ипостаси. Этой трансформации соответствует изменение объекта источниковедения: *исторический источник – система видов исторических источников – эмпирическая реальность исторического мира* (понятие, введенное О. М. Медушевской, 1922–2007) [8], [9] (подробнее см.: [10]).

Источниковедческая парадигма исторического познания / феноменологическая парадигма истории как строгой науки – базовая теория исторического познания, исходящая из принципа единства и имманентной структурированности глобального объекта истории – эмпирической реальности исторического мира.

О. М. Медушевская, разрабатывая концепцию когнитивной истории, подчеркивала:

«Наука не привносит извне или из идей познающего субъекта системности в первозданный хаос <...> феноменологический подход исходит из того, что в мире существует системность, взаимосвязанность, которую исследователь как раз и стремится открыть» [8: 14].

И такую возможность предоставляет макро-объект исторической науки – эмпирическая реальность исторического мира.

«В качестве общего положения можно говорить о том, что совокупный интеллектуальный продукт, созданный в ходе исторического процесса, не представляет собой неструктурированной массы, но, напротив, обладает имманентным свойством структурированности и взаимосвязанности. Интеллектуальные продукты, создаваемые людьми, структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены. Они имеют системное качество и, следовательно, спо-

собны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение» [8: 258].

Исторический источник –

«объективированный результат творческой активности человека / продукт культуры, используемый для изучения / понимания человека, общества, культуры как в исторической, так и в коэкзистенциальной составляющих» [12: 205].

Источниковедение историографии –

«предметное поле⁵ актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории» [12: 209].

Исторический источник и источниковедение историографии – скорее термины, чем понятия, причем источниковедение историографии очевидным образом подчинено понятию источниковедения, но я сочла нужным привести его определение наряду с базовыми понятиями ввиду особой роли источниковедения историографии в рефлексии по поводу современной исторической культуры.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

Предлагаю для обсуждения три проблемы: одна – из области собственно источниковедения, вторая – о соотношении источниковедческой парадигмы и современного научного исторического знания и, наконец, третья, и главная, – о возможности соотношения источниковедческой парадигмы и нарративов, множатся в процессе ренарративизации, точнее – о возможности соотношения нарратива и репрезентации истории на основе источниковедения.

Эти проблемы формируются в разное время и, соответственно, в разных исторических культурах: первая – на рубеже XX–XXI веков в связи с визуальным и вещественным поворотами в социальном познании, вторая нарастает на протяжении всего XX века в связи с усиливающейся фрагментацией исторического знания и, соответственно, утратой возможности когерентной истории, и только третья, как уже было отмечено выше, маркирует актуальную историческую культуру – историческую культуру постпостмодерна, складывающуюся к концу первого десятилетия XXI века.

Проблема 1. Расширение источниковой базы исторических исследований / выход за пределы письменных исторических источников

Еще в конце XIX века Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) заявили, что история пишется по документам:

«История пишется по документам. Документы – это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей <...> Всякая же мысль, и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда не существовал <...> Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории»⁶.

Очевидно, что Ланглуа и Сеньобос – в теоретическом плане – имели в виду не только письменные источники. Но все равно их позиция была подвергнута решительной критике со стороны одного из основоположников Школы «Анналов» Л. Февра (1878–1956), который отметил, что популярная формула Ланглуа – Сеньобоса

«предполагала тесную связь между историей и письменностью – и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся исследованием доисторического периода <...> старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории...»⁷.

Не буду даже пытаться разрешить их спор, акцентирую внимание только на двух аспектах. Во-первых, усилию позицию Ланглуа – Сеньобоса: история пишется не просто по «документам», но почти исключительно – по письменным источникам. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть ссылки и списки источников любой публикации научного исторического исследования. Соответственно, «связь между историей и письменностью» есть и ее довольно-таки легко эксплицировать. Во-вторых, обращаю внимание, что Февр апеллирует к первобытному обществу, то есть обществу неисторического типа.

Насколько необходимо расширять источниковую базу за счет изобразительных (визуальный поворот) и вещественных (вещный поворот) источников? Скорее всего, ответ положительный, – трудно, да и незачем, отказываться от расширения источниковой базы. Но почему же историки не делали этого раньше? И почему теперь настало время визуальных и вещественных исторических источников? Обрисую свое видение этого вопроса, по необходимости запредельно кратко⁸. История изучает культуры исторические / с историческим типом социальной памяти (подробнее см.: [5]), что вполне логично. Культуры с традиционным типом социальной памяти изучает этнография – другая наука, обладающая своими собственными методами. Ситуация постмодерна (последняя треть XX века) – ситуация «конца истории». Как бы ни критиковали Френ-

сиса Фукуяму (р. 1952) за его знаковую статью 1989 года [13], на мой взгляд, он зафиксировал очень важный исторический момент – конец того исторического типа культуры, который был свойственен «духовной Европе» (понятие Э. Гуссерля), а с геополитической точки зрения – конец европоцентричного мира (вернее – начало конца). Новый мир, сменяющий мир европоцентричный, характеризуется «столкновением цивилизаций» (концепция С. Хантингтона, сформированная во многом в противостоянии с европоцентричной концепцией Ф. Фукуямы) [14]. Но вполне очевидно, что разумное участие в «столкновении цивилизаций» требует от историков адекватной рефлексии иной культуры, понимание которой сильно затруднено, а иногда и просто невозможно на основании только письменных источников. Формат статьи не предполагает возможности рассуждать о соотношении письменных источников и источников визуальных и вещественных, о различиях их функций в историческом познании, но на интуитивном уровне, полагаю, это различие очевидно.

Кроме вполне понятной инерции на пути обращения историков к визуальным и вещественным историческим источникам, существует и проблема археографии – введения этих источников в научный оборот, их публикации. Особенно сложна она для вещественных источников, хотя музейщиками и накоплен обширный опыт таких публикаций в формате каталогов. В 2012 году Научно-педагогической школой источниковедения было инициировано проведение совместно с работниками музеев конференции «Археография музейного предмета» [1]. Конференция была весьма представительной, но вынуждена констатировать, что решить проблему, даже приблизиться к ее решению, нам так и не удалось. Вероятно, здесь можно и нужно обратиться к опыту музейщиков, которые начиная с 1990-х годов (если речь идет о России) перешли от иллюстрации метанарратива к созданию самостоятельных репрезентаций истории. Но этот опыт, увы, не связан с публикацией вещественных источников, то есть не позволяет открыть доступ к ним для широкого круга исследователей.

Проблема 2. Поможет ли источниковедение преодолеть фрагментацию исторического знания?

Очевидно, что фрагментация, под которой понимается формирование новых дисциплин (субдисциплин) и направлений исторической науки,

нарастает на протяжении всего XX века, причем не только за счет формирования все новых субдисциплин исторического знания, но и за счет усложнения его вертикальной / иерархической структуры (формирование новых предметных полей и направлений). Прежде чем отвечать на вопрос, чем может помочь источниковедение в преодолении фрагментации, стоит ответить на два других вопроса: можно ли в принципе преодолеть фрагментацию и – главное – надо ли ее преодолевать? Здесь я разделяю позицию А. Мегилла (р. 1947):

«Вера в то, что синтез – это достоинство, а фрагментация – недостаток, глубоко укоренилась в культуре академических историков. <...> Давайте, однако, быть начеку: все призывы к синтезу – это попытки навязать интерпретацию. <...> Я не нахожу никаких оправданий <...> тому, чтобы воспринимать “фрагментацию” как термин осуждающий, а “синтез” как восхваляющий» [7: 256–257].

Но невозможно не понимать, что фрагментация ведет к невозможности когерентной истории (эту проблему также рассматривает Мегилл [7: 269–270]), что только усугубляет войну нарративов.

Источниковедческая парадигма исторического познания, на мой взгляд, дает возможность когерентной репрезентации истории на основе своего базового понятия *эмпирическая реальность исторического мира*, которая обладает имманентным единством. Кроме того, предложенный внутри этой концепции метод компаративного источниковедения⁹ дает соответствующий инструментарий.

Проблема 3. Источниковедческая парадигма и нарративная логика социально ориентированной истории: возможно ли сотрудничество?

Уже не раз, в разных контекстах, приводила размышления О. М. Медушевской об актуальном состоянии исторической культуры (отметим, что работа над книгой [8] была завершена автором в 2007 году, когда анализируемые тенденции только намечались). Медушевская пишет «о сосуществовании и противоборстве двух взаимоисключающих парадигм»: парадигмы нарративной логики и парадигмы истории как строгой науки [8: 15–16]. Выскажу еще раз некоторое не-

согласие с позицией Ольги Михайловны: в ситуации ренарративизации речь идет не о противоборстве, а о параллельном существовании исторической науки и социально ориентированного историописания, в крайнем случае – о противостоянии, соответственно, эти «парадигмы» можно рассматривать не только как взаимоисключающие, но и как взаимодополняющие.

Вот уже примерно полвека никто всерьез не оспаривает утверждения, что нарратив неверифицируем, а это значит, что критиковать его с позиции другого нарратива (а это и есть ситуация борьбы / войны нарративов) контрпродуктивно. Естественно, что любой нарратив выражает историческую культуру своего времени и, соответственно, являясь историографическим источником, может быть деконструирован «извне», методом источниковедения историографии. На мой взгляд, этот подход не является дискуссионным.

Но возможно ли «сотрудничество» источниковедческой парадигмы и нарратива? Скорее всего, движения навстречу со стороны нарратива ожидать не приходится – у него другое целеполагание, которое, вероятно, часто можно выразить словами Ф. Ницше, написанными еще в 1873 году при характеристике одного из типов историописания – критической истории:

«Это как бы попытка создать себе a posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому, от которого мы действительно происходим»¹⁰.

Но, как было замечено выше, источниковедческая парадигма способна предложить свою репрезентацию истории на строгой эмпирической основе (кстати, включающей в перспективе и визуальные, и вещественные источники), что, возможно, даст дополнительный критерий для оценки тех или иных нарративов. Но, на мой взгляд, этот вопрос наиболее спорный.

* * *

Естественно, предлагаемые для обсуждения вопросы не исключают (1) обсуждения / критики (во всех смыслах) самой феноменологической концепции источниковедения как в целом, так и в отдельных ее аспектах и (2) явно не исчерпывают всех возможных проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. С. 101–126.

² Дабы не умножать сущности без необходимости, воспользуюсь некоторыми определениями терминологического словаря, подготовленного Институтом всеобщей истории РАН [12], хотя и внесу отдельные уточнения. Авторство статей, за исключением «Историческая культура», принадлежит Научно-педагогической школе источниковедения.

- ³ Дисциплина исторической науки – исторически сложившаяся область научного исторического знания, имеющая собственный объект исследования [12: 93].
- ⁴ Научное направление – область научного исторического знания, предполагающая особый ракурс рассмотрения исторической реальности [12: 311].
- ⁵ Предметное поле исторической науки – составляющая структуры современного научного исторического знания <...> формируются в исторической науке при переходе от неклассической к постнеклассической модели науки, начиная с антропологического и особенно – лингвистического поворотов [12: 390–391].
- ⁶ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. М.: ГПИБ России, 2004. С. 49.
- ⁷ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 11.
- ⁸ Могу теоретически фундировать свою позицию при возникновении такой необходимости в ходе дискуссии.
- ⁹ Компаративное источниковедение – метод сравнительно-исторического исследования, базирующийся на теоретическом осмыслении положения о том, что основная классификационная единица источниковедения – вид исторических источников – репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной активности человека, совокупность которых составляет историю общества [12: 226].
- ¹⁰ Ницше Ф. Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Культурная революция, 2014. Т. 1, ч. 2. С. 109.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археография музейного предмета: Материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 16–17 марта 2012 г. / Отв. ред. Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2012. 201 с.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры: русское издание. М.: Мусагет, 1911. Кн. 1. С. 1–56.
3. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: [В 2 т.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1–2.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: АЛЕТЕИЯ, 1998. 159 с.
5. Лотман Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 344–356.
6. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 351 с.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
8. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
9. Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 24–34.
10. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 44–51.
11. Румянцева М. Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитар. науки. 2012. Т. 154, кн. 1. С. 130–141.
12. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

Поступила в редакцию 28.10.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Marina F. Rumyantseva, Cand. Sc. (History), Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-2448-3417; m_roumiantseva@hse.ru

SOURCE STUDIES IN THE STRUCTURE OF CURRENT HISTORICAL CULTURE: INVITATION TO DISCUSSION

Abstract. At the turn of the XXI century, there emerged a situation of civilizational transition from postmodern to post-postmodern, characterized in historical knowledge by the continued increase in fragmentation of scientific historical knowledge amid the actualizing demand for global history and the process of renarrativization / the war of narratives in socially-oriented historiography. New epistemological problems require solutions for a number of issues

in the theory of source studies and the expansion of source studies practices. The following issues are submitted for discussion: (1) expanding the source base for historical research, primarily by mitigating the dominance of written historical sources and developing tools for accessing visual and material historical sources; (2) the role of source studies in overcoming the fragmentation of historical knowledge; (3) the possibility of cooperation between the source study paradigm of historical science and the narrative logic of socially-oriented history. The problems are formulated and characterized on the basis of the neoclassical phenomenological concept of source studies, continuing the legacy of the Russian version of neo-Kantianism (A. I. Vvedensky, A. S. Lappo-Danilevsky) and focusing on precise scientific knowledge. The concept of the “empirical reality of the historical world” developed by O. M. Medushevskaya within this paradigm is proposed as a tool for solving some topical problems of historical cognition.

Key words: historical culture, source studies, neoclassical phenomenological source study paradigm of historical knowledge, historical source, source studies of historiography, fragmentation, renarrativization

For citation: Rumyantseva, M. F. Source studies in the structure of current historical culture: invitation to discussion. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.869

REFERENCES

1. Archaeography of museum objects: Proceedings of the international research conference, Moscow, March 16–17, 2012. (D. A. Dobrovolsky, R. B. Kazakov, M. F. Rumyantseva, Eds.). Moscow, 2012. 201 p. (In Russ.)
2. Husserl, E. Philosophy as rigorous science. *Logos: international yearbook on the philosophy of culture: Russian edition*. Moscow, 1911. Book 1. P. 1–56. (In Russ.)
3. Lappo-Danilevsky, A. S. Methodology of history: [In 2 vols.]. Moscow, 2010. Vols. 1–2. (In Russ.)
4. Lyotard, J.-F. The postmodern condition. Moscow; St. Petersburg, 1998. 159 p. (In Russ.)
5. Lotman, Yu. M. Alternative variant: non-writing culture or culture before culture? *Lotman, Yu. M. Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere*. Moscow, 1996. P. 344–356. (In Russ.)
6. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 351 p. (In Russ.)
7. Megill, A. Historical epistemology. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
8. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
9. Medushevskaya, O. M. The empirical reality of the historical world. *Auxiliary historical disciplines – source studies – methodology of history in the system of humanitarian knowledge: Proceedings of the XX international research conference. Moscow, January 31 – February 2, 2008: In 2 parts*. Moscow, 2008. Part 1. P. 24–34. (In Russ.)
10. Rumyantseva, M. F. The source study in the structure of historical knowledge: the neoclassical model of science. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;5(166):44–51. (In Russ.)
11. Rumyantseva, M. F. Russian version of neo-Kantianism: formulation of the problem. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2012;154(1):130–141. (In Russ.)
12. Theory and methodology of historical science: Terminological dictionary. (A. O. Chubaryan, L. P. Repina, Eds.). Moscow, 2016. 543 p. (In Russ.)
13. Fukuyama, F. The end of history? *Topics in the Study of Philosophy*. 1990;3:134–148. (In Russ.)
14. Huntington, S. The clash of civilizations. Moscow, 2003. 603 p. (In Russ.)

Received: 28 October, 2022; accepted: 10 January, 2023

ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ ХОРУЖЕНКО

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт российской истории РАН (Москва, Российская
Федерация)
khoruzhenko1@yandex.ru

РЕПЛИКА В ДИСКУССИИ

Участие в предлагаемой М. Ф. Румянцевой дискуссии предполагало бы для меня переход на позиции «адвоката дьявола» – мы принадлежим к одной Школе, а в вопросах теории источниковедения она воспринимается мною как гуру. Но ряд положений, выносимых на дискуссию, и их формулировки, действительно, вызывают реакцию, далекую от безоговорочного согласия.

Здесь констатируются динамичные и масштабные процессы в сфере исторического знания рубежа XX – 20-х годов XXI века: выход из ситуации постмодерна, движение к манипуляционному обществу, к глокализации и т. д. Возникает первый вопрос – на какой совокупности историографических источников построены эти наблюдения? Судя по упоминаемым и цитируемым работам, основания для таких

выводов дают суждения авторов, посвятивших себя теории исторического знания, феноменологии, эпистемологии, одним словом – теоретиков. Всецело доверяю выводам М. Ф. Румянцевой в отношении этого корпуса историографических источников. Но правомерно ли распространить их на работы указанного периода за пределами данного корпуса?

Из этого проистекают два следующих взаимосвязанных вопроса:

- заметны ли с такой теоретической высоты наблюдаемые в указанный период расширение источниковой базы, совершенствование инструментария источниковедческих исследований, введение в научный оборот новых исторических источников и их совокупностей?
- отметили ли сами исследователи-источниковеды, что на рубеже веков они оказались в ситуации постпостмодерна, и повлияло ли это как-то на их работу?

По собственному опыту могу сказать, что исследование рукописей требует предельной концентрации внимания. Просто иной раз нет возможности оглядеться по сторонам и понять – пришли к нам, наконец, постпостмодерн и глокализация или они еще впереди?

Вслед за М. Ф. Румянцевой не могу согласиться с диагнозом «особой идеологизированности», поставленным советской исторической науке некоторыми коллегами. Он представляется столь же точным, как пресловутая «общая температура по больнице» – тут вновь встает вопрос о той совокупности историографических источников, которая допускает такое обобщение. Да, если считать «Краткий курс истории ВКП(б)» или работы М. Н. Покровского наукой, то этот вывод справедлив. Но для большинства историков, как представляется, обязательное цитирование «классиков марксизма-ленинизма» и шельмование «буржуазных историков» были лишь обременяющим научно-исследовательскую работу ритуалом и пропуском их трудов в печать. Уже отмечалось, что «уход» в источниковедение был для многих исследователей способом если не избежать, то минимизировать идеологизацию своих работ. И как раз среди таких исследователей-источниковедов XX века – имена ученых, определивших высокий научный уровень источниковедения советского периода.

Определение «фрагментации исторического знания» как процесса формирования новых дисциплин в равной степени неожиданно и непонятно. Нельзя отрицать, что историческое знание фрагментированно. Скажем, архив великого кня-

жества Рязанского до нас не дошел. Это приводит к тому, что средневековая история этого государственного образования фрагментированна. Постепенно, путем скрупулезных и тонких исследований лакуны в историческом знании заполняют такие дисциплины исторической науки, как дипломатика, летописеведение, сфрагистика, нумизматика и т. д. Таким образом, исторические дисциплины, как новые, так и традиционные, вовсе не «фрагментируют», а напротив, «дефрагментируют» историческое знание, приводят его к «когерентности». Впрочем, предлагаемая А. Мегиллом антитеза «синтез – фрагментация», вместо привычной «синтез – анализ», подсказывает, что это понятие имеет для автора некий иной, «постпостмодернистский», смысл, отличный от классического.

Несогласие с позицией О. М. Медушевской выглядит несколько искусственным: *параллельное существование* (М. Ф. Румянцева) парадигмы нарративной логики и парадигмы истории как строгой науки вовсе не исключает их *противоборства и взаимоисключения* (О. М. Медушевская). Напротив, противоборство, о котором писала Медушевская, возможно как раз при параллельном, синхронном существовании парадигм – как можно противостоять тому, что уже кануло в прошлое или еще не наступило?

Под «социально ориентированной историей (историописанием)» следует, вероятно, понимать, пропаганду в тех или иных формах («научпоп», историческая журналистика, эссеистика и т. п.), когда она обращается к национальным мифам или формирует их. Вопрос спорный – считать ли эти нарративы историографическим источником и, соответственно, продуктивно ли их изучение методами историографии? Все-таки историография изучает историческую науку. Нарративы, не имеющие признаков научности, вероятно, не являются ее объектом.

По аналогии с «культурами с традиционным типом социальной памяти», изучение которых М. Ф. Румянцева справедливо поручает этнографии, «социально ориентированная история» должна быть объектом исследования смежных гуманитарных наук – политологии, социологии и т. д. Вероятно, сюда же следует отнести и социальные практики, обращенные к прошлому или мифологизированным представлениям о нем, ставшие массовыми именно в указанный период движения исторических реконструкторов (включая сюда уже институализированное казачество, «возрожденные» техники рукопашного боя), поисковиков, родноверов и т. д.

РОМАН БОРИСОВИЧ КАЗАКОВ

приглашенный преподаватель школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
rkazakov@hse.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ: НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А н н о т а ц и я . Анализируются базовые понятия источниковедения историографии, особенности классификации историографических источников, реализованные представителями Научно-педагогической школы источниковедения в учебном пособии «Источниковедение». Формулируются положения об основаниях сравнительного изучения национальных историографических традиций с выявлением сходных и отличительных черт их развития, а также характерные особенности, присущие российской историографической традиции на всем протяжении ее существования.

К л ю ч е в ы е с л о в а : источниковедение, история исторической науки, источниковедение историографии, историографические источники, компаративные исследования, Научно-педагогическая школа источниковедения

Д л я ц и т и р о в а н и я : Казаков Р. Б. Источниковедение историографии: некоторые дискуссионные проблемы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 63–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.870

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Концепция источниковедения, которую формулируют и развивают в своих исследованиях представители Научно-педагогической школы источниковедения, реализуется и в практиках преподавания университетского курса источниковедения. Примером этому служит учебное пособие «Источниковедение», изданное дважды (2015, 2019) Издательским домом НИУ ВШЭ, рассчитанное на программу соответствующего курса для бакалавров-историков и находящее применение в ряде близких курсов бакалавриата и магистратуры по направлению «История» в НИУ ВШЭ [6]. Учебное пособие по ряду характеристик было новаторским и значительно отличалось по структуре и содержанию от учебного пособия предыдущего поколения «Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории» (М.: РГГУ, 2004), выдержавшего три издания. В новом пособии впервые появился раздел «Источниковедение историографии» (авторы: С. И. Маловичко при участии Р. Б. Казакова и М. Ф. Румянцевой), представленный как составная часть метода исторического познания. Отдельно была дана аргументация в пользу принципов построения Списка источников и литературы по курсу, примененных именно в этом учебном пособии [15].

Разумеется, текст пособия, писавшийся около десяти лет тому назад, сейчас был бы значительно переделан, но концепция, положенная в его основу, остается актуальной и, как представляется, успешно реализуется. Отвечает заявленной в пособии концепции и определение историографического источника:

«...историографические источники – это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного» [6: 509].

При этом авторы подчеркнули существование к настоящему моменту различных подходов к определению базового понятия «историографический источник», что может быть предметом дискуссии. Представления авторов об источниковедении историографии восходят к идеям А. С. Лаппо-Данилевского, реализованным в «Методологии истории» и его историографических курсах (существующих до сих пор в виде литографии). Лекции по русской историографии А. С. Лаппо-Данилевский выстраивал историко-ведчески: через изучение обстоятельств возникновения и эволюции, анализ идей во всей сложности их происхождения, что делалось автором посредством изучения процесса развития науки «во всей конкретности его обстановки» [6: 513–514], [8]. Отмечу и отчетливую установку авторов на выстраивание истории развития ис-

точниковедения историографии в компаративном ключе, что не являлось их специальной задачей и потому не было реализовано полностью.

ДИСКУССИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Думается, что дискуссионной является предложенная авторами учебного пособия классификация историографических источников. Здесь вполне очевидна ситуация, зафиксированная в видовой классификации письменных источников для периода Нового и Новейшего времени: эволюция видов источников идет по пути резкого увеличения количества видов и – одновременно – количества разновидностей источников внутри одного вида при упрощении содержания каждого отдельного источника (М. Ф. Румянцева). И если для корпуса источников по истории России с древнейших времен до рубежа XVII–XVIII веков в трудах С. М. Каштанова выработана детальная и со значительной глубиной классификация актовых источников [10], а перечень дошедших до нашего времени источников, представляющих другие виды, вполне обозрим и конечен, то при характеристике видовых особенностей источников по истории России Нового и Новейшего времени приходится приводить в качестве примеров лишь некоторые наиболее значимые из них. Классификация же источников внутри видов остается насущной и не решенной к настоящему времени проблемой. М. Ф. Румянцева подчеркнула, что проблема классификации законодательных источников Нового времени внутри вида не решена. Таким образом, соответствующий раздел учебного пособия остается наиболее полной характеристикой разновидностей законодательных актов в России Нового времени [6: 266–272]. Наиболее полную характеристику разновидностей актовых источников Нового времени привела во вводной статье к публикации актов Н. В. Козлова [4], [5]. Отмечу, что материалом для классификационных построений М. Ф. Румянцевой и Н. В. Козловой в основном являются источники XVIII века и в гораздо меньшей степени источники XIX – начала XX века. Классификация источников внутри видов, а возможно, и внутри разновидностей для Нового и Новейшего времени – проблема, по-прежнему требующая своего решения.

Трудности с построением классификации историографических источников есть проекция проблем классификации источников внутри видов в источниковедении вообще. Так, в учебном пособии в качестве видов историографических источников научной истории представлены, с одной стороны, разные виды публикаций с четко проявленной видовой природой (монография, статья, диссертация и т. п.), с другой же стороны – крупные совокупности источников разных видов со слабо очерченными видовыми грани-

цами: материалы историографических дискуссий, учебная литература по истории, публикации исторических источников. Данные крупные совокупности отчасти имеют примеры классификации разновидностей источников внутри себя (что отмечено авторами), но последовательно такая детализация и углубление классификации не проводятся. Нужно отметить, что углубление и детализация классификации историографических источников в направлении: вид – разновидности внутри вида – разновидности разновидностей – разновидности разновидностей и т. п. (С. М. Каштановым опробованы и такие классификационные единицы, как подразновидности, надразновидности, поднадразновидности, что диктуется состоянием корпуса актовых источников, а также развитием и усложнением исследовательского инструментария актового источниковедения) – процесс, который не имеет конца, особенно для источников Новейшего и постновейшего времени. К примеру, в классификационную схему не вошли те историографические источники, которые доступны в сети Интернет. Но там представлены в различных форматах (наиболее распространенные .pdf или .djvu) историографические источники разных видов, опубликованные в бумажном виде в предшествующих столетиях. Видимо, при этом их целевое назначение, а значит, и видовая принадлежность не меняются; требуется фиксировать условия доступности. Но к историографическим источникам необходимо отнести и те феномены культуры / продукты / сочинения (в широком смысле слова), которые создаются исключительно в интернет-среде и существуют именно там. Например, сетевая литература и журналистика, блогосфера, сообщения различного объема, стилистики и грамотности в социальных сетях. Все эти произведения легко и доступно сопровождаются иллюстрациями и видеорядом (в настоящей дискуссии М. Ф. Румянцева ставит проблему выхода за пределы письменных исторических источников в источниковедении). В качестве иллюстраций могут выступать в том числе фрагменты историографических источников, опубликованных в бумажном виде, или до сих пор не публиковавшиеся источники. Здесь не приходится ставить задачу перечислить подобного рода феномены полностью, но их типологическая природа в источниковедении не прояснена. Среди явлений последних месяцев можно обратить внимание на историографические источники, порожденные в интернете чат-ботами с искусственным интеллектом, продукция которых на глазах становится необозримой в своем разнообразии.

Еще более разнообразны разновидности историографических источников социально ориен-

тированного историописания, порожденных на просторах интернета и бытующих исключительно там. Учебные материалы: рефераты, доступные для бесплатного и платного скачивания, конспекты лекций, ответы на экзаменационные вопросы, шпаргалки. Обилие краеведческих интернет-произведений от опубликованных в социальных сетях описаний путешествий до популярных текстов, касающихся истории тех или иных мест, населенных пунктов, природных объектов и т. д. Постоянное совершенствование технических средств позволяет сопровождать текст различным иллюстративным материалом и видео. Каково их целевое назначение? Иногда это просто желание поделиться сведениями о примечательных событиях своей жизни, иногда – просветительская по своему характеру попытка. Особо примечательны популярные тексты, которые представляют собой более или менее грамотное переложение информации, почерпнутой в научных произведениях. Видовая природа этих источников вовсе не прояснена.

Думается, что при всей неоднозначности и дискуссионности построений авторов учебного пособия в области источниковедения историографии опыт целостной характеристики корпуса историографических источников с экспликацией базовых терминов и определений позволяет охарактеризовать некоторые практики «презентации и позиционирования» исторического знания в целом или в отдельных его проявлениях.

Я попробую сформулировать некоторые положения, отчасти очевидные, но требующие их проговаривания, а отчасти – дискуссионные и потому выстроенные в достаточной степени примерно.

Для исследований в области научного исторического знания, функцию «презентации и позиционирования» которого выполняет корпус историографических источников, возможно проецировать с соответствующим масштабам объект источниковедения в целом. Если для источниковедения в целом объектом изучения постулируется *эмпирическая реальность исторического мира* (понятие, введенное О. М. Медушевской), то корпус историографических источников в сфере научного исторического знания презентует то или иное состояние исторической науки в целом в ее динамике. Более инструментальной и реализуемой на практике выглядит презентация и позиционирование отдельной *национальной историографической традиции*. Оставляю в настоящий момент попытки дать определение этому понятию, хотя оно должно будет отталкиваться от определений понятий «историческая культура» и «источниковедение историографии», сформулированных представителями Научно-педагогической школы источниковедения [16:

165, 209]. Этот подход реализован в корпусе трудов разных эпох и различных методологических платформ. Как правило, это исследования под названием «Французская историография...», «Британская историография...» и т. п. Такого рода труды могут охватывать больший или меньший хронологический промежуток, от нескольких столетий до нескольких лет. Кроме того, на заданном хронологическом промежутке исследование может быть посвящено отдельной проблеме, частному сюжету, биографии историка и пр. В совокупности эти историографические источники и дадут представление о той или иной национальной историографической традиции.

Выход на уровень более масштабных обобщений в историографии чаще всего представлен учебной литературой, где на протяжении значительного хронологического отрезка рассматриваются историографические традиции отдельных стран и регионов мира. Примером этого может служить учебное пособие «Историография истории нового времени стран Европы и Америки» (М.: Высш. шк., 1990. 512 с.) и др., например, классическое издание лекций Е. А. Косминского [11]. Но в этом ряду можно назвать монографические исследования О. Л. Вайнштейна, Б. Г. Могильницкого и многотомные труды под его редакцией.

Как правило, научная и учебная литература, в которой характеризуется развитие исторической науки регионов мира, построена по хронологически-страноведческому принципу (... в Великобритании, ... во Франции, ... в Германии, ... в США). Именно так структурирован материал в классическом учебном пособии А. Д. Люблинской [13]. В классических образцах этой группы историографических источников не ставилась специальная задача не только сравнения, но даже и сопоставления состояния той или иной национальной историографической традиции, получившей свою характеристику на страницах исследования. Отмечу это как общую особенность историографических трудов, дающих опыт масштабных обобщений состояния исторической науки. Ни в коем случае такая особенность не может быть сформулирована в качестве недостатка этих трудов.

Следующее дискуссионное положение формулируется на основе представлений о возможности компаративных исследований видов исторических источников, порожденных в рамках различных культур, чему посвящен специальный раздел учебного пособия «Источниковедение» (автор М. Ф. Румянцева) [6: 463–503].

Корпус исторических источников, презентующий ту или иную национальную историографическую традицию, может быть объектом сравнительного исследования с аналогичным

корпусом историографических источников, представленным соответствующими первому корпусу видами историографических источников. Сравнить, к примеру, «историографию Великобритании» и «российскую историографию» в этом случае рационально на уровне сравнения тех или иных видов источников. Так, большие национально-государственные нарративы, порожденные в разных национальных традициях, необходимо будет сравнивать друг с другом. Примеров таких исследований немного. Возможно, отчасти подобное сравнение представлено исследованиями М. А. Алпатова [1], [2], [3]. Один из наиболее примечательных примеров такого компаративного историографического исследования – цикл статей и монография И. Е. Рудковской, где по заданным исследователям параметрам сравнивались большие нарративы Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, С. М. Соловьева [14]. В этой связи отмечу в качестве исторического курьеза несостоявшийся опыт перевода «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина во Франции (после 1818 года). В рекламном буклете, предварявшем издание перевода и рекламировавшем издание, компаративная историография приобрела коммерческое измерение. Для того чтобы привлечь покупателей, французские издатели воспроизвели фрагмент Предисловия к «Истории» Карамзина, где он называл образцы исторических сочинений, которым нужно подражать. Среди таковых были как раз труды Д. Юма, В. Робертсона, Э. Гиббона. В рекламном буклете в этот ряд образцовых авторов-«классиков» был помещен и сам Н. М. Карамзин [7].

Более широко представлены компаративные историографические исследования, посвященные конкретной проблеме или же творчеству историков. Иногда задача сравнения историографических источников реализована наиболее системно [9], [12], [17]. Редко, но подчеркивается, что сравниваются именно историографические источники [18]. Разумеется, что приведенными примерами не исчерпывается все многообразие опытов сравнительного изучения историографических источников.

Представляется, что накопленный опыт сравнительных характеристик отдельных научных сочинений в рамках одного и того же вида историографических источников, сравнительных характеристик комплексов источников разнородной принадлежности, отложившихся в процессе деятельности разных исследователей, сравнение крупных национально-государственных нарративов и т. д. позволит перейти к сравнительным исследованиям национальных историографических традиций на широких хронологических от-

резках, целиком сопоставимых с периодами становления, развития и трансформаций отдельных национальных историографических традиций. В этом случае вполне решается задача выявления сходств и различий в их развитии, особенностей развития отдельной традиции в сравнении с другими.

Наконец, дискуссионными следует считать формулируемые ниже некоторые особенности российской национальной историографической традиции, отличающие ее, как представляется, от других национальных историографических традиций Европы. По необходимости их следует изложить максимально сжато.

Историческая наука в России формировалась с начала XVIII века вне университетской традиции в отличие от стран Западной и Центральной Европы, где возникновение университетов и формирование университетской жизни как феномена культуры предшествовало появлению исторической науки как явления Нового времени. Особенностью процесса формирования исторической науки в России следует считать и ее отдельность и дистанцию от императорской Академии наук. В. Н. Татищев создавал свой труд вне Академии. Более того, оригинальные исторические сочинения и большие национально-государственные нарративы (наиболее ярким исключением будет научная деятельность Г. Ф. Миллера) создаются не только вне Академии, но и вне университета / университетов второй половины XVIII – первой трети XIX века. Деятельность университетских профессоров М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова одновременно будет маркировать окончательное разделение истории как науки и литературы и начало периода дисциплинарного становления исторической науки. Безусловно, последним масштабным сочинением, являющимся одновременно историческим и литературным памятником, следует назвать «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина.

Историческая наука в России формировалась не только вне опыта университетской схоластики и практики научных дискуссий, но и вне устойчивой традиции непосредственного восприятия и переосмысления античной традиции, в том числе исторических сочинений античных авторов. Научные споры М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова и И. Н. Болтина, являясь исключениями, скорее подтверждают общую ситуацию.

Особенностью российской традиции историографии является ее изначальная нацеленность на выявление, собирание, коллекционирование, изучение и публикацию исторических источников (достопамятностей и диковинок прошлого любых типов и видов). Вне усвоенных

опытов рассказов о прошлом античных авторов выстроить свою историю России возможно было только путем разыскания источников, в первую очередь летописных памятников.

Публикация исторических источников, обретенных самыми разными способами, являлась неотъемлемой составной частью национальной историографической традиции с момента ее становления в России. Одним из частных проявлений необходимости разыскания источников, пригодных для составления исторических трудов, стало особое внимание к их систематизации / классификации. Самостоятельные разделы с обзором источников содержали уже «Истории» В. Н. Татищева, М. М. Щербатова. В «Истории государства Рос-

сийского» Н. М. Карамзин дал характеристики различным группам источников, которые в современном источниковедении входят в состав всех без исключения типов исторических источников, существовавших во времена историографа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высказанные соображения опираются на представления об особенностях и специфике особой категории исторических источников – историографических и бытования в науке их крупных совокупностей. Впрочем, эти соображения не претендуют на окончательность формулировок и вполне могут быть не только оспорены, но и отвергнуты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа, XII–XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.
2. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа, XVII – первая четверть XVIII в. М.: Наука, 1976. 455 с.
3. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 271 с.
4. Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., введ. ст. и коммент. Н. В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. 608 с.
5. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени / Сост., очерки и коммент. Н. В. Козловой и А. Ю. Прокофьевой. М.: Росспэн, 2015. 911 с.
6. Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков [и др.]; Отв. ред. М. Ф. Румянцева. 2-е изд., испр. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 685 с.
7. Казаков Р. Б. О восприятии «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в западноевропейской общественной мысли первой половины XIX века // Карамзинский сборник. Карамзин и карамзинизм в современном сознании: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ульяновск, 30 нояб. – 1 дек. 2015 г.). Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2016. С. 28–33.
8. Казаков Р. Б. О лекциях А. С. Лаппо-Данилевского по истории науки (1906 г.) // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ: Материалы Всерос. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 178–181.
9. Карпюк С. Г. Сопоставительная историография античности: Мозес Финли и Эмили Грейс // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах. М.: Сообрание, 2017. Т. 6. С. 463–474.
10. Каштанов С. М. Актовая археография. М.: Наука, 1998. 318 с.
11. Косминский Е. А. Историография средних веков, V в. – середина XIX в.: Лекции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 435 с.
12. Крих С. Б. М. И. Ростовцев и М. Финли: два типа ученого // История и историки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 379–399.
13. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков: Учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 374 с.
14. Рудковская И. Е. «История государства Российского» Н. М. Карамзина и структура британских и российских макроисторий позднего Просвещения. Томск: Изд-во ТГПУ, 2021. 301 с.
15. Румянцева М. Ф., Казаков Р. Б. О принципах составления списка источников и литературы в новом учебном пособии по источниковедению (2015) // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: Материалы IX Междунар. науч. семинара, Москва, 24–25 окт. 2018: В 2 ч. Минск: Центр. науч. б-ка им. Якуба Коласа НАН Беларуси; М.: Науч. изд. центр «Наука» РАН, 2018. Ч. 1. С. 440–446.
16. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
17. Тимофеев А. С. Сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии (XX – начала XXI вв.) изучения политико-юридических трактатов Дж. Фортескью (XV в.) // Запад-Восток: Науч.-практ. ежегодник. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2010. № 3. С. 71–75.
18. Швейковская Е. Н. «Методология истории» А. С. Лаппо-Данилевского и «Апология истории, или Ремесло историка» М. Блока: опыт источниковедческого сопоставления // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 29–31 янв. 1996 г. М.: РГГУ, 1996. С. 380–385.

Roman B. Kazakov, Visiting Lecturer, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation)
rkazakov@hse.ru

SOURCE STUDIES OF HISTORIOGRAPHY: SOME DEBATABLE ISSUES

Abstract. The article analyzes the basic concepts of source studies of historiography and the specific features of the classification of historiographical sources implemented by the members of the Scientific and Pedagogical School of Source Studies in the *Source Studies* textbook. The paper formulates the grounds and principles for a comparative study of national historiographical traditions with the identification of similar and distinctive features of their development, as well as the characteristic features inherent in the Russian historiographical tradition throughout its existence.

Key words: source studies, history of historical science, source studies of historiography, historiographical sources, comparative studies, Scientific and Pedagogical School of Source Studies

For citation: Kazakov, R. B. Source studies of historiography: some debatable issues. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):63–68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.870

REFERENCES

1. Alpatov, M. A. Russian historical thought and Western Europe, XII–XVII centuries. Moscow, 1973. 476 p. (In Russ.)
2. Alpatov, M. A. Russian historical thought and Western Europe, XVII century – the first quarter of the XVIII century. Moscow, 1976. 455 p. (In Russ.)
3. Alpatov, M. A. Russian historical thought and Western Europe (XVIII century – the first half of the XIX century). Moscow, 1985. 271 p. (In Russ.)
4. Town family of the XVIII century. Family legal acts of Moscow merchants and raznochintsy. (N. V. Kozlova, Ed.). Moscow, 2002. 608 p. (In Russ.)
5. The Moscow nobility: wedding acts and spiritual testaments of the time of Peter the Great (N. V. Kozlova, A. Yu. Prokofyeva, Eds.). Moscow, 2015. 911 p. (In Russ.)
6. Source studies: Textbook. I. N. Danilevsky, D. A. Dobrovolsky, R. B. Kazakov et al. (M. F. Rumyantseva, Ed.). Moscow, 2019. 685 p. (In Russ.)
7. Kazakov, R. B. Perception of Nikolay Karamzin's History of Russian State in Western European social thought during the first half of the XIX century. *Karamzin collection. Karamzin and Karamzinism in modern consciousness: Proceedings of the all-Russian research and practice conference (Ulyanovsk, November 30 – December 1, 2015)*. Ulyanovsk, 2016. P. 28–33. (In Russ.)
8. Kazakov, R. B. Lectures of A. S. Lappo-Danilevsky on the history of science (1906). *Historical science and education in Russia and the West: the fate of historians and scientific schools: Proceedings of the all-Russian research conference*. Moscow, 2012. P. 178–181. (In Russ.)
9. Karpyuk, S. G. Comparative historiography of antiquity: Moses Finley and Emily Grace. *Scripta antiqua. Issues of ancient history, philology, art, and material culture: Almanac*. Moscow, 2017. Vol. 6. P. 463–474. (In Russ.)
10. Kashтанov, S. M. Archaeography of acts. Moscow, 1998. 318 p. (In Russ.)
11. Kosminsky, E. A. Historiography of the Middle Ages from the V to the mid-XIX centuries: Lectures. Moscow, 1963. 435 p. (In Russ.)
12. Krikh, S. B. M. I. Rostovtsev and M. Finley: types of scientists. *History and historians in the past and today*. (L. P. Repina, Ed.). Moscow, 2013. P. 379–399. (In Russ.)
13. Lyublinskaya, A. D. Source studies of the medieval history: Textbook. Leningrad, 1955. 374 p. (In Russ.)
14. Rudkovskaya, I. E. Nikolay Karamzin's *History of Russian State* and the structure of British and Russian macrohistories of the late Enlightenment period. Tomsk, 2021. 301 p. (In Russ.)
15. Rumyantseva, M. F., Kazakov R. B. Some principles of compiling a list of sources and references in a new textbook on source studies (2015). *Modern issues of book culture: main trends and development prospects: Materials of the IX international research seminar, Moscow, October 24–25, 2018: In 2 vols*. Minsk; Moscow, 2018. Part 1. P. 440–446. (In Russ.)
16. Theory and methodology of historical science: Terminological dictionary (A. O. Chubaryan, L. P. Repina, Eds.). Moscow, 2016. 543 p. (In Russ.)
17. Timofeev, A. S. Comparative analysis of domestic and foreign historiography (XX – early XXI centuries) of the study of political and legal treatises by J. Fortescue (XV century). *West-East: Annual journal of research and practice*. 2010;3:71–75. (In Russ.)
18. Shveikovskaya, E. N. *Methodology of History* by A. S. Lappo-Danilevsky and *Apology of History, or the Historian's Craft* by M. Bloch: the experience of source study comparison. *Source studies and comparative method in humanitarian knowledge: Abstracts of the research conference reports*. Moscow, 29–31 January, 1996. Moscow, 1996. P. 380–385. (In Russ.)

Received: 9 January, 2023; accepted: 31 January, 2023

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

О НАУЧНОЙ ШКОЛЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ: ИНОЙ ВЗГЛЯД

А н н о т а ц и я . Автор осуществляет деконструкцию конституирования научной школы источниковедения в текстах М. Ф. Румянцевой, показывая, как интерналистский подход к рассмотрению научного познания определяет этот процесс. Применение типологий, обобщающих «существенные» характеристики изменения научной рациональности, позволяет ей поместить школу в мейнстрим развития исторической эпистемологии за последнее столетие. При этом применяемый ею классификационный метод не добавляет нового знания о феномене научной школы, а только приводит к его переименованию с использованием имени класса, к которому относится этот феномен. Соответственно, неизменным оказывается основополагающий элемент школы, так как объект источниковедения является открытым уже в исходной точке. Игнорирование экстерналистского подхода позволяет М. Ф. Румянцевой обойти такие неудобные для нее, но важные проблемы, как специфика гуманитарного, включая историческое, знания; прагматическая обусловленность деятельности исследователя; изменение роли теории в исследовательской деятельности; значение внеисточникового знания в изучении прошлого; историзация не только деятелей прошлого, но и познающего его субъекта. Учет их позволил бы избежать абсолютизации истинности основополагающего представления научной школы об объекте источниковедения, которое требует конкретизации, а следовательно, и релятивизации.

Ключевые слова: интернализм и экстернализм в науковедении, постмодернизм, источниковедение, историография, А. С. Лаппо-Данилевский, О. М. Медушевская

Д л я ц и т и р о в а н и я : Антощенко А. В. О научной школе источниковедения: иной взгляд // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871

ВВЕДЕНИЕ

Научные школы создают учителя, а исторически их конструируют ученики. Это положение наглядно подтверждается рядом публикаций М. Ф. Румянцевой, одной из последних в ряду которых является ее статья о О. М. Медушевской, опубликованная на страницах научного журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» [23]¹. Используя их в качестве историографических источников, я намереваюсь провести деконструкцию, нацеленную на выявление применяемых М. Ф. Румянцевой принципов конституирования школы, оценку значения предлагаемого объекта источниковедения применительно к предметному полю историографии и критический разбор недостатков таких построений.

ИНТЕРНАЛИЗМ VS ЭКСТЕРНАЛИЗМ

Судя по характеру аргументации, М. Ф. Румянцева следует в русле интерналистского подхо-

да к рассмотрению развития научного познания, к которому она относит и исторические исследования. Поэтому главное внимание она сосредотачивает на формировании и развитии идейных оснований школы, выразившихся в определении и разработке объекта изучения, приводящих в перспективе изменения научной рациональности к утверждению об исключительности источниковедения в деле преодоления «кризиса постмодернизма»² при переходе от неклассического и постнеклассического типов научной рациональности к неоклассическому ее типу. Такая типологическая интерпретация, основанная на обобщенном рассмотрении тенденций развития научного познания, позволяет ей вписать школу-направление (объединение этих понятий представляется несколько странным, если учитывать игнорируемый М. Ф. Румянцевой экстерналистский подход к схолярным штудиям³, в которых школа рассматривается также и как социальный институт) в его мейнстрим.

Контекстом при интерпретации типичных тенденций изменения научного исторического познания признаются положения, разработанные применительно к научному познанию в целом В. С. Стёпиным [26] и конкретизированные применительно к исторической науке А. В. Лубским [12], [13]. Правда, М. Ф. Румянцева несколько модифицирует их, указывая как на реперную точку формирования неклассического рационализма, на возникновение феноменологии, что вносит диссонанс в стройную последовательность построений ее предшественников⁴. Необоснованным сразу же становится отнесение постнеклассического рационализма к концу XX века⁵. К этому недостатку следует добавить сознательное игнорирование проблемы своеобразия исторического (и гуманитарного в целом) познания, заостренной неокантианцами, которая, возможно, «снимается» (в гегельянском смысле) «русским неокантианством»⁶. Главное же – вне поля зрения М. Ф. Румянцевой, впрочем, как и А. В. Лубского, остается проблема значения теоретического знания в объяснении исторических событий и процессов, также заостренная неокантианцами и приобретающая новое решение в методологии «идеальных типов» в «понимающей социологии» М. Вебера [20]. Теоретические обобщения, превратившись из итога исследовательской деятельности в ее предпосылку, изменили и характер познавательного процесса, нацеленного теперь не на верификацию теории, а на ее фальсификацию (не в обыденном, а в философском (эпистемологическом) смысле, как способа установления границ действительности теоретических положений той или иной концепции, если говорить об истории, а в перспективе – к прояснению социокультурных, а следовательно, исторических предпосылок познания, что требует также экстерналистского подхода к его изучению)⁷.

Другим способом включения школы-направления в «мировой поток» исторической познавательной деятельности можно назвать дополнение указанной выше типологии еще одной, характеризующейся как «смена словарей исторической науки» [22: 44], предложенной одним из ведущих современных эпистемологов исторического познания, голландским философом Ф. Р. Анкерсмитом. Этот способ также можно интерпретировать как служащий той же цели повышения статуса этой школы-направления путем помещения ее в мейнстрим. При этом М. Ф. Румянцева не учитывает в полной мере смещение акцента в исследованиях Ф. Р. Анкерсмита с формальной стороны исторического познания, выражающейся в использовании метафоры как главного средства понимания / объяснения прошлого [4] и ее

«падения» в этом качестве [3], на эмоционально-содержательную – «возвышенный исторический опыт» [2], позволяющий отойти от эстетических принципов оценки исторических нарративов и уловить их качественные характеристики, связанные с эмоциональной эффективностью, а не полнотой исторического познания.

Возвращаясь к мысли о преимущественно интерналистском рассмотрении формирования и оценки роли школы-направления, замечу, что такой подход отодвигает на второй план, а нередко ведет к игнорированию экстернализма. Применительно к источниковедению это выражается в игнорировании роли «внеисточникового знания» [5], которую «подбросил» советским коллегам их польский собрат Е. Топольский [27], более свободный в своем отношении к незыблемым основаниям марксизма-ленинизма, впрочем, как и эстонские философы (Э. Н. Лооне, А. А. Порк), уже с 1970-х годов параллельно с Тартуско-московской семиотической школой начинавшие свои эпистемологические изыскания, демонстрировавшие хорошее знание «западных», «буржуазных» теоретических наработок, которые они вынуждены были, хотя и неохотно, судя по стилистике их публикаций, разоблачать. Данное указание свидетельствует, что не только, и даже не столько, московские источниковеды были «внутренними эмигрантами», расшатывавшими догматический марксизм в области эпистемологии исторического знания⁸.

По справедливому замечанию М. П. Лаптевой:

«Внеисточниковое знание не содержится непосредственно в исторических источниках, это призма, через которую историк смотрит на исторические источники и информацию, в них заключенную. Внеисточниковое знание направляет мышление историков при интерпретации источников. Оно предполагает умение ставить новые вопросы. Это умение зависит от методологической подготовки историка, оно позволяет открывать в прошлом новые, неизвестные ранее ракурсы и пласты» [9: 14].

Отсутствие рефлексии о роли этого типа исторического знания может привести к принятию за данность «системы источников», формировавшейся в прошлом, хотя система эта складывалась для удовлетворения совершенно отличных от исследовательских целей историка потребностей. Указание на имманентный характер этой системы не снимает проблемы расхождения целей исследователя и людей прошлого: следует просто признать, что система эта вносится в прошлое исследователем, а утверждение имманентности – дань эссенциализму.

Порождает сомнение в эффективности и возвращение к эмпиризму исторического познания посредством изучения исключительно источни-

ков, предполагаемому таким «универсальным понятием», как «эмпирическая реальность исторического мира». Замечу в этой связи, что мне не встречалось в статьях М. Ф. Румянцевой упоминание о прагматической концепции исторической истины, предполагающей учет условий исследовательской деятельности и корректировки задач исследования в соответствии с ними (и их изменением).

О ПРИЧИНАХ ДРОБЛЕНИЯ ИСТОРИИ И СТРОГОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Одна из существенных озабоченностей М. Ф. Румянцевой – дробление истории, ставшее результатом утраты доверия к «гранд-нарративам» и ведущее, как она утверждает, к «войнам нарративов». В развитие этих положений, во-первых, замечу, что мне ближе постмодернистские установки на перенесение противоборства людей из фактической реальности в область дискурсивных практик, которое (противоборство) к тому же снимается тропом «ирония», ставящим под сомнение кажущееся превосходство одних над другими в этой, условно говоря, «борьбе» (споре, дискуссии). Во-вторых, мне известно о философском понятии «комплементарность», которое допускает различное видение одних и тех же феноменов и возможность дискуссионного обсуждения различий точек зрения, приводящего как к разностороннему восприятию этих феноменов, так и корректировке собственной позиции, порой не совсем выгодной для их лучшего рассмотрения, на что могут указать оппоненты.

Кстати говоря, на мой взгляд, источниковедение вносит свой вклад в отмеченное дробление. Признание того, что исторический метод, опирающийся на определенные теоретические представления (иначе говоря – «внеисточниковое знание»), должен также учитывать видовую специфику источников, может привести к отмеченному выше осложнению. Происходит это тогда, когда источниковедческие методики, разрабатываемые с учетом видовой специфики источников, начинают претендовать на возведение в ранг метода (например, «визуальный поворот» и «материальный поворот»). Сформулирую это метафорически (по-постмодернистски): в соответствии с «инструментарием» и «методом возделывания», учитывающим специфику «источника-почвы», оформляется «делянка» на «предметном поле» истории, что и приводит к дроблению или фрагментации, поскольку другие «земли» с иным «баналитетом» и, соответственно, «инструментарием» и «способами обработки» возделываются по-другому. В результате получается,

что во избежание дробления следует отказаться либо от деления источников на виды, либо от признания необходимости считаться с источниками при формировании исследовательского метода.

Исходя из «воинственной» терминологии дискурса М. Ф. Румянцевой, мне вполне понятны ее экспансионистские устремления, как представительницы научной школы источниковедения, на поле историографии путем предложения и предварительной разработки понятия «источниковедение историографии». Н. Н. Алеврас уже указала на некоторые недочеты такого стремления и возможность своеобразного «отпора» в виде «историографии источниковедения» [1]. Прежде чем развить ее положения в позитивном, но критическом ключе, я хотел бы остановиться на предложенной М. Ф. Румянцевой классификации историографических источников. Воспользовавшись ее «феноменологическим принципом» с опорой на целеполагание применительно к написанному ею в соавторстве с Р. Б. Казаковым разделу⁹, я бы определил результат их усилий как классификацию для классификации, так как в ней нет иерархии значения определенных видов источников для исследовательских целей. Получается, что все «рядоположенные» источники одинаково значимы для решения *любой* исследовательской задачи в историографической работе. Вряд ли с таким результатом (очевидно, достигнутым с учетом их целеполагания) согласились бы и те, кто таким образом «рядоположен» (феноменологически?): все же, скажем, С. М. Соловьев создавал свою двадцатитомную «Историю России», стремясь превзойти «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина не только количеством томов, очевидно, игнорируя подобную попытку Н. А. Полевого, сумевшего выпустить лишь три тома из задуманных двенадцати и подготовленных шести «Истории русского народа» (ср.: [28: 91]).

Предложенная и исправленная видовая классификация историографических источников может быть хороша для пропедевтических курсов наподобие Введения в историю или Основ методики исследовательской деятельности, но у специалистов-историографов она вызовет, мне кажется, много вопросов как относительно когерентности, так и значения таким образом классифицированных источников. Сразу же бросается в глаза некорректность отнесения к видовым родового понятия «научное исследование», видом которого будет и монография, и статья, и т. д. Предлагаемое понятие «научного исследования» интерпретировано произвольно: думаю, что многие не согласятся назвать «научным» исследование, в котором, как допускает М. Ф. Ру-

мянцева, нет системности представления результатов изучения материалов.

Далее позволю себе постмодернистскую иронию, предлагая иные, не соответствующие предполагаемым авторами учебного пособия целеполагания (порой латентные, а потому, скорее, интенции, которые нужно выявить), выразившиеся в видах историографических источников: диссертация и автореферат – исторически формирующиеся виды произведений в рамках складывания научного сообщества для утверждения нормативности требований к качеству исследования и формализации иерархии научных степеней, открывающей возможности совершенства научной карьеры, что предполагает рассмотрение науки как социального института, то есть экстерналистский подход, в очередной раз проигнорированный М. Ф. Румянцевой¹⁰. Научная статья – произведение, помещаемое в журнал из наукометрической базы (одно время особенно важными были Web of Science / Scopus) для повышения собственного индекса Хирша и, хотелось бы, но не всегда получается, прибавки к жалованию; а с другой стороны – выражение готовности принять правила поведения, навязываемые чиновниками Министерства науки и высшего образования (все же в дискуссиях о наукометрии по-прежнему высказывается мнение, что форма представления результатов исследования для гуманитариев – книга, а не статья). Рецензия и отзыв – средство прояснения имплицитно присутствующих в сообществе ученых квалификационных норм научной деятельности. Доклад и тезисы конференции – реализация желания заявить *Urbi et orbi* о сделанных открытиях и достижениях (возможно, мнимых), которое с годами вполне может улечься в результате понимания, что конференции – это нередко «тусовки», проводимые для «своих» или для галочки в отчетности, а сборники тезисов конференций еще хуже «братских могил» сборников статей. И т. д. и т. п.

В данном случае я бы согласился с Л. Н. Пушкарёвым, предлагавшим строить классификацию историографических источников инструментально, то есть исходя из определяемых историографом целей исследования [17: 102].

Позитивным моментом в типологизации историографических источников является обращение к социальным функциям исторического знания. Правда, ограничивается внимание к ним только сферой социально ориентированного историописания нарративов, что вполне объяснимо исто-

риографически. Противоположность научных исследований и исторических повествований доказывалась в монографии М. Ф. Румянцевой и С. И. Маловичко [15], основанной на материалах, относящихся к периоду конституирования научности исторического познания, когда претендующие на неуклонное следование вырабатываемым строгим канонам научности исследователи проводили демаркационную линию между собой и теми, кого они стремились устранить из круга формирующегося и постепенно институализирующегося сообщества историков-профессионалов. Однако это не означает, что такое противопоставление можно и нужно возвести в ранг вневременности. К тому же существует традиция не противопоставления, а, напротив, объединения их воедино. Наиболее полно она представлена П. Рикёром, который выделил три диалектически взаимосвязанных «фазы», «стадии» или «уровня» историографического процесса: документальное доказательство – объяснение / понимание – репрезентация в форме повествования [19: 203–398]¹¹. Противопоставление и разрыв фаз «документирования» и «репрезентирования» ведут к нарушению когерентности, за которую все же ратует М. Ф. Румянцев. Так как для «ученых историков», с ее точки зрения, неприемлемы социально ориентированные нарративы, получается, с одной стороны, что исследователи исключаются из социума, а с другой – результаты их деятельности не имеют социального значения. В данном случае мне ближе П. Рикёр, признававший возможность для историка быть еще и гражданином.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории (как в ушедшем прошлом, так и в воспроизведении его в форме нарратива) возможны разные точки зрения на тот или иной возникающий и изменяющийся во времени феномен. Мы можем участвовать в его формировании и изменении (и сохранении) и как деятели в прошлом, и как исследователи в настоящем. Но и в том, и в другом случае нужно четко осознавать меняющуюся во времени обусловленность нашей деятельности и изменение этих условий под нашим влиянием, то есть понимать, что истина всегда конкретна и исторична. А это требует от нас при изучении научного познания следовать не только интерналистским, но и экстерналистским принципам его изучения, а значит, не нужно стремиться абсолютизировать истину ни под каким именем, даже если имя это очень дорого вам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. с ее более ранними публикациями: [21], [22], [24], [25].

² Очевидно, что о «кризисе постмодернизма» пишут те, кто с испугом относится к разоблачительной критике его протагонистов. Раскрывая механизмы манипулирования, сторонники постмодернистских методик де-

- конструкции почему-то призваны отвечать за результаты манипуляционных действий. Хотя сегодня отка(т/з) от многих постмодернистских постулатов явно заметен.
- ³ Подробный историографический обзор изучения проблематики научных исторических школ см.: [8].
- ⁴ Понимание смысла феноменологического подхода к источниковедению и, соответственно, определение его значения М. Ф. Румянцевой не прояснено в известных мне ее работах. Стиль аргументации позволяет предположить, что акцент делается на беспредпосылочном характере исторического познания, но это – лишь моя догадка.
- ⁵ Очевидно, что здесь сказывается различие подходов А. В. Лубского и М. Ф. Румянцевой к определению границ отдельных периодов научной рациональности. Первый в духе постструктуралистского видения процессов познания намечает границу там, где начинается «поломка структур», скреплявших уходящую в прошлое систему. Вторая накладывает систему представлений о периоде на конкретный материал, чтобы определить тот, который под нее подходит, а значит, «верифицирует» эту систему представлений. В результате получается даже не «коллаж», о котором она упоминает как о распространенном стиле культурной («творческой») деятельности, а «бриколлаж» («я его слепила из того, что было...»). Ср.: [7: 456–458], [10: 126–130]), но не осознанный.
- ⁶ Признание стремления к объективизму в качестве «русскости» неокантианства может трактоваться иначе, чем это предлагается М. Ф. Румянцевой [24]. В известной мне исследовательской литературе есть несколько расхождений с ее интерпретацией указания на сохранение позитивистского «шлейфа» в типологическом методе А. С. Лаппо-Данилевского [18] и на своеобразии адаптации им идей В. Вундта [6], а не А. И. Введенского.
- ⁷ Данная тенденция очень убедительно прослеживается А. М. Перловым в его лекционном курсе [16: 130–134].
- ⁸ Помню, меня поразило когда-то (в 1986 году, когда о «похоронах марксизма» в СССР еще и не помышляли) по сути антимарксистское высказывание Э. Н. Лооне: «Утверждения о классовой природе учений не являются *argumentum ad hominem* при решении гносеологических вопросов, не доказывают или опровергают правильности и адекватности учения, но могут вполне объяснить степень его популярности» [11: 24]. Применительно к М. Ф. Румянцевой можно сослаться на еще одно его высказывание из той же статьи: «Распространенные методологические учения могут поддерживать свое собственное существование. Когда познание профессионализируется, а обучение познавательной деятельности институализируется, то возникает ситуация, когда налицо имеются компетентные исследователи (например, представители Научно-педагогической школы источниковедения. – А. А.), обученные только в пределах одной методологической концепции (“парадигмы”), а все остальные концепции представлены лишь гипотетически, но не образцами исследования. Философам, исследующим опыт таких ученых, легко попасть во власть заблуждения абсолютизации» [11: 24–25]. Наконец, в соответствии с основной идеей статьи принцип обращения М. Ф. Румянцевой с двумя вышеназванными типологиями можно назвать классификационным, который не вносит ничего нового в понимание изучаемого феномена, предлагая лишь его переименование.
- ⁹ Похожие, а временами дословно совпадающие формулировки я обнаружил и у другого соавтора М. Ф. Румянцевой – С. И. Маловичко [14].
- ¹⁰ Ироничный В. О. Ключевский как-то заметил: «Ученые диссертации, имеющие двух оппонентов и ни одного читателя». *Prima facie* может показаться, что это высказывание в пользу точки зрения М. Ф. Румянцевой, но на то она и «ирония», троп, столь любимый Х. Уайтом, чтобы отрицать на уровне смысла то, что выражено буквально. В. О. Ключевский сетовал на потерю социального значения истории в результате превращения ее (здесь можно перефразировать хорошо ему знакомое выражение «искусство для искусства») в науку для науки.
- ¹¹ Обоснование единства письмом должно быть особенно убедительно для М. Ф. Румянцевой, акцентирующей внимание именно на письменных источниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеврас Н. Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 11. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2017. С. 100–121.
2. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
3. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология. Взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-традиция, 2003. 496 с.
4. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-пресс, 2003. 360 с.
5. Боровкова О. В. Исторический источник и внеисточниковое знание в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 39–44. DOI: 10.17223/15617793/390/7
6. Вальц М. П. «Логика» В. Вундта в концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 124–137.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. 479 с.
8. Корзун В. П., Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Vol. 6, No 1. P. 158–201.
9. Лаптева М. П. Теория и методология истории: Курс лекций. Пермь, 2006. 254 с.
10. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 382 с.

11. Лооне Э. Н. Классическая концепция понимания в детерминации методологии историографии // Ученые записки Тартуского университета. 1986. Вып. 731. С. 3–28.
12. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 349 с.
13. Лубский А. В. Образы историков в интеллектуальном интерьере российской исторической науки fin de siècle // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 11. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2017. С. 158–189.
14. Маловичко С. И. Проблема классификации источников в проблемном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36–44.
15. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 252 с.
16. Перлов А. М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания. М.: Изд. центр РГГУ, 2007. 310 с.
17. Пушкарев Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102–103.
18. Рамазанов С. П. Гносеологический и социальный контексты неокантианского дискурса А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 28–37.
19. Рикёр П. Память. История. Забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
20. Ростиславлева Н. В. Концепция «идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. 2015. № 9. С. 122–129.
21. Румянцева М. Ф. Историческая память и презентация истории (неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки) // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М.: Аквилон, 2017. С. 18–48.
22. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 44–51.
23. Румянцева М. Ф. Концепция когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской: итоги / перспективы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 6. С. 60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808
24. Румянцева М. Ф. Развитие методологической концепции А. С. Лаппо-Данилевского в XX – начале XXI века: от гуманитаристики к социальным наукам // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (5). С. 154–179.
25. Румянцева М. Ф. Феноменология vs неокантианство в концепции А. С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 7–16.
26. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
27. Топольский Е. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы филологии. 1973. № 5. С. 76–82.
28. Antoshchenko A. V. Russia // Atlas of European historiography. The making of a profession 1800–2005. Palgrave MacMillan, 2010. P. 87–92.

Поступила в редакцию 29.12.2022; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Aleksandr V. Antoshchenko, Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2366-3750; antoshchenko@yandex.ru

SCIENTIFIC SCHOOL OF HISTORICAL SOURCE STUDIES: AN ALTERNATIVE VIEW

Abstract. The author deconstructs the constituting of the scientific school of source studies in the texts of M. F. Romyantseva, showing how the internalist approach to the study of scientific cognition determines this process. The use of typologies that summarize the “essential” characteristics of the change in scientific rationality allows M. F. Romyantseva to place this school within the “mainstream” of the historical epistemology development over the past century. At the same time, the classification method she uses does not add any new knowledge about the scientific school phenomenon, but only leads to its renaming using the name of the class to which this phenomenon belongs. Accordingly, the basic element of the school remains unchanged, since the object of source studies becomes defined at the starting point. Ignoring the externalist approach allows M. F. Romyantseva to bypass such inconvenient but important problems as the specifics of humanitarian knowledge (including the historical one); pragmatic conditionality of the researcher’s activity; changing the role of theory in research; the value of non-source knowledge in the study of the past; historicization of both the actors of the past and those who explore it. Taking those problems into account would make it possible to avoid the absolutization of the truth of the fundamental idea of the scientific school about the object of source studies, which requires concretization and, therefore, relativization.

Key words: internalism and externalism in science studies, postmodernism, historical source studies, historiography, A. S. Lappo-Danilevsky, O. M. Medushevskaya

For citation: Antoshchenko, A. V. Scientific school of historical source studies: an alternative view. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):69–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.871

REFERENCES

1. Alebras, N. N. The chronology of historiography and historiographical source in the context of the source study paradigm as a reason for historiographical notes and reflections. *The world of the historian: historiographical collection*. Issue 11. Omsk, 2017. P. 100–121. (In Russ.)
2. Ankersmit, F. R. Sublime historical experience. Moscow, 2007. 612 p. (In Russ.)
3. Ankersmit, F. R. History and tropology. The rise and fall of metaphor. Moscow, 2003. 496 p. (In Russ.)
4. Ankersmit, F. R. Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language. Moscow, 2003. 360 p. (In Russ.)
5. Borovkova, O. V. Historical source and secondary knowledge in historical science. *Tomsk State University Journal*. 2015;390:39–44. DOI: 10.17223/15617793/390/7 (In Russ.)
6. Walz, M. P. The “Logic” by W. Wundt and the theory of A. S. Lappo-Danilevsky. *Dialogue with Time*. 2014;48:124–137. (In Russ.)
7. Derrida, J. Writing and difference. Moscow, 2007. 479 p. (In Russ.)
8. Korzun, V. P., Myagkov, G. P. Schools in Russian historiography (a historiographic reflection of scholarship in recent decades). *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2013;6(1):158–201. (In Russ.)
9. Lapteva, M. P. Theory and methodology of history. Lecture course. Perm, 2006. 254 p. (In Russ.)
10. Levi-Strauss, C. Primitive thinking. Moscow, 1994. 382 p. (In Russ.)
11. Loone, E. N. The classical concept of understanding in the determination of the methodology of historiography. *Proceedings of the University of Tartu*. 1986;731:3–28. (In Russ.)
12. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 349 p. (In Russ.)
13. Lubsky, A. V. Images of historians in the intellectual interior of Russian historical science fin de siècle. *The world of the historian: historiographical collection*. Issue 11. Omsk, 2017. P. 158–189. (In Russ.)
14. Malovichko, S. I. The problem of classifying sources in the subject field of historiographic source study. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2015;2:36–44. (In Russ.)
15. Malovichko, S. I., Rumyantseva, M. F. History as a rigorous science vs socially oriented historical writing. Orekhovo-Zuevo, 2013. 252 p. (In Russ.)
16. Perlov, A. M. History of science: an introduction to the methodology of humanitarian knowledge. Moscow, 2007. 310 p. (In Russ.)
17. Pushkarev, L. N. Definition, optimization, and use of historiographical sources. *Methodological and theoretical problems of the history of historical science*. Kalinin, 1980. P. 102–103. (In Russ.)
18. Ramazanov, S. P. Gnoseological and social contexts of the neo-Kantian discourse of A. S. Lappo-Danilevsky. *Dialogue with Time*. 2014;46:28–37. (In Russ.)
19. Ricoeur, P. Memory. History. Oblivion. Moscow, 2004. 728 p. (In Russ.)
20. Rostislavleva, N. V. Concept of “ideal types” of Max Weber as the multidisciplinary project. *RSUH/ RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. 2015;9:122–129. (In Russ.)
21. Rumyantseva, M. F. Historical memory and presentation of history (neoclassical vs classical – non-classical – post-non-classical models of historical science). *Event in history, memory, and identity narratives*. Moscow, 2017. P. 18–48. (In Russ.)
22. Rumyantseva, M. F. The source study in the structure of historical knowledge: the neoclassical model of science. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;5(166):44–51. (In Russ.)
23. Rumyantseva, M. F. Olga Mikhailovna Medushevskaya's concept of cognitive history: results / prospects. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(6):60–66. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.808 (In Russ.)
24. Rumyantseva, M. F. Development of A. S. Lappo-Danilevsky's methodological conception in XX – early XXI century: from humanities to social sciences. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019;22(5):154–179. (In Russ.)
25. Rumyantseva, M. F. Phenomenology vs neo-Kantianism in A. S. Lappo-Danilevsky's theory. *Dialogue with Time*. 2014;46:7–16. (In Russ.)
26. Stepin, V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for distinguishing. *Post-non-classics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg, 2009. P. 249–295. (In Russ.)
27. Topolski, J. The role of non-source knowledge in historical research. *Questions of Philosophy*. 1973;5:76–82. (In Russ.)
28. Antoshchenko, A. V. Russia. *Atlas of European historiography. The making of a profession 1800–2005*. Palgrave MacMillan, 2010. P. 87–92.

Received: 29 December, 2022; accepted: 31 January, 2023

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАМЕНЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ev.kamenev@yandex.ru

ПОСТИЖЕНИЕ ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А н н о т а ц и я . В статье ставится под сомнение тезис о преодолении парадигмы постмодерна. Утверждается, что идеи и исследовательские подходы, которые были предложены классиками постмодерна, останутся в качестве элемента теоретико-методологической базы гуманитарных наук и будут сосуществовать наряду с другими концепциями. Это, в свою очередь, актуализирует такие вопросы, как структурированность объекта исследования в исторической науке, статус научности историописания и применение постструктуралистских методик работы с текстом в исторических исследованиях. Показано, что в рамках постмодернистской парадигмы осмысленность и структурированность исторического события понимаются как воздействие языковых структур на хаотический поток информации. Практика историописания лишается статуса научности и сближается с литературой, поскольку в процессе исторического доказательства главную роль играют не столько логические, сколько языковые и литературные приемы, благодаря которым создается иллюзия соответствия описываемых событий исторической реальности. Поэтому в историографии логично использовать исследовательские приемы и методы постструктуралистского литературоведения. Но если в постструктуралистском текстовом анализе предполагается анализ путей смыслообразования как таковых, всех потенциально возможных выходов из произведения в интертекстуальное пространство, то в историографии демонстрация открытости текста сама по себе смысла не имеет. Нужно избежать этой множественности, которая, несомненно, имеет литературоведческий, но не историографический смысл. Все это, в свою очередь, ставит задачу выявления определенного набора культурных кодов, в рамках которых актуализировались вторичные смыслы исторического произведения в конкретный период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : постмодерн, постструктурализм, историческая наука, историография, источниковедение, текстовый анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каменев Е. В. Постигание прошлого в контексте современной исторической культуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.872

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе мы рассмотрим с постструктуралистских позиций проблемы, поднятые М. Ф. Румянцевой в статье «Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии» [16]. Наши тезисы не являются критикой концепции, развиваемой автором, правильнее говорить о комментариях к ней. Мы выделили ряд вопросов, которые, как представляется, логично рассмотреть в контексте настоящей дискуссии и которые в целом соответствуют проблемам, поставленным в исследовании М. Ф. Румянцевой.

ПРЕОДОЛЕНА ЛИ ПАРАДИГМА ПОСТМОДЕРНА?

В последнее время все чаще говорится, что современное состояние исторического

знания характеризуется преодолением парадигмы постмодерна¹, что предполагает отказ от имеющейся интеллектуальной традиции и появление новой. На наш взгляд, новая культурная ситуация, если таковая и сформировалась, в полном объеме еще не осмыслена. Многочисленные концепции постпостмодерна, такие как альтермодерн (Николя Буррио), автомодерн (Роберт Сэмюэлс), диджимодерн (Алан Кирби), метамодерн (Робин ван ден Аккер, Тимотеус Вермюлен), гипермодерн (Жиль Липовецкий), представляют собой манифестацию и попытки теоретического осмысления новой культурной ситуации. Все эти концепции пока не могут претендовать на ту завершенность и фундированность, которая характерна для постмодерна.

Заявления о смерти постмодерна появились еще в 1990-е годы, то есть эрозия этой парадигмы идет уже не одно десятилетие. Несмотря на это, постмодерн до сих пор существует и, как представляется, развивается. Поэтому правильнее говорить скорее о появлении на фоне постмодерна новых культурных трендов и одновременном существовании разных парадигм.

Благодаря развитию современных технологий, и прежде всего интернета, постмодернистские феномены смерти автора и языкового конструирования реальности получили дополнительную энергию к существованию. Количество симулякров сейчас в разы превышает то, которое было во время Жана Бодрийера. Характеризуя феномены симуляции и гиперреальности, философ писал о «растворении телевидения в жизни, растворении жизни в телевидении» [7: 48]. Сейчас можно говорить о том, что интернет перевел на новый уровень то, что ранее делало телевидение. Поток информации стал настолько мощным, цифровые средства конструирования мира настолько совершенными, что отличить реальность от знака реальности уже невозможно. Это чисто постмодернистская ситуация.

Благодаря современным технологиям развитие получил и постмодернистский феномен смерти автора. Культура написания уникальных текстов «с чистого листа» уходит в прошлое. Основная масса текстов соткана из цитат, преднамеренных отсылок к другим произведениям и представляет собой обрывки «уже где-то прочитанного», «уже где-то услышанного». Один и тот же нарратив сейчас распространяется многочисленными самыми разными источниками информации, при этом найти его первоисточник, верифицировать информацию, содержащуюся в нем, сложно, а иногда вообще невозможно. Говорит не столько конкретный человек, сколько та культура, к которой он принадлежит, что, в свою очередь, ставит проблему деконструкции текстов. Все это соответствует идеям Жака Деррида и Ролана Барта в постструктуралистский период его творчества. Речь в данном случае идет не о науке, а о массовой культуре, но, поскольку в фокусе внимания гуманитаристики находятся как раз тексты культуры, к этим тенденциям нужно отнестись внимательно.

В любом случае, преодолена постмодернистская парадигма или нет, сам по себе постмодернистский нарратив, думается, никуда не исчезнет. Те идеи и исследовательские подходы, которые были предложены классиками постмодерна, останутся в качестве элемента теоретико-методологической базы гуманитарных наук

и будут сосуществовать наряду с другими концепциями.

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРИРОВАННОСТИ ОБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Позитивистская историография исходит из тезиса о постижении объективной реальности прошлого и принципиальной возможности воссоздать его так, как было «на самом деле». Интеллектуальная традиция, берущая свое начало с семиотического вызова и лингвистического поворота, сконцентрированная вокруг проблемы объективного существования реальности, роли языка и, шире, знаковых систем, в ее конструировании, ставит под сомнение возможность объективной реконструкции прошлого. Логика исследователей при этом такова. Реальность прошлого историку в ее непосредственном наблюдении недоступна. Между историком и прошлым находится посредник в виде естественного языка. Традиционно считалось, что язык является лишь инструментом описания реальности, не приносящим в мир ничего принципиально нового и уж тем более не конструирующим его. Однако сама по себе реальность представляет собой хаотический поток неструктурированной и неинтерпретированной, то есть не наделенной смыслом информации.

Для того чтобы реальность была осмыслена и организована в причинно-следственный ряд, она должна быть инкорпорирована в какую-то знаковую систему, прежде всего выражена на уровне естественного языка в рамках определенного дискурса. Сам факт пересказа события, то есть превращение реальности в текст, привносит в описываемое событие структуру, которая самому этому событию несвойственна. Этот феномен был отмечен еще в рамках структуралистской концепции:

«Превращение события в текст, – писал Ю. М. Лотман, – прежде всего, означает пересказ его в системе того или иного языка, то есть подчинение его определенной заранее данной структурной организации <...> Будучи пересказано средствами языка, оно неизбежно получает структурное единство. Единство это, физически принадлежащее лишь плану выражения, неизбежно переносится на план содержания» [12: 339].

Таким образом, осмысленность и структурированность исторического события, описанного в тексте, является на самом деле не более чем наложением структур, свойственных языку, на хаотический поток информации, получаемый историком извне при помощи органов чувств. Язык, согласно Ф. Анкерсмитту, является основным условием придания миру значения [1: 68].

Однако не только пересказ события на уровне естественного языка повышает степень его организованности. Идеологические, социальные, религиозные и другие коды, то есть то, что относится ко вторичным знаковым системам, повышают степень структурированности события. Как отметил Х. Уайт, «чисто буквалистское описание того, “что произошло” в прошлом», то есть пересказ вне вторичных знаковых систем, может быть использовано только для «создания анналов или хроники, но не “истории”» [18: 13]. Язык организует событие в причинно-следственных и временных координатах, идеологическое же кодирование вносит в событие дополнительную организацию, разделяя информацию в рамках противопоставлений плохо / хорошо, правильно / ошибочно и т. п.

МОЖЕТ ЛИ ИСТОРИЯ БЫТЬ СТРОГОЙ НАУКОЙ?

Вопрос о том, может ли история быть строгой наукой, связан с проблемой доказательства. Доказательство в исторической науке не может быть основано на эмпирическом наблюдении, поскольку объект исследования в исторической науке отсутствует – историк не может непосредственно наблюдать историческое событие.

«Поскольку исторические сущности по определению принадлежат прошлому, их описания не подлежат верификации или фальсификации на основе прямого (контролируемого) наблюдения», – писал Х. Уайт [18: 12].

Не может быть основано историческое доказательство и на строго логическом рассуждении с опорой на формальный язык, который отличается своей точностью и в котором присутствует возможность проверки полученного результата. В распоряжении историка есть только естественный язык.

Историописание представляет собой выстраивание нарратива о прошлом. Главную роль при этом играют не столько логические, сколько языковые и литературные приемы, благодаря которым создается иллюзия соответствия описываемых событий исторической реальности, достигается нужная степень убедительности в изложении материала. Еще Р. Барт в эссе «Дискурс истории» показал, что исторический нарратив по своей структуре соответствует «вымышленному повествованию», которое характерно для художественного текста [2: 427]. Именно литературная составляющая исторического повествования создает необходимый эффект реальности описываемых событий. Так, в историческом дискурсе субъект высказывания стремится к своему отсутствию, дискурс лишен знаков получателя, благодаря этому создается эффект бес-

пристрастного описания объективной реальности, история рассказывается как бы сама собой². Кроме того, в историческом повествовании присутствуют детали, которые не могут быть оправданы никакой структуралистской функцией, – ненужные, лишние по отношению к структуре уточнения. Значение их, как показал Барт, заключается в том, чтобы удостоверить подлинность описываемого прошлого³. Закономерным итогом развития этих взглядов был вывод теоретика исторической науки Д. Иггерса (Iggers), согласно которому исторический текст не повествует об объективном прошлом [19: 118]. В этом смысле историописание понимается как разновидность художественной литературы. Разница заключается только в том, что в литературе предполагается повествование о вымышленном объекте, исторический же текст подчинен императиву реальности. Теоретик исторической науки Б. Саутгейт (Southgate) предлагает вообще отказаться в историписании от оппозиции наука / беллетристика [20: 174].

Все эти идеи отражаются и на понимании исторического факта. В рамках позитивистской парадигмы факт рассматривается как элемент исторической реальности, но в рамках постструктуралистской концепции он оказывается языковым феноменом.

«Я всегда рассматривал “факт” как конструкцию, как то, что Артур Данто называл “событием в процессе описания”, и потому – как лингвистический или дискурсивный вымысел», – говорил Х. Уайт [18: 13].

В этом смысле знаменитый тезис Жака Деррида «Вне текста не существует ничего» [9: 319] получает свое подтверждение в науке о прошлом.

На первое место в историческом доказательстве выходят, таким образом, не столько собственно научные средства, сколько владение языком, убедительность изложения, сила используемых метафор.

Если понятие доказательства в истории ставится постмодерном под сомнение, то, очевидно, размываются границы понятия исторической истины. Истина как соответствие описываемых событий тому, что было «на самом деле», оказывается относительной. Все это ставит под сомнение научность повествования о прошлом. История понимается не как наука о прошлом, а как искусство интерпретации источников. Причем интерпретация не может быть верифицирована, поскольку ее нельзя сверить с объективной реальностью прошлого ввиду отсутствия этой реальности.

Если история является разновидностью художественной литературы, то вполне логично

применять для анализа историографии исследовательские приемы и методы постструктуралистского литературоведения.

ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ

Поскольку историк использует для описания прошлого обычный естественный язык, характерной чертой которого является его многозначность и способность надстраивать дополнительные семантические уровни поверх прямого денотативного смысла, историческое повествование точно так же, как и литературное, строится по принципу многоярусной семантики⁴.

Ярким примером текстов, построенных по такому принципу, являются работы советских историков-декабристоведов 1950-х годов. Поскольку рамки статьи ограничены, мы не можем провести анализ даже отдельного фрагмента в советском повествовании о декабристах⁵. Следующие ниже примеры служат лишь целям иллюстрации и являются максимально краткими.

В советской историографии серьезное внимание уделено естественно-научным взглядам декабристов. Историки обращают внимание на то, что декабристы понимали движение как механическое перемещение в пространстве⁶, И. Якушкин, Н. Крюков и А. Барятинский разделяли атомистическую теорию строения материи⁷, А. Бестужев не пропустил ни одного крупного открытия в области естествознания и занимался изучением электрических явлений⁸, П. И. Борисов считал, что атомы находятся в поступательном и вращательном движении, а также в постоянном притяжении⁹, а в Сибири написал работу «О муравьях»¹⁰.

Внимание к этой теме выглядит странно, поскольку естественно-научные интересы членов тайных обществ на первый взгляд не связаны с темой революционного движения в России. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что рассказ о научных изысканиях декабристов иногда не уступает по своему значению повествованию об общественно-политической деятельности членов тайных обществ. При этом мы понимаем прямой смысл этого повествования, но, судя по всему, нарратив о естественных науках несет помимо прямого денотативного еще какой-то смысл. Однако же советские тексты в этом отношении непрозрачны и их культурно обусловленный смысл нельзя выявить без специального исследования.

Тексты, включающие в себя несколько смысловых пластов, нуждаются в анализе, который бы учитывал интертекстуальное пространство¹¹, культурные коды, в рамках которого

прочитывался бы исторический нарратив. Без этого вся полифония смыслов не может быть раскрыта. Другими словами, нужен анализ, близкий к деконструкции¹² или, в терминологии Ролана Барта, к текстовому анализу¹³.

Анализ текста в постструктуралистском литературоведении предполагает изучение не столько конкретных смыслов, сколько путей смыслообразования, всех потенциально возможных выходов из произведения в интертекст: «Мы будем проследивать пути *смыслообразования*. Мы не ставим перед собой задачи найти *единственный* смысл, ни даже *один из возможных* смыслов текста», – писал Барт [5: 425]. Безусловно, такой подход логичен с литературоведческой точки зрения, так как отражает механизм функционирования произведения в интертекстуальном пространстве. В нашем случае демонстрация открытости текста сама по себе никакого исторического знания не несет. Все это позволяет говорить, что прямое заимствование постструктуралистских практик анализа текста в исторической науке непродуктивно.

Интертекстуальное пространство представляет собой ризому¹⁴, количество путей смыслообразования в его рамках стремится к бесконечности, кроме того, они хаотически переплетаются и постоянно трансформируются. Поэтому представляется, что в ризоматическом переплетении путей смыслообразования нужно найти такой путь, который был характерен только в определенный исторический период в рамках конкретной культуры. Понятием, опираясь на которое можно решить эту задачу, является *культурный код*, понимаемый в бартовском ключе как сверткестовая организация значений¹⁵. Задачей историка является выявление именно того кода, который актуализировался в определенный исторический период в пределах конкретной культуры. Именно это ограничение позволит, как представляется, выйти на тот информационный пласт, который представляет исторический интерес.

Кроме того, нужно учитывать, что интеллектуальная операция по выбору культурного кода и погружению повествования в его контекст выполняется не той стороной, которая создает исторический нарратив, а той, которая его воспринимает, то есть читателем. Другими словами, историк должен проследить только те пути смыслообразования, которые были характерны для потенциального читателя, на которого ориентировался автор¹⁶.

Поиск кода, в рамках которого «прочитывались» фрагменты, посвященные естественно-научным изысканиям декабристов, вывел нас

на совокупность прецедентных для советской культуры середины 50-х годов XX века текстов, формировавших понятие *естествознание*. К ним относятся работы руководителей партии и государства В. И. Ленина, И. В. Сталина, курс истории ВКП(б), а также научно-популярные работы крупных советских ученых, несущие явную идеологическую нагрузку. Нужно отметить, что в этих текстах нас интересовало не прямое значение термина *естествознание* (оно предельно ясно, так как нашло закрепление в многочисленных словарях и энциклопедиях), а то культурно обусловленное представление о естественных науках и их роли в государственном строительстве, которое было характерно для советской культуры интересующего нас периода. В своей совокупности эти тексты отражают культурный код, в рамках которого можно уловить вторичные смыслы в работах советских историков.

Научное мировоззрение в прецедентных текстах понималось как мощный инструмент в руках революционера, при помощи которого можно разрушить старый мир и построить новый. На первое место при этом в советской культуре выдвигалось именно естествознание, поскольку оно имело прикладное значение и образовывало интеллектуальную базу для развития промышленности и сельского хозяйства. Неудивительно, что наиболее видные революционеры, ставшие затем руководителями Советского государства, считались одновременно учеными.

Погружение нарратива о естественно-научных интересах декабристов в рамки культурного кода позволяет говорить о том, что нарратив о естественных науках на уровне вторичной знаковой системы отсылает к идее революции. Благодаря указанию на естественно-научные занятия декабристов утверждалась идея революционности членов тайных обществ и достигалась основная цель советского нарратива – подтверждение ленинского тезиса о декабристах как первых русских революционерах.

Если рассматривать этот вывод исключительно с теоретических позиций, то можно говорить о том, что в рамках советского культурного

кода повествование о естественно-научных исследованиях декабристов начинало функционировать как знак революционности, то есть возникало явление семиозиса. Задачей историографического исследования становится, таким образом, семиотический анализ вторичных знаковых систем. Нужно отметить, однако, что этот исследовательский подход, будучи по своим инструментам чисто структуралистским (он предполагает семиотический по своей сути анализ культурного кода), по своим конечным целям является постструктуралистским, поскольку позволяет вывести произведение в интертекст. В этом мы видим не недостаток, а, наоборот, достоинство такого подхода, так как применение структуралистских приемов позволяет избежать в историографическом исследовании постмодернистской игры смыслов и релятивизма в истолковании.

ВЫВОДЫ

Таким образом, представляется, что преодоление парадигмы постмодерна в исторической науке можно поставить под вопрос. Но даже если постмодерн все же уступит место новой парадигме, те идеи и методы, которые были предложены теоретиками постмодерна, останутся в качестве концептуальной и методологической базы исторической науки. Однако в прямом виде заимствование практик постмодернистской работы с текстом в исторической науке малопродуктивно. Основная проблема, как представляется, заключается в том, чтобы избежать релятивизма в истолковании текстов и, оставаясь в рамках постмодернистского подхода, получить конкретное историческое знание. Все это возможно на основе применения структуралистских подходов при сохранении общей постструктуралистской направленности исследования.

В целом проблемы, поднятые М. Ф. Румянцевой, представляются важными в контексте современного состояния исторической науки, а идеи, сформулированные в ее статье, вызывают желание дискутировать, что подчеркивает серьезность исследования ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под постмодернизмом мы вслед за О. Б. Вайнштейном понимаем глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, всю сумму культурных настроений и философских тенденций [14: 3]. Постструктурализм же является теоретической основой гуманитаристики эпохи постмодерна.

² «На самом деле, — писал Р. Барт, — в этом случае отправитель дискурса исключает из него свою эмоциональную личность, зато подменяет ее другой, “объективной” личностью; субъект вполне сохраняется, но как объективный субъект» [2: 431].

³ Подробнее о роли языковых и литературных приемов в создании эффекта реальности см. в работе Р. Барта «Эффект реальности» [4].

⁴ В таких текстах присутствует несколько смысловых пластов, при этом «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» [13]. По такому принципу построены художественные тексты. См., например, соответствующие исследования Ролана Барта [3], [5], [6].

- ⁵ Анализ советского нарратива о естественно-научных взглядах декабристов приведен в статье «Идеологическая направленность понятия “естественные науки” в советской историографии декабристского движения середины 1950-х гг.» [11].
- ⁶ Никандров П. Ф. Мировоззрение П. И. Пестеля. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. С. 79.
- ⁷ Там же. С. 78.
- ⁸ Габов Г. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 227.
- ⁹ Щипанов И. Я. Социально-политические и философские воззрения декабристов // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 49.
- ¹⁰ Там же. С. 50.
- ¹¹ Интертекст – это «вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты)» [15].
- ¹² Термин «деконструкция» был теоретически обоснован Жаком Деррида [10]. Деррида избегал точного определения этого термина, но он сформулировал тезисы, которые легли в основу деконструктивистской теории: децентрация структуры, отказ от бинарных оппозиций, идея различения (*differance*).
- ¹³ Текст в данном случае понимается в постструктуралистском смысле как один из вариантов интертекста. Речь поэтому идет не об анализе текста в обычном смысле этого слова, а о процедуре вывода произведения в интертекст.
- ¹⁴ Теоретическое обоснование феномена ризомы см. в работе Жюль Делёза и Феликса Гваттари «Капитализм и шизофрения» [8].
- ¹⁵ Под кодом понимается сверхтекстовая организация значений [5: 456].
- ¹⁶ Речь идет о концепции так называемого М-Читателя, разработанной Умберто Эко. М-Читатель – это комплекс благоприятных условий (определяемых в каждом конкретном случае самим текстом), которые должны быть выполнены, чтобы данный текст полностью актуализировал свое потенциальное содержание [17: 25].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с.
2. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427–441.
3. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352.
4. Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 392–400.
5. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461.
6. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
7. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015. 240 с.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
10. Ильин И. И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с.
11. Каменев Е. В. Идеологическая направленность понятия «естественные науки» в советской историографии декабристского движения середины 1950-х гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 121–130. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-121-130
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. С. 150–391.
13. Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 274–294.
14. Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–16.
15. Пьеге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
16. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. В печати.
17. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с.
18. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
19. Igg ers G. Historiography in the twentieth century – from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London: Wesleyan University Press, 1997. 208 p.
20. Southgate B. History meets fiction. [Harlow]: Longman, 2009. 215 p.

Поступила в редакцию 29.12.2022; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Evgenii V. Kamenev, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ev.kamenev@yandex.ru

COMPREHENSION OF THE PAST IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY HISTORICAL CULTURE

Abstract. The article questions the thesis about overcoming the postmodern paradigm. It is stated that the ideas and research approaches proposed by the postmodern classics will remain as an element of the theoretical and methodological base of humanities and will coexist with other conceptions. This, in turn, actualizes such issues as the structure of the object of a historical study, the scientific status of historical writing, and the approbation of post-structuralist methods of text analysis in historical research. It is shown that within the postmodern paradigm, the meaningfulness and structuredness of a historical event is understood as the impact of linguistic structures on the chaotic flow of information. The practice of historical writing is deprived of scientific status and is shifting towards literature, because in historical proof the main role is given not so much to logical devices as to linguistic and literary means, which create the illusion of the described events corresponding to historical reality. Therefore, it is logical to use research techniques and methods of post-structuralist literary criticism in historiography. However, textual analysis is supposed to examine the ways of meaning formation as such and all the potential exits from the text to the intertext, while in historiography the demonstration of the openness of the text does not make sense in itself. It is necessary to avoid this multiplicity, which undoubtedly has literary, but not historiographical meaning. All this, in turn, poses the task of finding a specific set of cultural codes within which the secondary meanings of a historical work were formed during a specific historical period.

Key words: postmodernity, post-structuralism, historical science, historiography, source studies, text analysis

For citation: Kamenev, E. V. Comprehension of the past in the context of contemporary historical culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):76–82. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.872

REFERENCES

1. Ankersmit, F. History and tropology: the rise and fall of metaphor. Moscow, 2009. 400 p. (In Russ.)
2. Barthes, R. The discourse of history. *Barthes, R. The Fashion system. Articles on the semiotics of culture*. Moscow, 2003. P. 427–441. (In Russ.)
3. Barthes, R. Elements of semiology. *Barthes, R. Writing degree zero*. Moscow, 2008. P. 275–352. (In Russ.)
4. Barthes, R. Effect of reality. *Barthes, R. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow, 1989. P. 392–400. (In Russ.)
5. Barthes, R. Textual analysis of a short story by Edgar Poe. *Barthes, R. Selected works: Semiotics. Poetics*. Moscow, 1989. P. 424–461. (In Russ.)
6. Barthes, R. S/Z. Moscow, 2001. 232 p. (In Russ.)
7. Baudrillard, J. Simulacra and simulations. Moscow, 2015. 240 p. (In Russ.)
8. Deleuze, G., Guattari, F. A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia. Ekaterinburg; Moscow, 2010. 892 p. (In Russ.)
9. Derrida, J. Of grammatology. Moscow, 2000. 511 p. (In Russ.)
10. Ilyin, I. I. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. Moscow, 1996. 253 p. (In Russ.)
11. Kamenev, E. V. Ideological orientation of the “natural sciences” concept in the mid-1950s Soviet historiography of the Decembrist movement. *Ural Historical Journal*. 2022;3(76):121–130. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-121-130 (In Russ.)
12. Lotman, Yu. M. Inside the thinking worlds. *Lotman, Yu. M. Semiosphere*. St. Petersburg, 2000. P. 150–391. (In Russ.)
13. Lotman, Yu. M. Theses on the topic of “art among other modeling systems”. *Lotman, Yu. M. Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg, 2002. P. 274–294. (In Russ.)
14. Postmodernism and culture (materials of the round table). *Topics in the Study of Philosophy*. 1993;3:3–16. (In Russ.)
15. Piegay Gros, N. Introduction to the theory of intertextuality. Moscow, 2008. 240 p. (In Russ.)
16. Romyantseva, M. F. Source studies in the structure of current historical culture: invitation to discussion. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2). In print. (In Russ.)
17. Eco, U. The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts. Moscow, 2005. 502 p. (In Russ.)
18. White, H. Metahistory: The historical imagination in nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. 528 p. (In Russ.)
19. Iggers, G. Historiography in the twentieth century – from scientific objectivity to the postmodern challenge. Hanover, N. H. and London, 1997. 208 p.
20. Southgate, B. History meets fiction. [Harlow], 2009. 215 p.

Received: 29 December, 2022; accepted: 31 January, 2023

ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ ЛУКЬЯНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории
и практики общественных связей
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
lukadmiv@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОГНИТИВИЗМ: О ФЕНОМЕНОЛОГИИ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ

А н н о т а ц и я . Социокультурный и эпистемологический статус профессионального сообщества современных российских историков, социальные функции самой исторической науки, исторического знания и познания, возможности обновления исследовательских стратегий и научных поисков вызывают споры и дискуссии в отечественной историографии, когда ученые начинают размышлять о доминирующих парадигмах развития их знания, методологической и теоретической оснастке их науки, возможностях, перспективах и значимости историко-философского знания. На фоне эпистемологической неопределенности постпостмодерна, фрагментированности исторического знания и познания в статье обсуждаются вопросы теории и методологии когнитивной истории (как возможности «строгой науки») и эпистемологические характеристики феноменологической парадигмы современного источниковедения (как новой «дисциплинарной онтологии»), обозначенные и обоснованные в трудах О. М. Медушевской и М. Ф. Румянцевой. Обращено внимание на то, что историографический факт появления теории и методологии исторического когнитивизма является конгениальным свидетельством «конца истории» исторической феноменологии прежней советской историографии. **Ключевые слова:** когнитивная история, парадигма истории, историческая эпистемология, ренарративизм, профессиональное сообщество

Для цитирования: Лукьянов Д. В. Исторический когнитивизм: о феноменологии когнитивной истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 83–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.873

ВВЕДЕНИЕ

Процесс формирования «неоклассической» парадигмы исторического знания как актуального в плане выстраивания соответствующей ей в науковедческом плане «феноменологической парадигмы источниковедения» в XXI веке – базовое положение, которое обосновывает в своей статье М. Ф. Румянцева [16], заслуживает того, чтобы вернуться к ряду остающихся до сих пор спорными вопросов и проблем состояния и развития современной исторической эпистемологии. Первое – это извечная проблематика и сложность применения в целом парадигмального измерения социального и гуманитарного знания, конкретнее, размышления о «структурах» и «событиях» научных революций применительно к динамике изменения исторического знания, спор и сама корректность постановки вопроса о том, «сколько парадигм», и вообще уместность этого направления размышлений ученых-историков [13]. Второе – это способы (само)описания в современной историографии и вопросы типа «как мы пишем?», «для кого?», «роль исследова-

тельского я» в процессе создания исторического произведения, которые задают нарративное измерение исторического, пошатнувшееся в XX веке вследствие выхода из состояния постмодерна в транзитивную гетерогенность, неопределенность, фрагментированность и т. д. философии истории after-постмодерна [2]. Третье – поиск когерентной интеллектуальной площадки (оставшейся? существующей?) для выработки / поиска приемлемых очертаний «эпистемологии неопределенности» исторического. Четвертое, немаловажное: ответ на звучащий почти ностальгически вопрос – не «Кому ты опасен, историк?», как в советское время, а «Кому ты интересен, историк?»: социокультурное измерение исторического и размышления о соответствующих функциях исторического познания в изменившихся условиях «текущей современности» мира XXI века. И, наконец, на мой взгляд, определяющее – в разговоре о существовании и различии в современной историографии разнообразных школ, направлений, течений и парадигм стоит задаться вопросом о самом статусе «профессионального

научного сообщества» в России, способах его воспроизводства и базовом «целесообразии» его познавательных практик в выстраивании собственного «горизонта ожиданий».

Эти положения, на мой взгляд, нетривиальны в контексте высказанных тезисов М. Ф. Румянцевой, поскольку поставленные ею вопросы вызывают живой интерес и рождают многие сомнения и надежды в плане размышлений о современной исторической науке в стране.

КОГНИТИВИЗМ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

Мне приходилось неоднократно писать о концепции когнитивной истории О. М. Медушевской [9], [11], [12], поэтому, наверное, нет смысла здесь подробно останавливаться на том, что было написано, как мне представляется, с максимальной учтивостью и исполненным вниманием на соблюдение максимума академичности, я старался реализовать в данных публикациях по возможности аутентичный и когерентный обзор базовых идей в работах уважаемого профессора. Между тем мы обсуждаем не человека-ученого, чей вклад в науку безусловно признан и оценен, мы говорим об идеях, которые высказала О. М. Медушевская [14], чьи ученики и, повторюсь, протагонисты продолжают отстаивать и активно развивать.

Вопросы о применимости к современной исторической науке теории и методологии когнитивизма вполне различимы в контексте того, что обычно называется *концом советской историографии*. М. Ф. Румянцева пишет об идеологичности советской историографии. В этом общем положении и взгляде слышится намеренная ирония о том, что никто в этом уже не может сомневаться, и данная позиция мне в целом понятна. Хотя в политико-идеологическом и эпистемологическом аспектах выстраиваемого проекта советской историографии остается много «темных мест» и не потерявших свою актуальность интеллектуальных наработок [10]. Однако в рамках предлагаемой дискуссии нас интересуют вопросы, прежде всего связанные с тем, что представляют из себя когнитивная история и феноменологический подход к истории.

На данный момент отечественная историография не доказала со всей очевидностью пригодность данного метода применительно к истории, если не брать избыточность вдумчивых промыслительных экспозиций с почтовым ящиком Э. Гуссерля и его глубоким молчанием.

Термин *когнитивность* и современное понимание того, что представляет из себя историческая феноменология в плане выбора соответствующего предметного поля научной истории,

вызывают неоднозначные споры и довольно критические отклики [6]. И если научная идеология советской историографии покоилась на более или менее прозрачно понимаемых принципах, типа принципа партийности, историзма, объективности, истины и т. д., в отношении феноменологического подхода такого сказать нельзя или такие попытки выглядят весьма затруднительными. Науковеды уже давно сделали вывод, что

«современный когнитивизм решительно переходит на позиции историзма в трактовке познания, признания и исследования эволюционно-исторической динамики познавательных структур, возникновения и смены парадигм, существования различных исторических типов когнитивности, в том числе научной и вообще рациональной когнитивности» [15].

Вариативность научного знания, наличие одновременно множества когнитивных структур и типов научно-познавательной деятельности делают все более необходимым обращение представителей различных научных сообществ к выработке историографических оснований и принципов изучения результатов развития теорий и практик их дисциплин.

В отношении к активному присвоению и апроприации когнитивизмом современного исторического (и не только) познания скрывается или чувствуется и известная тавтология: когнитивная история была всегда, по крайней мере, когда она становилась наукой. Отношение к познанию было предзадано ей вначале позитивизмом, а потом последующим развитием науковедения и его активного влияния на историю историографии (в особенности к 1980-м годам в советское время в дискуссиях М. В. Нечкиной, А. М. Сахарова и других). Однако история перестала, как в XIX веке, быть простым изложением фактов, она стала историографией, и, более того, сегодня мы говорим о перспективах источникововедения историографии.

С большой долей определенности это вопрос, который сформулирован М. Ф. Румянцевой в обсуждении перспектив и стратегий ренарративизма. На мой взгляд, это демарш в постмодернистском смысле, поскольку метанарратив никто и не уничтожал. Метанарратив всегда играл роль интеллектуальной «биржи», в которой ставки в определенный период стали не очевидны, но никто не отказался от «валюты» источников и «игр» на рынке производства своих произведений, за которыми историки и не собирались терять свою идентичность.

Все и сейчас продолжают «играть» и воспроизводить «конфликты интерпретаций», только теперь это уже «биржа» источникововедения,

поскольку выработанные в 1962 году М. В. Нечкиной по итогам дискуссии о периодизации советской историографии базовые и определяющие научные критерии в 1990-х годах стали отходить в сторону: теория исторического процесса, научные методы, предпосылочный идеологический характер изучаемых проблем, да и сам институциональный принцип были нивелированы и подверглись релятивизации. На чем остается стоять современная историческая наука? Естественно, на источниках и источниковедении и их интерпретации и переинтерпретации. Поэтому во многом и становится понятен общий когнитивный тренд О. М. Медушевской: она пересоздает или заканчивает, возможно, желая сохранить то, что называлось строгой наукой, причем преимущественно наукой советской и во многом «неклассической» именно благодаря профессиональной деятельности О. М. Медушевской. Не будет, наверное, преувеличением сказать, что ее последний труд и наметившийся когнитивный поворот исторической науки и устремленность ее к неоклассике различные – это в совокупности гениальная кончина советской историографии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Однако еще несколько замечаний, которые вызваны вопросами, прозвучавшими в статье М. Ф. Румянцевой. Позволю изложить их в порядке тезисов-ответов, прояснив содержательные моменты дискуссии.

1. Нет никакой «неоклассики». С. В. Степин [8], [17] писал про постнеклассику применительно к анализу естественно-научного мышления, что и Т. Кун [7]. Т. Кун затем уточнил в последующих после своего бестселлера работах, что «дисциплинарная матрица» некоторым образом спасает от детерминации парадигм. Едва ли это было спасением от инвектив развития научного знания. Идея того, что научные сообщества развиваются вполне свободно и руководствуются только интеллектуальной конкуренцией, что принцип истины не является определяющим, а обусловленность конкуренцией формирует профиль науки, не спасли науку от *интровертности*. Вряд ли эту ситуацию стоит критиковать в контексте внимательного отношения к постоянному факту существования не(анти)науки. Но в гносеологическом плане стоит понять, что самореферентная наука никому не нужна и теряет свои социальные функции. И «орден меченосцев» (известная партийная метафора И. В. Сталина) актуален только для идеолого-политических построений. В определенной степени это можно применить и к источниковедению, на базе которого сейчас выстраивается но-

вая (ре)метанарративная идеология науки и привычная генерализация исторического познания.

2. Постмодернизм как «состояние» никогда не был «историографической ситуацией» (термин Л. Е. Кертмана). Он игнорировался как эпистемологический факт и только в момент своей эпифеноменальной «гибели» – перехода в after-(post)постмодерн стал замечен тем из гуманитариев, которые посчитали или допустили, что чуть ли не естественно-научные эксперименты в истории возможны по статусу на уровне возможностей интерпретаций. И. Н. Ионов в своей монографии, посвященной научному статусу глобальной истории, замечает, что, наверное, настал историографический момент для исторической науки, когда влияние постструктурализма и деконструктивизма можно осмыслить и историзировать, и это касается именно историков, в чьи интересы входят вопросы исторической эпистемологии (читай: современных источниковедов). Но пока это дело историков науки и философов. Хотелось бы попутно добавить, что глокализация, давно придуманная А. Робинсоном, с некоторых пор перестала объяснять сложность и разнообразие в современном мире. Какая-то часть этого сложносочиненного слова выходит на первое место и определяет сложившуюся мировую «повестку дня» – в зависимости от того, кто вы: сторонник неоглобалиста Клауса Шваба или приверженец теории локальных цивилизаций. В контексте событий последних десятилетий и популярности понимания гибридизации, охватившего как политическое, культурное, так и научное пространства (понятие «гибридные медиа», например), наверное, на смену глокализации придет какая-нибудь «глобгибридизация» или «глобридизация», во всяком случае, мне кажется это более перспективным.

3. Историческая наука сегодня не может построить собственную генерализацию не иначе, как только на основании источниковедения. Это единственное, что у нее осталось, что незыблемо и нетленно. Феноменология стала универсальным методом социальных наук, что иногда вызывает скепсис критиков, как, например, метафора М. М. Кромма [6], что это похоже на склонность «бумажными ножницами резать бумагу», но несомненен факт того, что наука стоит на пути своего «раскрытия» на публику и, возможно, это движение приведет ее к обретению «целевой аудитории». На этом пути больше сомнений, нежели обретений, но это движение как «поисковая парадигма», на мой взгляд, весьма продуктивно.

4. Еще раз о парадигмах и научном сообществе [1], [3], [4], [5]. Традиционно в советской исторической науке парадигмами не мыслили развитие исторической мысли. Более тради-

ционным было (и продолжается сейчас) деление на школы, течения и направления (кстати, с подачи советского историка Е. В. Гутновой на одном из всероссийских совещаний обществоведов), они были значительно привычнее для понимания изменений в науке. Данная традиция была поддержана и в последующее время в профессиональной литературе. Другое дело – существование профессионального сообщества, когда мы говорим о феномене фрагментации знания и прочих явлениях транзитивности (неопределенности) познания. В этом смысле выскажу свое мнение, безусловно, основанное на изучении историографии: современное профессиональное сообщество в России сформировано компетентно и институционально только в рамках формализованных государственных структур и локальных институций, которые зачастую выстроены по принципу индивидуализирован-

ных интерналистских интересов, организованных по способу целеполагания и установлению выбранного «режима историчности» внутри определенной интеллектуальной общности. Таким образом, фрагментированность – это некий новый и набирающий популярность атрибут, характеризующий состояние современных профессиональных сообществ в мировой науке, и данную точку зрения обстоятельно обосновал в своей монографии шведский историк Р. Тоштендаль [18].

6 октября 2022 года в РГГУ прошла московская международная научная конференция «Беззаветное служение науке и образованию», приуроченная в 100-летнему юбилею со дня рождения О. М. Медушевской, которая еще раз доказала, что ее идеи и базовые научно-исторические положения по-прежнему нуждаются в широком обсуждении и прояснении учеными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов М. А. Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С. Б. Криху и О. В. Метели // Историческая экспертиза. 2015. № 2 (3). С. 55–63.
2. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма / Пер. с англ. М. А. Кукарцевой. М.: Канон+: Реабилитация, 2010. 400 с.
3. Исаев Д. П. К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // Новое прошлое / The new past. 2017. № 2. С. 92–104.
4. Крих С. Б., Метель О. В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.
5. Крих С. Б., Метель О. В. Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М. А. Базанову // Историческая экспертиза. 2016. № 1 (6). С. 195–199.
6. Кромм М. М. «Зрячий миф», или Парадоксы «исторической феноменологии» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/zryachij-mif-ili-paradoksy-istoricheskoy-fenomenologii.html> (дата обращения 12.12.2022).
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2015. 320 с.
8. Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 351 с.
9. Лукьянов Д. В. Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 34–43.
10. Лукьянов Д. В. Контингентные изменения структуры историографических революций // Мавродинские чтения – 2018: Всерос. науч. конф., посвящ 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гос. ун-т, 29–31 октября 2018 г. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 564–568.
11. Лукьянов Д. В. «Когнитивное» источниковедение и историческое познание // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 8–9 октября 2015 г. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. С. 11–15.
12. Лукьянов Д. В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Будущее нашего прошлого. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2011. С. 179–193.
13. Лукьянов Д. В. «Структура» и «события» историографических революций // «Будущее нашего прошлого: новые подходы к интерпретации исторического знания». Москва, 13 декабря 2017. РГГУ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34993731> (дата обращения 12.12.2022).
14. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 358 с.
15. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 178–198.
16. Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. (В печати).
17. Стёпин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249–295.
18. Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание / Пер с англ. А. Ю. Серегиной. М.: Новый Хронограф, 2014. 346 с.

Поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Dmitry V. Lukyanov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian
Federation)
lukadmiv@mail.ru

HISTORICAL COGNITIVISM: THE PHENOMENOLOGY OF COGNITIVE HISTORY

Abstract. The socio-cultural and epistemological status of the professional community of contemporary Russian historians, the social functions of historical science, historical knowledge, and cognition, as well as the possibilities of updating research strategies and scientific searches cause disputes and discussions in domestic historiography, when scholars start reflecting on the dominant paradigms of their knowledge development, the methodological and theoretical instruments of their science, and the possibilities, prospects, and significance of historical and philosophical knowledge. Amid the epistemological uncertainty of the post-postmodern era and fragmentation of historical knowledge and cognition, the article discusses the theory and methodology of cognitive history (as a possibility of “rigorous science”) and epistemological characteristics of the phenomenological paradigm of modern source studies (as a new “disciplinary ontology”), outlined and substantiated in the works of O. M. Medushevskaya and M. F. Romyantseva. Special attention is drawn to the idea that the mere historiographical fact of the emergence of the theory and methodology of historical cognitivism is the congenial evidence of the “end of history” of historical phenomenology of the previous Soviet historiography.

Key words: cognitive history, paradigm of history, historical epistemology, renarrativism, professional community

For citation: Lukyanov, D. V. Historical cognitivism: the phenomenology of cognitive history. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):83–87. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.873

REFERENCES

1. Bazanov, M. A. Two “paradigms” and the subject field of historiographical research: belated response to S. B. Krikh and O. V. Metel'. *Historical Expertise*. 2015;2(3):55–63. (In Russ.)
2. Domanska, E. Philosophy of history after the postmodern. (M. A. Kukartseva, Transl.). Moscow, 2010. 400 p. (In Russ.)
3. Isaev, D. P. To the question on paradigms in historiography (for one discussion). *The New Past*. 2017;2:92–104. (In Russ.)
4. Krikh, S. B., Metel', O. V. Two paradigms in modern national historiography. *Voprosy Istorii*. 2014;1:159–166. (In Russ.)
5. Krikh, S. B., Metel', O. V. Once again about two paradigms: a preliminary answer to M. A. Bazanov. *Historical Expertise*. 2016;1(6):195–199. (In Russ.)
6. Kromm, M. M. “Sighted myth”, or Paradoxes of “historical phenomenology”. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/4/zryachij-mif-ili-paradoksy-istoricheskoy-fenomenologii.html> (accessed 12.12.2022). (In Russ.)
7. Kuhn, T. The structure of scientific revolutions. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.)
8. Lubsky, A. V. Alternative models of historical research. Moscow, 2005. 351 p. (In Russ.)
9. Lukyanov, D. V. Cognitivism and historical cognition. *Dialogue with Time*. 2013;44:34–43. (In Russ.)
10. Lukyanov, D. V. Contingent changes in the structure of historiographical revolutions. *Mavrodin Readings – 2018: All-Russian research conference dedicated to the 110th birth anniversary of Professor Vladimir Vasilyevich Mavrodin*. St. Petersburg, St. Petersburg State University, October 29–31, 2018. St. Petersburg, 2018. P. 564–568. (In Russ.)
11. Lukyanov, D. V. “Cognitive” source studies and historical cognition. *Current issues of source studies: Proceedings of the III international research and practice conference, Vitebsk, October 8–9, 2015*. Vitebsk, 2015. P. 11–15. (In Russ.)
12. Lukyanov, D. V. “Cognitive revolution” in modern historical cognition. *The future of our Past*. Moscow, 2011. P. 179–193. (In Russ.)
13. Lukyanov, D. V. “Structure” and “events” of historiographical revolutions. *The Future of Our Past: New Approaches to the Interpretation of Historical Knowledge*. Moscow, December 13, 2017. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34993731> (accessed 12.12.2022). (In Russ.)
14. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
15. Rorty, R. The historiography of philosophy: four genres. *Jokhadze, I. D. The neopragmatism of Richard Rorty*. Moscow, 2001. P. 178–198. (In Russ.)
16. Romyantseva, M. F. Source studies in the structure of current historical culture: invitation to discussion. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2). (In Print). (In Russ.)
17. Stepin, V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction. *Post-non-classics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg, 2009. P. 249–295. (In Russ.)
18. Torstendahl, R. Historian's professionalism and historical knowledge. (A. Yu. Seregina, Transl.). Moscow, 2014. 346 p. (In Russ.)

Received: 9 January, 2023; accepted: 31 January, 2023

СВЕТЛАНА САМУИЛОВНА МИНЦ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета истории, социологии и международных отношений
Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)
culture@kubsu.ru

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЕЙ

А н н о т а ц и я . В конце XIX – начале XXI века историки стали уделять повышенное внимание мерности в истории. Особенно усилился этот процесс с 1970-х годов. Ученые начали активно пользоваться различными циклическими шкалами измерения кризисных явлений от 3–4-летнего цикла Китчина, 12-летних циклов Игнатьева, 45–60-летних циклов Кондратьева до большого исторического времени Броделя, масштабов исторического времени и пространства Померанца, 400–600-летних циклов Фурсова и т. д. Вновь оказались актуализированы понятия общественно-экономических формаций, стадияльного развития цивилизаций. Это стало одним из типичных признаков смены одной научной парадигмы другой в масштабах культурно-исторических эпох. В статье обсуждаются два аспекта из поставленной проблематики: о понятиях постмодерна и постпостмодерна; о рамках, очерчивающих положение современного источниковедческого знания об историографических источниках в актуальной исторической культуре. Рассматриваются структурный состав исторического знания и изменения в проблематике современного источниковедения с точки зрения смены научной парадигмы эпохи Модерна парадигмой новой культурно-исторической эпохи – эпохи Постмодерна. Подходы к изучению источников, созданные разными парадигмами, сосуществуют в науке одновременно из-за разнообразия функций и синтетической природы исторического знания. Наука эпохи Постмодерна ставит вопрос о культурологическом содержании исторического знания, что позволяет современному источниковедению ввести в орбиту своего функционирования приемы и методы изучения одних и тех же источников в обобщениях разной логической емкости и, главное, обеспечить сопоставимые траектории движения исторической мысли при переходе с одного уровня обобщения на другой. Сравниваются возможности источниковедения как специальной и системной дисциплины, дается динамическая модель дискурсивного поля историографических источников. Подчеркивается потребность актуальной исторической культуры в освоении многофакторности поля источниковедческих штудий, топологической природы исторического знания и динамической природы исторических моделей эпохи Постмодерна.

К л ю ч е в ы е с л о в а : источниковедение историографии, историческая культура, эпоха Модерна, эпоха Постмодерна, уровни обобщений разной логической емкости, общая теория систем, теория динамических систем, структурализм, системный метод, моделирование

Б л а г о д а р н о с т и . Благодарю Родиона Борисовича Галицына за помощь в техническом оформлении статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Минц С. С. Источниковедение конца XIX – начала XXI века между философией и культурологией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.874

ВЫБОР ОБЪЕКТА ОБСУЖДЕНИЯ

Постмодерн – один из модных терминов последних трех десятилетий. Им обозначают эстетическую теорию, образ мыслей, манеру поведения и форму подачи текста, некий период в развитии представлений об истории и многое другое. Термин используют как образ, содержание которого не очень определено. Однако есть целый ряд признаков, в частности быстро изменяющиеся представления о мерности истории,

которые позволяют считать, что в современной науке термин устойчиво обозначает более конкретный феномен. Полагаю, что это оформляющаяся как социокультурный феномен новая культурно-историческая эпоха – эпоха Постмодерна. С последней трети XIX века наблюдается период ее конституирования. М. Ф. Румянцева предложила к обсуждению несколько важных проблем. Выберем из них лишь два аспекта: 1) о выходе современного научного дискурса из ситуации

постмодерна и его переходе в постпостмодерн; 2) о модели взаимодействий макрофакторов, очерчивающих положение современного источниковедческого знания об историографии в актуальной исторической культуре.

О ВЫХОДЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА ИЗ СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА И ЕГО ПЕРЕХОДЕ В ПОСТПОСТМОДЕРН

М. Ф. Румянцева описывает актуальное состояние научных знаний как постпостмодерн. По-моему, и мне неоднократно приходилось отмечать, что современная культура не только не выходит из «ситуации постмодерна», а все более плотно входит в нее. Ситуация постмодерна складывается в последней трети XIX – первой трети XX века, когда в Европе (Португалия, Испания, Скандинавия), России и Латинской Америке рождаются культуры типа отечественной культуры Серебряного века. Они периферийны по отношению к центральной системообразующей для эпохи Модерна культуре европоцентризма. Окраинные или, как сказали бы сейчас, фронтирные культуры, культуры расколотого сознания, которым тесно в парадигматике европейской культуры, активно ищут новые формы самоопределения и концентрируют свои усилия вокруг новой эстетической системы, приобретающей общие концептуализированные очертания к 1950-м годам. Определять себя через тип эстетической системы чаще, чем через принадлежность к философским направлениям и течениям, – характерная черта культуры эпохи Модерна. Она активно проявляет себя, когда складывается систематизированное и рационализированное представление о культуре как системном объекте научного внимания (начало XVI – вторая треть XIX века) [13: 90–267]. Реализует себя новая научная парадигма уже в другом дискурсивном поле, в том, что развивается и самоутверждается у нас на глазах. Достаточно вспомнить, что «картина мира», одна из ключевых категорий научного анализа культуры, достаточно четко определила себя как научное понятие лишь к 1970-м годам (подробнее см. [6]). Подобно тому, как культура эпохи модерна рождалась в культуре позднего Средневековья, новый тип историко-культурного развития, будущая культура эпохи Постмодерна рождается на позднем этапе развития культуры Модерна. Сейчас мы присутствуем при конституализации культуры Постмодерна как нового типа культурно-исторической эпохи. Смена глобализации глокализацией, война нарративов в этом процессе длиною как минимум в 120–150 лет –

лишь кратковременные повторяющиеся фазы внутреннего движения поля культуры. Поле исторического дискурса является его составной частью и имеет свои варианты на разных стадиях развития поля культуры – от глобальной, единой для всех людей, человеческой цивилизации до региональных и локальных, характерных для более локализованных во времени и пространстве историко-культурных систем.

Историческая культура – всегда система. Ей придают устойчивость системообразующие элементы структуры – сложившаяся социокультурная среда, картина мира, структурированные представления об обществе и человеке, используемые философские и социокультурные концепты и их частнонаучные производные – концепции, в том числе и историографические. Круг этих системообразующих компонентов исторической культуры достаточно устойчив благодаря относительной устойчивости потребностей человека. Их соотношение, создание более локализованных или более генерализированных вариантов меняется благодаря устремлениям людей к разным формам реализации своих потребностей. Меняется соотношение компонентов историко-культурных структур в рамках устремления структурированной части культуры то к рационализму, то к мистицизму в зависимости от господствующих в типе культуры представлений об идентичности ее активных акторов.

По мере отживания типы идентичности, как и типы картины мира, не исчезают из интеллектуальной жизни социума. Они или их следы остаются и переживаются меняющейся культурой социума вновь и вновь.

Согласна с М. Ф. Румянцевой, что историческая мысль в отечественной исторической культуре развивается в парадигматике идей И. Канта, осмысленных прочтением и переводами его трудов в последней трети XIX – второй трети XX века и переосмысленных отечественной социогуманитаристикой последней трети XX – начала XXI века в масштабах взаимодействия ментальных культур сначала европоцентризма, потом через взаимодействие Запада и Востока. Русское неокантианство конца XIX – начала XX века сыграло и продолжает играть в этом процессе важную роль, но не оно одно. Еще Л. П. Карсавин (1882–1952) обозначил подчеркнутую тягу отечественной историософии к сравнительному изучению разных вариантов развития и изменения в истории [8], а Н. О. Лосский (1870–1965) (кстати, один из активных переводчиков произведений Канта) в своем «Введении в метафизику» рас-

смаатривал типы мировоззрения с точки зрения их органичности или неорганичности [11: 8–19].

В современной исторической культуре, как и в мировой культуре в целом, сосуществуют исторические культуры разного типа. Одними из них мы пользуемся активнее, другими менее активно. Но это не значит, что их нет. Их положение в актуальной исторической культуре определяется долей нашего вполне субъективного внимания. Вот только понятие «субъективное» с точки зрения культурологии вполне объективно. Как и выбор масштабов соотношения исторических пространств и времен. Чем уже избранный масштаб, тем больше деталей может описать ученый. Чем шире – тем проще увидеть в них закономерности и законы происходящих процессов [14: 205–396].

С точки зрения гносеологических оснований между исторической культурой эпох Модерна и Постмодерна есть существенная разница. Она – в разных формах системного анализа, на которые ориентированы познавательные интенции представителей разных укладов в исторической культуре. Для эпохи Модерна ориентир – принцип общей теории систем, нацеленный на поиск устойчивых компонентов в многообразии случайных исторических фактов. Принцип может переводиться в набор конкретных стратегий и практик. Их вершиной становится структурный анализ. Он дает заверченный вид исследованиям и помогает строить структурные модели. Они подчеркивают устойчивость изучаемых явлений и процессов. Такие модели по характеру являются (вспомним Лосского) неорганическими. Практика структурализма – диахронный вариант историко-сравнительного анализа: чтобы показать динамику процесса, нужно создать несколько структурных моделей, нанизанных на общую временную ось. Эпоха Постмодерна предпочитает осмысливать поле познаваемых объектов через теорию динамических систем. Фокус ее внимания – временность устойчивости в потоке хаотических трансформаций в многомерном пространстве. Создаваемые модели сосредоточивают внимание исследователей на изменениях в социокультурных системах. Построенные на корректно выделенных системообразующих компонентах, они не только констатируют сложившуюся ситуацию, но и могут давать объемное представление об их положении в многомерном историческом пространстве. Они органичны, живут, способны двигаться, могут быть экстраполированы в прошлое и будущее. На принципах динамического моделирования строятся современная историческая информатика и современная цифровая история (см., например: [3]).

О МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ МАКРОФАКТОРОВ, ОЧЕРЧИВАЮЩИХ ПОЛОЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ В АКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В актуальной исторической культуре как культуре переходного времени сосуществуют две доминантные научные исторические парадигмы – эпох Модерна и Постмодерна. Поля их дискурса переплетаются, образуя новые конфигурации предметного поля истории, новые возможности для развития источниковедческого знания. В дискурсивном поле исторической культуры эпохи Постмодерна источниковедение осваивает пространство наукомого культурологического междисциплинарного взаимодействия, перерастает рамки специальной научной дисциплины и становится системной наукой.

Источниковедение эпохи Постмодерна фиксирует внимание исследователей на сложной структуре исторического знания. Структура, унаследованная от эпохи Модерна, состоит из четырех компонентов (подсистем), исчерпывающих практически всю полноту функций исторического знания. 1. Рассказ (нарратив) – наиболее распространенная форма сбора, хранения, изучения, тиражирования исторических знаний, их использования для нужд социализации людей, социальных групп и целых сообществ (для воспитания, образования, организации производственной деятельности и досуга, сферы науки и искусства). 2. Миф (строго говоря, тоже нарратив, но с более четко определенными функциями) – конкретное знание, превращенное в процессе социокультурной практики в абсолютное (не вдаваясь в подробности, даю предельно обобщенное определение мифа, приближенное к потребностям источниковедения историографии): достаточно жесткий неизменяемый конструкт с конкретизированным социально ориентированным смыслом (как один из системообразующих компонентов социально ориентированного знания, выполняющий функцию механизма коллективного сплочения, создается и охраняется активной частью общества или преследуется им). 3. Считающееся точным историческое знание, полученное и проверенное с помощью определенных технологий и получившее статус исторических фактов (набор считающихся научными фактов, поставленных в систему достаточно структурированного и устойчивого знания определенной картины мира и санкционированного ею образа жизни). 4. Идеи и образы картины мира и места человека в ней в тех субъективизированных формах, которые принимают

ся культурами разных масштабов от всеобщих до местных; они становятся системообразующим компонентом личностной, коллективной и массовой идентичности. С каждой из этих составных частей исторического знания ученым приходится работать разными методами. В центре внимания исследователей оказываются образы истории, созданные определенной культурой и существующие во множестве более или менее общих репликатов. Задача источниковедов – осмыслить и выстроить приемлемые технологии, позволяющие изучать как каждую из частей исторического знания, так и их сочетания, создаваемые определенной культурой и изменяющиеся вместе с ней в зависимости от форм социокультурных взаимодействий. Современная история стремится получить целостное представление о себе и своих носителях, субъектах истории. Задача источниковедения – найти те источники и методы работы с ними, которые позволят это сделать с приемлемой степенью достоверности.

Источниковедение как специальная дисциплина делится на теоретическую и конкретно историческую части. Теоретическая, как правило, ориентирована на общую теорию систем. Конкретно историческая – на выработку навыков работы с источниками для их использования в рамках специально научных исторических методов (генетического, сравнительно-исторического, типологического, структурного, системного). Ориентация на общую теорию систем заставляет историков искать в прошлом и настоящем, как уже говорилось, устойчивые характеристики систем. Господство структурализма в социогуманитаристике 1960–1970-х годов стало признаком того, что классическое историческое знание эпохи Модерна подошло к пределам своих возможностей. Дальнейшее накопление знаний оказывалось возможным преимущественно через увеличение частного знания. В системе современного неклассического знания эпохи Постмодерна модели с акцентом на временность устойчивости и дискретность своего существования приобрели характер органичности и оказались более универсальными. Источниковедение как специальная дисциплина подготовило историческое знание к разработке конкретных стратегий, методов и приемов построения динамических моделей [10].

Источниковедение как системная дисциплина ориентировано на теорию динамических систем и многомерность исторического пространства. Оно строится на обобщении и междисципли-

нарном синтезе. В поле пересечений различных дисциплин рождаются 3D-модели, которые могут разворачиваться в прошлое и будущее, приобретать объемность и конкретность в многомерном пространстве. Дискурсивное поле источниковедения эпохи Постмодерна является неотъемлемой частью информационного пространства. Оно существует в нем и подчиняется его законам. С разными задачами подходили к изучению информационного поля два ведущих источниковеда второй половины XX – начала XXI века И. Д. Ковальченко [9] и О. М. Медушевская [12]. Они поставили вопрос о необходимости рассматривать проблему исторических источников с точки зрения теории информации. Их позиции развиваются и закрепляются в источниковедении проблемами моделирования и упоминавшейся ранее исторической информатики. Радует, что они становятся и частью источниковедческой педагогики высшей школы, например: [4], [5], [7], [15].

Последние 120 лет в нашей стране отличаются особой динамичностью. В поисках лучшего будущего мы несколько раз меняли в ней политический строй и научную парадигму. Каждая перемена – возвращение «к истокам» (фактически к историческому знанию XVIII века) и попытка начинать с нуля. При этом опыт работы в дискурсивных полях науки XX – начала XXI века тоже остается и известным, и востребованным. Благодаря таким переплетениям конфигурация источниковедческих знаний сегодняшнего дня выглядит особенно запутанной.

М. Ф. Румянцева подчеркивает особую роль источниковедения историографии в сложившейся ситуации. Согласно с ней. Тем более, что противоречивость современной источниковедческой культуры ярко проявляется и в этом сравнительно новом сегменте источниковедческого знания. Зато в нем заметнее те парадигмальные изменения, которые происходят в современном историческом знании. Например, в кандидатской диссертации М. П. Вальц «Рецепция идей немецких ученых в работе А. С. Лаппо-Данилевского “Методология истории”» (2015) [2] существенно изменяется представление, что есть научный факт в источниковедении историографии. Источниками в этой работе выступают цитаты из работ немецких ученых в знаменитом труде А. С. Лаппо-Данилевского, а искомыми историческими фактами – выявленные исследовательницей влияния и заимствования. По практикам – работа на уровне конца XIX века (найти вид или разновидность источников, определить, что есть исторический факт в данном конкретном случае,

собрать совокупность точных однозначных конкретных сопоставимых фактов), на уровне результатов – вносит вклад в интеллектуальную историю и историю культуры начала XXI века.

В современном источниковедении, способном быть системной дисциплиной, основным видится противоречие между источниковедением как специальной областью научного исследования и как учебной дисциплиной. Работая над темой, исследователь должен выстроить систему, в которой системообразующую роль будет играть его понимание природы источников, привлеченных к работе, и методов, пригодных для получения из них достаточно точных сопоставимых или хотя бы верифицируемых данных. Источниковед должен уметь ломать стереотипы. Учебная же дисциплина должна строиться на достаточно строгих дефинициях, которые должны оставаться системой координат, обеспечивающей сопоставимость получаемых данных. Давайте посмотрим, в какой многомерной системе координат работает с историографическими источниками источниковед. Пять макрофакторов определяют условия появления и существования историографических источников:

- 1) социально-экономический – действует на формирование субъектов и объектов исторических знаний, условия их развития и потребность в реализации определенных функций научных знаний;
- 2) социокультурный – обеспечивает усвоение социокультурного опыта конкретными носителями и потребителями исторических знаний;
- 3) социально-политический – создает поле совокупных социокультурных взаимодействий, складывающихся для реализации конкретных форм интенций и социальной активности людей;
- 4) социально-психологический – обеспечивает формирование типов создателей, носителей и потребителей исторических знаний; личные свойства профессиональных историков, любителей истории или тех, кто равнодушен к ней, интересуют источниковедов настолько, насколько они способствуют или мешают им реализовывать свое отношение или свой вклад в состояние и социокультурные функции исторического знания;
- 5) логико-гносеологический – создание конкретных форм исторического знания от фундаментальных монографий до учебной литературы для школьников и исторических сюжетов для их репрезентации самой широкой публике.

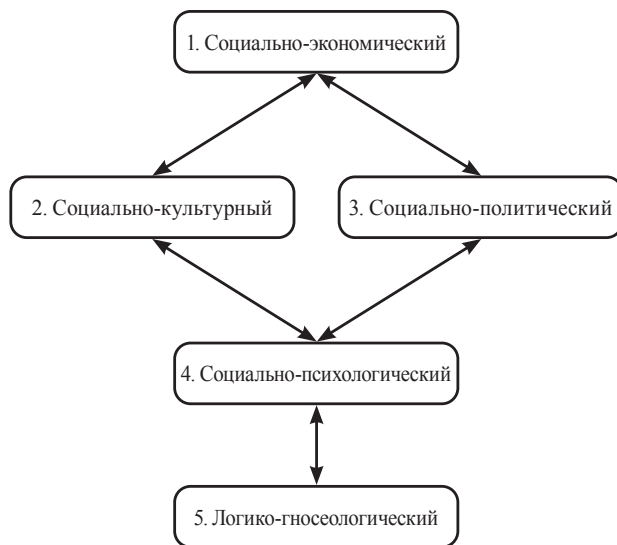

Рис. 1. Макрофакторы, определяющие появление, содержание, состав и функционирование историографических источников

Figure 1. Macro factors determining the occurrence, content, composition, and functioning of historiographical sources

Макрофакторы влияют друг на друга опосредованно. Их воздействие на историографические источники и актуальную историческую культуру конкретизируется через культурологические взаимодействия и взаимовлияния.

ВЫВОДЫ

Источниковедение эпохи Постмодерна рассматривает философские системы как исторические объекты исследования конкретного характера. Оно предпочитает поле культурологических взаимодействий для моделирования динамических процессов исторического знания. Логико-гносеологический фактор – результирующий на этом уровне взаимодействий. В поле логико-гносеологического фактора рождаются все виды и разновидности историографических источников и те источниковые комплексы, которые формируются в процессе их появления и функционирования. Уровни их логического обобщения постоянно меняются в процессе исследовательской практики, нередко в пределах одного исследования. С 1970-х годов по настоящее время источниковедение накопило определенный опыт в рамках подобных штудий. Главное в нем – потребность актуальной исторической культуры в освоении многофакторности исторического контекста, топологической природы исторического знания и динамической природы исторических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 304 с.
2. Вальц М. П. Рецепция идей немецких ученых в работе А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 25 с.
3. Гарскова И. М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб., 2018. 408 с.
4. Голиков А. Г., Круглова Т. А. Источниковедение отечественной истории: Учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений / Под ред. А. Г. Голикова. М.: Академия, 2014. 464 с.
5. Голиков А. Г., Круглова Т. А. Методика работы с историческими источниками: Учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Под ред. А. Г. Голикова. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 224 с.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
7. Источниковедение: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков [и др.]; Отв. ред. М. Ф. Румянцев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.
8. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 351 с.
9. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
10. Количественные методы в исторических исследованиях: Уч. пособ. для студ. вузов, обучающихся по спец. «История» / И. М. Гарскова, Т. Ф. Измestьева, Л. В. Милов и др.; Под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1984. 384 с.
11. Лосский Н. О. Чувствительная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. 400 с.
12. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
13. Минц С. С., Черемушников И. К. Человек в пространстве культуры. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2018. 400 с.
14. Померанц Г. С. Выход из транса. М.: Юрист, 1995. 575 с.
15. Теория и методология истории: Учебник и практикум для вузов / Под ред. А. И. Филюшкина. М.: Юрайт, 2023. 323 с.

Поступила в редакцию 13.01.2023; принята к публикации 31.01.2023

Original article

Svetlana S. Mints, Dc. Sc. (History), Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)
culture@kubsu.ru

SOURCE STUDIES OF THE LATE XIX – EARLY XXI CENTURIES BETWEEN PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY

Abstract. During the period from the late XIX to the early XXI century, historians increasingly began paying attention to dimensionality in history, with this process intensified in the 1970s. Scholars started to actively use various cyclical scales for measuring crisis phenomena, from the 3–4-year Kitchin cycle, 12-year Ignatyev cycles, and 45–60-year Kondratyev cycles to the *longue durée* historical time concept of Braudel, the scales of historical time and space of Pomerants, 400–600-year Fursov cycles, etc. The concepts of socio-economic formations and the stadial development of civilizations became pertinent again. It was one of the typical signs of shifting from one scientific paradigm to another on the scale of cultural and historical eras. The article discusses two aspects of the posed problems: the concepts of postmodernity and post-postmodernity and the framework outlining the position of the modern source-study knowledge of historiographical sources in the current historical culture. The author examines the structural composition of historical knowledge and changes in the problems of modern source studies from the perspective of replacing the scientific paradigm of the modern era with the paradigm of the postmodern era as a new historical and cultural epoch. Approaches to the study of sources created by different paradigms coexist in science because of the diversity of functions and the synthetic nature of historical knowledge. The postmodern science raises the question of the cultural content of historical knowledge, which allows modern source studies to introduce into the orbit of its functioning techniques and methods for studying the same sources in generalizations of different logical capacity and, most importantly, to ensure comparable trajectories of the historical thought movement during the transition from one level of generalization to another. The article compares the possibilities of source studies as a special and systemic discipline and offers a dynamic model of the discursive field of historiographical sources. The author emphasizes the demand of the current historical culture for mastering the multifactorial nature of the field of source studies, the topological nature of historical knowledge, and the dynamic nature of the postmodern historical models.

Key words: source studies of historiography, historical culture, Modern era, Postmodern era, generalization levels of different logical capacity, general systems theory, dynamical systems theory, structuralism, system method, modeling

Acknowledgements. The author expresses her sincere gratitude to Rodion Borisovich Galitsyn for his technical editing support.

For citation: Mints, S. S. Source studies of the late XIX – early XXI centuries between philosophy and culturology. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):88–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.874

REFERENCES

1. Borodkin, L. I. Modeling of historical processes: from reconstruction of reality to analysis of alternatives. St. Petersburg, 2016. 304 p. (In Russ.)
2. Valts, M. P. Reception of the ideas of German scholars in A. S. Lappo-Danilevsky's work *Methodology of History*: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (History). Moscow, 2015. 25 p. (In Russ.)
3. Garskova, I. M. Historical informatics: evolution of an interdisciplinary field. St. Petersburg, 2018. 408 p. (In Russ.)
4. Golikov, A. G., Kruglova, T. A. Source studies of national history: Textbook. (A. G. Golikov, Ed.). Moscow, 2014. 464 p. (In Russ.)
5. Golikov, A. G., Kruglova, T. A. Methods of working with historical sources: Textbook. (A. G. Golikov, Ed.). Moscow, 2014. 224 p. (In Russ.)
6. Gurevich, A. Ya. Categories of medieval culture. Moscow, 1972. 318 p. (In Russ.)
7. Source studies: Textbook. (I. N. Danilevsky, D. A. Dobrovolsky, R. B. Kazakov et al.; M. F. Rummyantseva, Ed.). Moscow, 2015. 685 p. (In Russ.)
8. Karsavin, L. P. Philosophy of history. St. Petersburg, 1993. 351 p. (In Russ.)
9. Kovalchenko, I. D. Methods of historical research. Moscow, 1987. 440 p. (In Russ.)
10. Quantitative methods in historical research: Textbook. (I. M. Garskova, T. F. Izmestyeva, L. V. Milov et al.; I. D. Kovalchenko, Ed.). Moscow, 1984. 384 p. (In Russ.)
11. Losky, N. O. Sensitive, intellectual and mystical intuition. Moscow, 1995. 400 p. (In Russ.)
12. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
13. Mints, S. S., Cheremushnikova, I. K. Person in the space of culture. Volgograd, 2018. 400 p. (In Russ.)
14. Pomerants, G. S. Breaking the trance. Moscow, 1995. 575 p. (In Russ.)
15. Theory and methodology of history: Textbook. (A. I. Filushkin, Ed.). Moscow, 2023. 323 p. (In Russ.)

Received: 13 January, 2023; accepted: 31 January, 2023

ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА СУКИНА

доктор исторических наук, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации

Институт программных систем Российской академии наук (Переславль-Залесский, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7692-2085; lbsukina@gmail.com

ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК: ПЕРСПЕКТИВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО РЕСУРСА

А н н о т а ц и я . Статья написана в русле актуального в современной социокультурной ситуации подхода, сформировавшегося в результате визуального поворота в исторической науке. В ней впервые анализируется специфика визуальных источников как информационного ресурса исследований российской истории. Автором использована методология когнитивной модели источниковедения, согласно которой изображение и письменный текст относятся к разным типам источников. Они отличаются не только материальными носителями, но и принципами кодировки информации. Цель статьи – показать перспективы и выявить объективные и субъективные ограничения в исследовании и декодировании историком различных изображений. Опыт работы с визуальными источниками различных эпох русской истории показывает, что продуктивные результаты возможны только при использовании специальных, строго продуманных методов и междисциплинарного подхода. При этом историка подстерегает целый комплекс проблем. Часть из них (отсутствие свободного доступа к изображениям, невозможность получить качественные копии и т. п.) не зависит от воли и профессионализма исследователя. Другие связаны с тем, что в изображениях, в отличие от привычных историку письменных источников, информация кодируется в виде образов, они требуют от ученого особой интеллектуальной подготовки, расширения его профессионального горизонта. Однако это не является поводом отказываться от такого важного информационного ресурса. Необходимо и дальше разрабатывать, совершенствовать и профессионально обсуждать методы источниковедческого анализа визуальных источников и их археографического описания.

Ключевые слова: русская история, источниковедение, визуальный источник, кодировка информации, методы анализа

Для цитирования: Сукина Л. Б. Визуальный источник: перспективы, проблемы и ограничения использования информационного ресурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 95–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.875

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ

Рассуждения о визуальном повороте и его месте в гуманитарном знании уже давно стали общим местом исследований, претендующих на «методологическое» качество. Однако это не отменяет важности понимания, что в современном мире изображение обладает не меньшей, а, возможно, даже большей силой воздействия на самые широкие массы людей, чем слово. Значительная доля информации в современных СМИ подается и продвигается в виде визуальных образов, несущих мощный эмоциональный заряд. Влияние визуальности сказалось даже на традиционных издательских практиках. Книги, в которых преобладающей формой передачи знаний на протяжении столетий был текст, снабжаются все большим количеством иллюстраций¹. Когда речь идет

о научной и научно-популярной исторической литературе, изображение становится не только частью исследовательского или просветительского нарратива, но и воспринимается, наряду с цитатами из документов, мемуаров и т. п., в качестве источника, на котором основываются рассуждения и доказательства авторов. Поэтому профессиональному историку волей-неволей приходится задумываться о том, какое место в его исследованиях и презентации их результатов должны занимать изобразительные / визуальные источники. При этом мышление историков (возможно, в силу «профессиональной деформации» еще в процессе получения образования) обладает известным консерватизмом. Нельзя не согласиться с Л. Н. Мазур, которая отмечает, что «визуальный поворот в исторической науке совершается медленнее, чем

в социологии и культурологии». Для историка «основой исторического знания и его символом» остается письменный источник, а «видимость» визуального источника воспринимается как вещь отвлеченная [3: 57].

Настороженность историков в отношении визуальных источников небезосновательна, так как методы и приемы их анализа еще плохо разработаны. Верифицировать заключенную в них информацию с помощью письменных источников, как предлагали крупные российские теоретики источниковедения М. Н. Тихомиров, С. О. Шмидт, И. Д. Ковальченко, В. А. Плугин и др., удастся далеко не всегда, и результаты такой верификации часто неоднозначны [8].

Я думаю, что при работе с изображениями историку необходимо иметь в виду сформулированное и обоснованное в последних работах О. М. Медушевской теоретическое положение, согласно которому исследуемая источниковедением эмпирическая реальность мира прошлого представляет собой структуру типов и видов исторических источников, отличающихся друг от друга не только материальными носителями, но и принципами кодировки информации [4], [5]. Примерно те же мысли, но по поводу подходов к исследованию символических изображений в 2004 году высказал современный французский историк М. Пастуро в своей монографии²:

«Каждый источник имеет свою специфику и по-своему интерпретирует действительность. <...> Тексты и изображения вообще принадлежат к разным дискурсам и должны изучаться и анализироваться различными методами» [6: 121].

Эти идеи, как я полагаю, сохраняют актуальность и во вновь востребованной неоклассической модели исторического знания (и источниковедения, в частности).

Ключевой термин предлагаемых мною размышлений – *визуальный источник*, под которым понимается исторический источник, содержащий информацию, закодированную в визуальных образах. Ввиду ограничения объема публикации нет возможности типологически дифференцировать визуальные (изобразительные) источники, как это делал С. О. Шмидт [11: 21]. Я также оставляю в стороне дискуссию, относить ли к визуальным источникам архитектурные сооружения, искусственные ландшафты и т. п., и буду иметь в виду только сюжетные изображения.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК КАК ИНФОРМАЦИОННЫЙ РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В различных моделях исследования прошлого и трансляции знания о нем, практикуемых совре-

менными историками, информация визуального источника может использоваться по-разному. При этом проявляются и разные проблемы и ограничения, связанные с его видовой спецификой.

Иллюстрация исследовательского текста или научно-популярного нарратива

Использование визуального источника как «иллюстративного материала» – до сих пор наиболее частый случай включения его информации в контекст рукописи или публикации исторического сочинения. Перед профессиональным историком при этом стоит задача подобрать иллюстрации, максимально синхронизированные с его собственным текстом и / или цитируемыми либо публикуемыми в нем письменными источниками. Это не так просто, особенно когда дело касается Средневековья или более отдаленных исторических эпох. Сохранившиеся изображения того времени в музейных каталогах и искусствоведческих исследованиях, которыми приходится пользоваться историку, часто имеют «плавающую» атрибуцию с большим разбросом хронологии и места происхождения.

Изображения, созданные в Новое и, особенно, Новейшее время, гораздо легче датировать (по крайней мере, привязать их к конкретному десятилетию), сопоставить с определенной страной, художественной или визуальной (фото, плакат, коллаж) традицией. В данном случае важно не ошибиться с интерпретацией эстетической, социокультурной, идеологической нагрузки изображения. В первую очередь необходимо понять, была ли такая нагрузка изначальной или она «вчитана» в источник позднее.

В качестве примера приведу казус художника Н. А. Касаткина (1859–1930) – мастера реалистической живописи, с именем которого справедливо связывают создание «революционных архетипов» в русском, а позднее и советском искусстве [2]. Но до 1917 года по известным причинам профессиональный заработок Касаткина был связан не с созданием образов «нового пролетариата», а с изображением сцен семейно-бытовых конфликтов, которые были востребованы тогда на художественном рынке. В советское время в музейных экспозициях и популярной литературе эти сцены нередко получали несвойственную им «революционную» интерпретацию, и сейчас исследователь, прежде чем проиллюстрировать свой текст картиной Н. А. Касаткина, должен разобраться, например, в том, что некая курсистка жжет в камине – прокламации или переписку с бывшим поклонником³.

Отдельную проблему представляет собой иллюстрирование исторических нарративов асинхронными изображениями – как правило,

работами русских и зарубежных художников XIX–XX веков на темы прошлого. Исторический жанр в этот период истории искусства был лакмусовой бумажкой, которой в академиях и художественных салонах всего мира проверяли профессионализм живописца. Поэтому он столь обильно и разнообразно представлен в творчестве многих крупных мастеров. Но перед ними стояла задача не достоверной реконструкции прошлого «как оно было на самом деле», а создания художественного образа, созвучного историческим представлениям современников, сформированным социально ориентированным историописанием, в том числе «большим историческим нарративом» классической эпохи европейской культуры⁴. Кроме того, в «картинах истории» претворился мир эмоций и творческой фантазии, колористических предпочтений и живописных навыков художников, их «культурный багаж», социальный и визуальный опыт, зафиксированы типы натурщиков, с которыми они предпочитали работать не только над этими, но и над другими произведениями. Если подходить к этим изображениям со строгой источниковедческой меркой, то для использования их в качестве иллюстраций для современного исторического нарратива или учебных пособий оснований не больше, чем сопровождать описание европейского Средневековья кадрами из сериала «Игра престолов». Однако это не значит, что произведения исторической живописи не являются визуальными источниками. Картины художников XIX – начала XX века, как и произведения современных нам живописцев на исторические темы, содержат очень важную информацию о восприятии прошлого массовым сознанием определенной эпохи, способах фиксации его образов в исторической памяти широких социальных слоев, работе механизмов исторической, культурной и национальной идентификации. Констатация этого обстоятельства подводит нас к размышлению о собственной источниковой ценности изображений.

Визуальный источник в историческом исследовании

Визуальный источник способен дополнить и уточнить информацию, полученную исследователем из письменных источников. Несомненно, в биографических и просопографических работах историков изображения персон или представителей «социальных типов», о которых идет речь, не только «украшают» исследование, но и органично входят в его ткань. Так, например, сохранившийся портрет вологодского куп-

ца XVII века Г. М. Фетиева вкупе с портретами людей, с которыми он общался по роду своей деятельности и собственной воле, вместе с архивными документами создают полнокровный образ богатого «гостя» допетровской Руси [10].

Особое значение визуальные источники приобретают в исследовании социальных и культурных процессов и явлений исторических периодов, небогатых письменными источниками. К различным изображениям часто обращаются историки, занимающиеся древним и средневековым Востоком, Античностью, а в последнее время и европейским и русским Средневековьем. Работа с визуальными источниками для них связана отчасти с тем же комплексом проблем, с которым сталкиваются исследователи, занимающиеся письменными источниками. Это сложности в функционировании архивов, библиотек и музеев, приводящие к малодоступности подлинников.

Не имея возможности изучать источник *de visu*, историк вынужден обращаться к его воспроизведениям в различных публикациях. И здесь уже у исследователей изображений возникают специфические трудности, связанные с особенностями кодировки визуальной информации с помощью не только графических средств, но и цвета, фактуры и т. п.

Высокая стоимость профессиональных фотоснимков изображений, в которую входит цена за право копирования, ограничивает возможность работать и с высококачественными репродукциями. Как справедливо пишет М. Пастуро, придающий первостепенное значение в изображениях символике цвета, это обстоятельство уже привело к искажению восприятия историками целых культурных эпох. Он также отмечает, что ситуация остается таковой и поныне, так как из-за дороговизны типографских расходов издатели стремятся сократить количество цветных иллюстраций в книгах [6: 119]. От себя добавлю, что, в отличие от исследователя, публикующего письменный источник, источниковед, работающий с изображением, не имеет общепризнанных профессиональных инструментов («правил археографии»), позволяющих передать важнейшие формальные особенности подлинника «машинным» способом набора его «текста». Вербальное описание визуального источника также дает совсем немного шансов, чтобы верифицировать выводы изучавшего его историка.

Хотелось бы коснуться еще одной важной проблемы, связанной с методологией интерпретации изображений в историческом исследовании. Дисциплинарная организация гуманитарного знания сложилась таким образом, что история

как таковая и история искусства относятся к разным специализациям. Причем в университетской системе образования и науки история искусства организационно может быть отнесена и к историческим наукам, и к культурологии, и к «свободным искусствам», но в любом случае подготовка историка искусства как разновидности «искусствоведа» довольно специфична и серьезно отличается от подготовки профессионального историка. В произведении искусства искусствовед видит одно, а историк совсем другое. Как блестяще показал в своей книге о Пьеро делла Франческа К. Гинзбург, извлеченная представителями разных «исторических» специализаций информация и ее интерпретация не равнозначна и не взаимозаменяема [1]. Исследование К. Гинзбурга замечательно демонстрирует также, что историк не должен слепо доверять выводам коллег-искусствоведов. Порой, двигаясь своим путем, он способен не только дополнить их, но и существенно скорректировать зафиксированную в искусствоведческих работах и музейных каталогах-резоне атрибуцию изображения. В то же время искусствоведы и реставраторы произведений искусства обладают доступом к тем инструментальным возможностям, каких нет в распоряжении историка. В таком случае их наблюдения могут иметь первостепенное значение и для источниковедческого анализа картины, фрески, иконы и т. п. Новые находки, сделанные во время реставрационных и консервационных процедур, и выдвинутые на их основе гипотезы или сформулированные выводы способны сыграть решающую роль в верификации или фальсификации предыдущего источниковедческого исследования. Характерным примером может служить некогда резонансная работа В. А. Плугина, посвященная реконструкции мировоззрения Андрея Рублева на основе источниковедческого анализа произведений этого знаменитого иконописца [7]. В конце 1960 – начале 1970-х годов, когда Плагин занимался своим исследованием, ни у кого не было сомнений в атрибуции использованных им иконописных изображений Андрею Рублеву. Однако реставрационные наблюдения последнего времени перевели этот вопрос в дискуссионную плоскость. Если будет убедительно доказано, что большая часть известных ученым и тради-

ционно атрибутируемых Рублеву произведений не только не принадлежит его кисти, но и вообще написана разными мастерами последних десятилетий XIV – начала XV века, то и выводы историка придется трактовать иначе⁵.

Археографическое описание визуального источника

Любое использование визуального источника в историческом исследовании ставит и задачу его корректного археографического описания. Отчасти эта проблема уже рассматривалась мною на материале лицевых рукописей [9], поэтому здесь я ограничусь только несколькими общими замечаниями. В настоящее время существуют две основные формы описания изображений: 1) представленная в каталогах-резоне произведений одного художника или музейной коллекции исчерпывающая на данный момент информация, включающая краткую аннотацию, данные о датировке, размере, технике, участии в выставках, библиографические ссылки на упоминания в справочной и исследовательской литературе, провенанс⁶; 2) краткие каталожные данные, используемые в подписи к воспроизведению изображения в исследовании и / или в прилагаемом к нему списке визуальных (изобразительных) источников. В последние годы в книгоиздании наметилась тенденция дрейфа от второго варианта к первому, но оптимальная форма археографического описания визуального источника все еще нуждается в профессиональном обсуждении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, современный социокультурный и эпистемологический контекст исторического знания провоцирует профессиональных историков к более широкому использованию визуальных источников. Поэтому необходимо методологическое осмысление изображений как иного, по отношению к письменным источникам, дискурса, обладающего самостоятельным информационным потенциалом и использующего оригинальные способы кодировки информации. Очевидно, что для получения верифицируемых результатов нужно разрабатывать, совершенствовать и профессионально обсуждать методы источниковедческого анализа визуальных источников и их археографического описания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современном книгоиздании уже нередки случаи, когда текст становится фактически только предлогом для публикации «картинок» и выступает в виде своего рода развернутых подписей к ним. Это нравится читателям, охотно покупающим именно такие книги, и получает одобрение профессионалов книжного дела в форме различных премий и наград. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, ознакомиться с лонг-листами последних лет авторитетной и по праву уважаемой в профессиональных кругах премии «Просветитель».

- ² Pastoureaux M. Une Histoire symbolique du Moyen Âge Occidental. Éditions du Seuil, Paris, 2004. В настоящей работе я ссылаюсь на русское издание этого труда, внесенное в список литературы.
- ³ К счастью для исследователей, Н. А. Касаткину была свойственна тяга к литературной деятельности. Сюжеты части своих картин он описал в рассказах, публиковавшихся в массовых журналах, другие зафиксировал в рукописных записях и письмах к друзьям (см. подробнее: Ситник К. А. Н. А. Касаткин. Жизнь и творчество. 1859–1930. М.: Искусство, 1955. 422 с.).
- ⁴ Об этом, например, на материале русской живописи подробно пишет в своих недавних книгах Е. В. Анисимов. См.: Анисимов Е. В. 1) Письмо турецкому султану. Образы России глазами историка. СПб.: Арка, 2013. 360 с.; 2) Русское искусство глазами историка, или Куда ведет Сусанин. СПб.: Арка, 2016. 360 с.; 3) 100 картин русской истории. СПб.: Арка, 2020. 632 с.
- ⁵ Следует отметить, что большинство своих выводов В. А. Плагин сделал на основе анализа письменных источников, а традиционные для искусствоведения формально-стилистический и иконографический методы исследования иконописи использовал минимально. В своей работе он, скорее, очертил круг идей, с которыми могли быть знакомы иконописцы элитарной группы, выполнявшие крупные государственные и церковные заказы [7]. До какой степени они характеризовали личное мировоззрение конкретно Андрея Рублева, не вполне ясно.
- ⁶ Провенанс – история происхождения и бытования художественного произведения или предмета антиквариата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Г и н з б у р г К. Загадка Пьеро: Пьеро делла Франческа. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 216 с.
2. Е п и ш и н А. С. Революционные архетипы в произведениях русской живописи 1880–1910-х годов. Эволюция образов // Человек и культура. 2012. № 1. С. 188–205 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_95.html (дата обращения 15.12.2022).
3. М а з у р Л. Н. Визуальный поворот в исторической науке: от текста к образу // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей. М.: Нестор-История, 2019. С. 52–72.
4. М е д у ш е в с к а я О. М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.
5. М е д у ш е в с к а я О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX Междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: В 2 ч. М.: РГГУ, 2008. Ч. 1. С. 24–34.
6. П а с т у р о М. Символическая история европейского Средневековья. СПб.: Александрия, 2019. 448 с.
7. П л у г и н В. А. Мировоззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы): Древнерусская живопись как исторический источник. М.: МГУ, 1974. 160 с.
8. С у к и н а Л. Б. Визуальные источники русского Средневековья в историческом исследовании: некоторые методологические наблюдения // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 4, №. 4. С. 113–132.
9. С у к и н а Л. Б. Лицевые рукописи в музейных собраниях: задачи и проблемы археографического описания // Археография музейного предмета: Материалы Междунар. науч. конф. Москва, 16–17 марта 2012 г.; Отв. ред. Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2012. С. 167–170.
10. Ч е р к а с о в а М. С. Купец Г. М. Фетиев: исследование и архив. Вологда: Древности Севера, 2020. 256 с.
11. Ш м и д т С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Т. 16. С. 3–24.

Поступила в редакцию 19.12.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Liudmila B. Sukina, Dr. Sc. (History), Program Systems Institute of the Russian Academy of Sciences (Pereslavl-Zalessky, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7692-2085; lbsukina@gmail.com

VISUAL SOURCE: PERSPECTIVES, PROBLEMS AND LIMITATIONS OF ITS USE AS AN INFORMATION RESOURCE

Abstract. The article is written in line with the approach that is relevant in the modern socio-cultural context and has formed as a result of the so-called “visual turn” in historical science. It analyzes, for the first time, the specifics of visual sources as information resources for studying Russian history. The author used the methodology of the cognitive model of source studies, according to which images and written texts belong to different types of sources. They differ not only by their material media, but also by the information encoding principles. The purpose of the article is to show the perspectives and identify the objective and subjective limitations in the study and decoding of various images by

a historian. The experience of working with visual sources from different eras of Russian history shows that productive results are possible only with the use of special thoroughly designed methods and the interdisciplinary approach. And even then a historian will face a wide range of problems, some of which (e. g., the lack of free access to images, inability to obtain high-quality copies, etc.) do not depend on the researcher's will and professionalism. Other problems are related to the fact that images, unlike written sources familiar to a historian, encode information in the visual form and require special intellectual training expanding the researcher's professional horizons. This is by no means a reason to dismiss such an important information resource. It is necessary to further develop, improve, and professionally discuss the methods of source analysis of visual sources and their archaeographical description.

Key words: Russian history, source studies, visual source, information encoding, analysis methods

For citation: Sukina, L. B. Visual source: perspectives, problems and limitations of its use as an information resource. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):95–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.875

REFERENCES

1. Ginzburg, K. Piero riddle: Piero della Francesca. Moscow, 2019. 216 p. (In Russ.)
2. Epishin, A. S. Revolutionary archetypes in Russian paintings of the 1880s and the 1910s. The evolution of images. *Man and Culture*. 2012;1:188–205. Available at: http://e-notabene.ru/ca/article_95.html (accessed 15.12.2022). (In Russ.)
3. Mazur, L. N. Visual turn in historical science: from text to image. *The role of visual sources in the information support of historical science: Collected articles*. Moscow, 2019. P. 52–72. (In Russ.)
4. Medushevskaya, O. M. Theory and methodology of cognitive history. Moscow, 2008. 358 p. (In Russ.)
5. Medushevskaya, O. M. The empirical reality of the historical world. *Auxiliary historical disciplines – source studies – methodology of history in the system of humanitarian knowledge: Proceedings of the XX international research conference. Moscow, January 31 – February 2, 2008: In 2 parts*. Moscow, 2008. Part 1. P. 24–34. (In Russ.)
6. Pastoureaux, M. Symbolic history of the European Middle Ages. St. Petersburg, 2019. 448 p. (In Russ.)
7. Plugin, V. A. Andrey Rublyov's worldview (some problems): Old Russian painting as a historical source. Moscow, 1974. 160 p. (In Russ.)
8. Sukina, L. B. Visual sources of Old Russia in historical research: some methodological observations. *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;4(4):113–132. (In Russ.)
9. Sukina, L. B. Illuminated manuscripts in museum collections: tasks and problems of archaeographical description. *Archeography of museum objects: Proceedings of the international research conference, Moscow, March 16–17, 2012*. (D. A. Dobrovolsky, R. B. Kazakov, M. F. Rumyantseva, Eds.). Moscow, 2012. P. 167–170. (In Russ.)
10. Cherkasova, M. S. Merchant G. M. Fetiev: research and archive. Vologda, 2020. 256 p. (In Russ.)
11. Schmidt, S. O. Classification of historical sources. *Auxiliary historical disciplines*. Leningrad, 1985. Vol. 16. P. 3–24. (In Russ.)

Received: 19 December, 2022; accepted: 10 January, 2023

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ БЕЛЯВСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

bialiauski@bsu.by

НУЖНО ЛИ УБИВАТЬ ДРАКОНА, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИРЛАНДИИ

А н н о т а ц и я . В историографии постколониальных исследований Ирландия представляет особый интерес, поскольку эта страна стала одной из первых британских колоний, добившихся независимости. Соответственно, определенные тенденции в ее развитии, в том числе в историографии и методах исследования исторических источников, берут начало почти на полвека ранее, чем в других бывших британских колониях. Это дает возможность делать осторожные прогнозы о появлении определенных проблем постколониальной историографии в целом и возможных путях их решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : постколониальные исследования, ревизионизм, историография истории Ирландии, источниковедение, Мишель де Серто

Д л я ц и т и р о в а н и я : Белявский А. М. Нужно ли убивать дракона, или Исторический ревизионизм как методологическая проблема постколониальных исследований на примере Ирландии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 101–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.876

В самом начале XXI века в ирландском историческом сообществе разгорелся жесткий конфликт, в некоторые моменты даже переходивший на уровень выяснения личных отношений. Огонь этого спора ярко высветил проблемы, которые представляются актуальными для историографии большинства постколониальных стран. Предметом разбирательств стала трактовка нескольких событий периода, сейчас обычно называемого ирландской революцией (1916–1923, но датировка варьируется). Несомненно, «дров в костер» подбрасывали приближавшиеся столетние юбилеи этого периода. События, о которых идет речь, обычно называют «засада в Килмайкле» (уничтожение отрядом Ирландской республиканской армии (ИРА) автоколонны с британскими солдатами 28 ноября 1920 года в графстве Корк) и «резня в Бандонской долине» (15 убийств мирных жителей, протестантов в том же графстве Корк 26–28 апреля 1922 года, совершенные неизвестными, предположительно местными бойцами ИРА). Для понимания сути спора нужна небольшая преамбула.

На протяжении большей части XX века в ирландской историографии доминирующим (даже официальным) был консервативный националистический нарратив, представлявший революционный период как «героическую войну ирландского народа за независимость», «венчавшую восьмьсот лет вооруженного сопротивления

ния угнетению». Его основными авторами были участники революционных событий (Дороти Макардл, Пирас Бисли, Флоренс О’Донохью), а затем дети таковых (Тим Пат Куган). Немалую роль в закреплении этого нарратива играли автобиографии полевых командиров ИРА (Том Барри¹, Дэн Брин²). Все они в той или иной степени пользовались почетом и уважением власти, но, как правило, не имели академического статуса. Основным мотивом в их текстах было изобличение жестокости британских колонизаторов и прославление благородства и героизма ирландских повстанцев, особенно их лидеров, если немного утрировать эту картину для наглядности. Некоторые крупные фигуры революции (Калл Бру, Лиам Линч, Рори О’Коннор, Лиам Меллоуз и др.), правда, при этом были убраны в тень по причине их участия в гражданской войне, которой закончилась революция, на стороне «иррегулярных войск» (то есть оппозиции из ИРА, не признавшей легитимность Свободного ирландского государства). О гражданской войне 1922–1923 годов этот нарратив вообще предпочитал умалчивать по возможности. Но в целом самые непримиримые лидеры оппозиционеров в той войне погибли (все четверо вышеназванные), а оставшиеся в живых либо сменили радикальные убеждения и тактику (Эймон Де Валера, Фрэнк Эйкен), либо ушли с политической арены (как Том Барри и Дэн Брин), в результате целено-

сти официальной националистической трактовки революционных событий ничто с этой стороны не угрожало.

Характерной чертой этого периода в историографии можно признать достаточно слабое внимание авторов к источниковой базе исследований. Поскольку большинство из них были непосредственными участниками исторических событий, то и писали они на основе личного опыта, что фактически сильно сближало их работы с мемуаристикой. Как интересный вариант можно отметить серию книг Эрни О'Мэлли – еще одного яркого героя революционного периода – «Люди будут со мной говорить» (“The Men Will Talk To Me”, намек на то, что участники гражданской войны крайне неохотно говорили о ней), построенных на интервью с рядовыми бойцами ИРА из графств Голуэй, Клэр, Корк, Керри и из северных дивизий (Ольстер). Однако говорить о методах устной истории здесь тоже не приходится. Личный опыт вкупе с явной политической ангажированностью авторов, наличие выраженных оценочных суждений о событиях, а также отсутствие серьезной академической подготовки сводили уровень критичности в работе с источниками до минимума.

Но примерно с 1950-х годов иной, более критический взгляд на ирландскую историю начал развиваться в академической среде. Одним из первых таких ученых считается Теодор Уильям Муди, выпускник Королевского университета Белфаста (докторскую защитил в Институте исторических исследований в Лондоне), профессор дублинского Тринити-колледжа. При деятельной поддержке своего лондонского коллеги и друга Роберта Дадли Эдвардса он попытался учинить пересмотр (ревизию) методологии и мифологии в ирландской истории. Самым главным и опасным из мифов он считал представление об истории Ирландии с 1169 года как о непрерывной борьбе «морально безупречных» ирландцев со «злодеями-англичанами» [9]. В целом критика Муди получилась весьма последовательной и аргументированной, во многом благодаря профессиональной работе с источниками. Из следующего поколения ирландских ревизионистов самым ярким лицом стал Рой Фостер, профессор Оксфордского университета. Докторскую он защитил в Тринити-колледже и вообще считается учеником Муди. Он подверг пересмотру уже не только основные мифы, но и знаковые фигуры, события и периоды ирландской истории с точки зрения психологии памяти, мотивации историка, самих исторических персонажей и т. п. [6], [7]. Фостер даже стал лауреатом Президентской медали Британской академии за одну из своих работ («Vivid Faces», название – аллюзия на стихотворение Йейтса «1916»). Обратим здесь

внимание на то, что все указанные учебные заведения – протестантские.

Какое-то время оба нарратива относительно мирно существовали в своих нишах: один – в масскультуре, второй – в университетах. Однако ближе к концу столетия их сферы все же пересеклись, что вылилось в ту самую дискуссию. С одной стороны, это было связано с резонансным публичным успехом книг Роя Фостера, а с другой – с попыткой молодого канадского историка Питера Харта вписать ирландскую революцию в контекст общеевропейских событий, причем современных выходу его книги «ИРА и ее враги» (на основе докторской диссертации) в 1998 году [8], а именно, сопоставить ее с этническим конфликтом на Балканах. Герой Килмайкла Том Барри в интерпретации Харта оказался жестоким убийцей сдавшихся в плен британских солдат, а резня в Бандонской долине – организованной этнической чисткой. Соответственно (по логике автора), и вся война в Ирландии за независимость превратилась в этноконфессиональный конфликт, в котором, заметим, имперские власти уже становились не «виновниками», а «невольными участниками». Британская сторона, конечно, не оставила сей труд без внимания и щедро одала автора призами и пиаром.

С доказательной стороной, однако, у Питера Харта оказалось значительно хуже, чем у его старшего коллеги по ревизионизму Фостера. Харт в основном опирался на воспоминания трех участников засады в Килмайкле, имена которых он предпочел не раскрывать «из соображений конфиденциальности», а в отношении резни в Бандонской долине – на некий документ, якобы содержавший список местных жителей, сотрудничавших с британскими властями, в соответствии с которым осуществлялись похищения и убийства после того, как он попал в руки ИРА. Объединенными усилиями как некоторых академических ученых (в основном из католических учебных заведений), так и историков-любителей – сторонников первого из описанных нарративов гипотеза Харта была разгромлена. Значительную роль в этом сыграло опровержение источников, использованных канадским историком, и приведение других, более «объективных». Тем не менее, несмотря на убийственные доводы против источниковой базы и методов доказательства, концептуальная основа исследования Харта по-прежнему пользуется уважением в академической среде (при поддержке его научного руководителя, профессора Тринити-колледжа Дэвида Фитцпатрика [5]), а его версия событий озвучивается в популярных документальных фильмах как «альтернативный взгляд». Более подробно эту ситуацию в ирландской историографии я разбирал в специальных публикациях [1], [2].

Таким образом, мы видим, что попытка первых постколониальных историков создать национально ориентированный, но историографически наивный антиимперский исторический нарратив впоследствии развенчивается их собственными соотечественниками (при деятельной поддержке имперских «старших товарищей») под флагом академической строгости научного исследования, оперирующего историческими источниками. Новое поколение патриотически настроенных историков разворачивает борьбу с ревизионизмом, но уже оперируя источниками, опровергающими выводы оппонентов. В то же время становится заметно, что увеличение в геометрической прогрессии источников разных видов в XX веке – и особенно личного происхождения – позволяет создавать рационально и эмоционально убедительную доказательную базу для любой из полемизирующих сторон методом включения одних источников и исключения (опровержения) других, при этом оставаясь в целом в рамках общепринятого научного метода. «Разгромлен» был ведь только Харт, другие ревизионисты вполне успешны. В чем причина возникновения подобного замкнутого круга и может ли быть из него выход?

Традиционная историография, продукт метрополий, вместе с ее методологией, ориентированной на поиск и установление фиксированной «объективной» («истинной») картины прошлого на основе источников, по сути соответствует тому, что Мишель де Серто писал о стратегиях власти, в частности *власти знания*, реализуемой через способность преобразовывать исторические неопределенности в прочитываемые пространства:

«...власть – это *предварительное условие этого знания*, а не только его следствие или атрибут. Она делает его возможным и в то же время определяет его характеристики» [4: 110].

Историография постколониальных стран, подчиняющаяся этим стратегиям, оказывается вечно обреченной на поиск «своего места», которого в принципе не существует, поскольку это место уже присвоено имперской историографией. Такая постколониальная история становится частью системы воспроизводства идеологии, всегда направленной на уничтожение ее же (колонии и постколонии) идентичности. Условия, делающие исследование научным, определяют и его характеристики, позволяющие его опровергать. Эта система навязывает поле деятельности, постановку вопросов («кто виноват?», «как было на самом деле?») и направления поиска ответов, помещая постколониального историка в лучшем случае в состояние вечной ущербности, гибридности, с попытками быть «почти как они», потому что «они» это уже сделали раньше – и априори лучше. Метафорически это можно объяснить

японской легендой о том, как воин, убивающий дракона, превращается в него сам.

Огромное количество зачастую противоречащих друг другу источников (физически неохватное в рамках отдельно взятого исследования) в отношении событий XX века в сочетании с совершенствованием методов их критики (как ни странно) фактически позволяет доказывать любую необходимую по тем или иным причинам версию исторического нарратива и опровергать неудобную – но только одной стороне. Исторический источник в XX и особенно XXI веке вместо средства достижения истины, как в XIX веке, уже оказывается средством ее контроля. Сама концепция историографии, основанная на идее возможности построения единственно верной, объективной исторической репрезентации, основанной на исторических источниках как средствах доказательства, начинает походить на коммерческое производство, «рационализированное, экспансионистское, централизованное, зрелищное и шумное» [4: 103]. Основные исторические нарративы выстроены, вестернизированы, настроены на воспроизводство и обладают всеми средствами отражения выпадов против них. Их можно опровергать, но только по их правилам, и они *уже есть*, а борьба с ними только вокализует их еще больше. У постколоний же своих нарративов нет, и все попытки их создать также дают возможность их опровергнуть. Это примерно похоже на ситуацию в современной музыкальной (и не только) индустрии, тотально контролирующей и продукт, и его производителей, и его потребителей. Достаточно вспомнить, как еще в 1983 году компания «Геффен Рекордз» подала в суд на Нила Янга за то, что он перестал «быть похожим на себя», и выиграла процесс. Альтернативой такому производству может быть только «потребление» с его «уловками, распылением по воле случая, браконьерством, подпольем, непрерывным бормотанием, короче, почти незримостью» [4: 103].

Выходом для историографии постколоний может стать обращение к тактикам использования чужого пространства, как это называл де Серто. Ее путь – в выворачивании стилей и способов письма традиционной колониальной историографии и того, что эта историография выдает за «постколониальный» продукт, сохраняя прежние объективистские интенции. Ее средства – это игра значений через их умножение, ирония и прочие «риторические изменения (метафорические отклонения, эллиптические сгущения, метонимические операции и т. д.)» [4: 114]. Ей остается писать «на полях», изменять значения, превращать фиксированное в изменчивое, постоянные – в переменные. Стратегии производят, размечают и навязывают пространства, но тактики способны менять типы операций, осуществ-

вляемых в этих пространствах, «использовать их, манипулировать ими и перестраивать их» [4: 101]. Другими словами, должен произойти перенос «центра тяжести» с источника на стиль письма. Очевидно, на этом пути нужно будет отказаться и от идеи истории как «царства покоя в прошлом», и от попыток централизованного контроля над этим царством, основанного на исторических источниках (но не от них самих).

Все это не просто лозунги. Образцы такого исторического письма как раз есть в ирландской литературе, накопившей громадный опыт выживания в колониальной «стратегии», начиная от Свифта. Уже то, что ирландская литература мирового значения создавалась на английском языке, свидетельствует о наличии и успешности ее тактик. В XX веке это Шон О'Фэйлан (О'Фаолейн в советской транслитерации, 1900–1991) как собственно почти историк (и это «почти» само по себе особый маркер вынесения «за скобки», «на периферию»). История, к которой обратился О'Фэйлан, это «история» в ее первом значении – *рассказ*. Это верно и в отношении его рассказов о периоде революции³, и собственно исторических книг: «История Ирландии» (характерно название на английском, “The Story of Ireland”, 1943 – использование термина *story* вместо *history*), «Ирландцы» (“The Irish: A Character Study”, 1947), «История ирландского народа» (“The Story of Irish People”, 1949), а также биографии исторических личностей. Писателей следующего за ним поколения (он во многом их воспитал, предоставляя возможность печататься в редактируемом им журнале «Белл») даже «почти историками» не считают: Брайан Фрил (1929–2015)⁴, Шеймас Дин (1940–2021)⁵, братья Брендан (1923–1964) и Доминик (1928–1989) Биэны, но все они касались исторической тематики в той или иной форме. В жанровом отношении здесь полное разнообразие: драма, проза, поэзия, баллады в уличном стиле. Можно, конечно, упомянуть и Джеймса Джойса как высочайший, трудно достижимый уровень: «Улисс» ведь, кроме всего прочего, это и невероятная по детализации история Дублина, оказавшая и продолжающая оказывать огромное влияние на формирование идентичности жителей этого города. По части стиля нельзя пропустить Флэнна О'Брайена

(1911–1966) и его псевдоисторические экскурсы в романах «Архив Долки»⁶ и «О водоплавающих»⁷. Обращаясь опять же к метафорам де Серто, это путь ребенка, разрисовывающего учебник [4: 103]. Более того, очень характерно, что подобный подход мы можем обнаружить теперь и в других постколониях. Например, в Индии это «Великий индийский роман» (1989) Шаши Тарура, а также произведения Амитава Гоша, среди которых я бы выделил не самое известное, но одно из первых – «В древней земле» (1992)⁸. Фактически это научное исследование, написанное в мастерском и новаторском художественном стиле, параллельно рассказывающее переплетающиеся истории современного антрополога, работающего в двух египетских деревнях, и еврейского купца, жившего в тех же местах в XII веке. Реконструкция жизни купца была выполнена по документам из каирской генизы. Совсем из другого региона чилиец Бенхамин Лабатут, но его последняя книга «Когда мы перестали понимать мир» (2022)⁹ также основана на сочетании кропотливой работы с источниками и художественного вымысла в такой степени, что для ее жанрового определения придумали новый термин – *нон-фикшн роман* [3].

Все эти авторы в смысле подхода перекликаются с названными ирландскими писателями. Рассказы и книги Шона О'Фэйлана и Шеймаса Дина, баллады Доминика Биэна, драмы Брендана Биэна и Брайана Фрила основаны на разных видах исторических источников – фольклор, собственная память, документы и т. п., но все обладают достоверностью иного порядка, психологической и художественной, и, что самое важное, способностью не менее успешно выполнять основную функцию той разновидности мифологии, которую мы называем историей: «связь времен», построение идентичности сообществ людей в настоящем через интерпретацию их прошлого. При этом эксперименты с языком и стилем становятся той «уловкой», с помощью которой постколониальная историография открывает более свободное пространство для письма, вспомнит, что история может быть многоликой, ориентированной не только на модернистский идеал объективности, и, соответственно, сможет вырваться из бесконечного круга попыток «убить дракона».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Barry T. Guerrilla Days in Ireland. Cork: Mercier Press, 2013. 384 p.

² Breen D. My Fight for Irish Freedom. Cork: Mercier Press, 2010. 208 p.

³ О'Фаолейн Ш. Безумие в летнюю ночь: Рассказы / Пер. с англ. Л. Беспаловой. М.: Известия, 1986. 160 с.

⁴ Friel B. Translations. London: Faber and Faber, 1981. 94 p.

⁵ Дин Ш. Чтение в темноте / Пер. с англ. Е. Суриц. М.: Иностранка, 2001. 234 с.

⁶ О'Брайен Ф. Архив Долки / Пер. с англ. Ш. Мартынова. М.: Додо Пресс: Фантом Пресс, 2017. 320 с.

⁷ О'Брайен Ф. О водоплавающих / Пер. с англ. В. Симонова и В. Черныша. СПб.: Симпозиум, 2000. 448 с.

⁸ Ghosh A. In an antique land. London: Granta Books, 1992. 400 p.

⁹ Лабатут Б. Когда мы перестали понимать мир / Пер. с англ. П. Казанковой. М.: Ad Marginem Press, 2022. 208 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белявский А. М. Медиаобраз героя войны за независимость в Ирландии: Том Барри и Килмайкл // Война и идентичность: Сб. ст. по итогам науч. семинара кафедры соц. наук УО «Военная академия Республики Беларусь» и Центра евраз. исследований РГСУ (филиал в г. Минске), Минск, 26 февр. 2015 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь; Под общ. ред. А. А. Киселева. Минск: ВА РБ, 2016. С. 11–27.
2. Белявский А. М. Межконфессиональный конфликт в Ирландии в 1916–1923 гг. как исторический миф: проблема интерпретации в историографии конца XX – нач. XXI вв. // *Orientalia Christiana Cracoviensia*. 2017. № 9. S. 67–102.
3. Казанкова П. Бенхамин Лабатут как латиноамериканский писатель XXI века. Точность поэта, воображение ученого // *Ad Marginem* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://admarginem.ru/2022/10/20/labatut_latin_america/ (дата обращения 15.12.2022).
4. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
5. Fitzpatrick D. Ethnic cleansing, ethical smearing, and Irish historians // *History. The Journal of the Historical Association*. 2013. Vol. 98. Issue 329. Jan. P. 135–144.
6. Foster R. *Modern Ireland, 1600–1972*. London; New York: Penguin Books, 1989. 688 p.
7. Foster, R. *Vivid faces: The revolutionary generation in Ireland, 1890–1923*. London; New York: W. W. Norton & Company, 2015. 480 p.
8. Hart P. *The I. R. A. and its enemies: Violence and community in Cork, 1916–1923*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 368 p.
9. Moody T. W. Irish history and Irish mythology // *Hermathena*. 1978. No 124. Summer. P. 6–24.

Поступила в редакцию 19.12.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Alexander M. Bialiauski, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
bialiauski@bsu.by

SHOULD WE KILL THE DRAGON, OR HISTORICAL REVISIONISM AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF POST-COLONIAL STUDIES (THE CASE OF IRELAND)

Abstract. In the historiography of post-colonial studies, Ireland may be of particular interest, since this country was one of the first British colonies to achieve independence. Accordingly, certain trends in its development, including historiography and methodology of historical source studies, emerged almost half a century earlier than in other former British colonies, which makes it possible to make cautious predictions about the occurrence of certain problems of post-colonial historiography in general and some possible ways to solve them.

Key words: post-colonial studies, revisionism, historiography of Irish history, historical source studies, Michel de Certeau

For citation: Bialiauski, A. M. Should we kill the dragon, or historical revisionism as a methodological problem of post-colonial studies (the case of Ireland). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):101–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.876

REFERENCES

1. Bialiauski, A. M. Media image of the hero of the Irish War of Independence: Tom Barry and Kilmichael. *War and identity: Proceedings of the research seminar of the Department of Social Sciences of the Military Academy of the Republic of Belarus and the Minsk Branch of the Center of Eurasian Studies of Russian State Social University (branch in Minsk)*. Minsk, 2016. P. 11–27. (In Russ.)
2. Bialiauski, A. M. “Sectarian” conflict in Ireland in 1916–1923 as a historical myth: the problem of interpretation in the historiography of the late XXth – early XXIst centuries. *Orientalia Christiana Cracoviensia*. 2017;9:67–102. (In Russ.)
3. Kazankova, P. Benjamin Labatut as a Latin American writer of the XXI century. The accuracy of a poet, the imagination of a scientist. *Ad Marginem*. Available at: https://admarginem.ru/2022/10/20/labatut_latin_america/ (accessed 15.12.2022). (In Russ.)
4. Certeau, M. The invention of everyday life. 1. The art of making. St. Petersburg, 2013. 330 p. (In Russ.)
5. Fitzpatrick, D. Ethnic cleansing, ethical smearing, and Irish historians. *History. The Journal of the Historical Association*. 2013;98(329):135–144.
6. Foster, R. *Modern Ireland, 1600–1972*. London; New York, 1989. 688 p.
7. Foster, R. *Vivid faces: The revolutionary generation in Ireland, 1890–1923*. London; New York, 2015. 480 p.
8. Hart, P. *The I. R. A. and its enemies: Violence and community in Cork, 1916–1923*. Oxford, 1998. 368 p.
9. Moody, T. W. Irish history and Irish mythology. *Hermathena*. 1978;124:6–24.

Received: 19 December, 2022; accepted: 10 January, 2023

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛАНДОВ

кандидат исторических наук, преподаватель
НОУ «Частная школа ВЗМАХ» (Санкт-Петербург, Россий-
ская Федерация)
vap_87@inbox.ru

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ НАСТОЯЩЕЕ ТИХВИНСКИХ КАРЕЛОВ

А н н о т а ц и я . В основу статьи легли материалы полевых исследований 2020–2022 годов, целью которых являлось изучение современной конфессиональной ситуации среди тихвинских карелов – небольшой этнографической группы карельского народа, проживающей в Бокситогорском районе Ленинградской области и с XVIII века исповедующей старообрядчество радикального федосеевского согласия. Недостаточная изученность феномена нерусского старообрядчества делает исследование актуальным, а отсутствие достоверных сведений о современной конфессиональной жизни в регионе объясняет его новизну. В результате проведенных исследований сделаны следующие выводы. 1) О. М. Фишман называла тихвинских карелов этноконфессиональной группой, в которой этнический и конфессиональный признаки практически отождествлялись (карелы = старoverы). И хотя такое отождествление обнаруживается в речи местных жителей и сегодня, этнический признак, несомненно, вышел на передний план. 2) Конфессиональное самосознание нынешних жителей карельского анклава очень размыто. Это обусловлено двумя обстоятельствами: прерыванием всех внешних конфессиональных связей и уходом из жизни последних наставников и заменивших их богомолков и книжниц (совместные молитвы не совершаются в карельских деревнях с начала 2000-х годов). 3) Среди федосеевцев собственно старoverами было принято называть лишь женщин и мужчин, отказавшихся от супружеской жизни. В связи с этим обстоятельством никто из нынешних жителей карельского анклава к старoverам себя не причисляет. Большинство из них были крещены в старую веру, вполне обходятся без священников в своей повседневной религиозной жизни, но время от времени посещают православные церкви.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карелы, тихвинские карелы, федосеевское согласие, старoverие, этноконфессиональная группа

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бландов А. А. Конфессиональное настоящее тихвинских карелов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.877

ВВЕДЕНИЕ

Из всего карелоязычного населения России, возможно, наибольшую устойчивость языка демонстрирует небольшая и при этом весьма изолированная от остального карельского мира группа карелов, проживающая в Бокситогорском районе Ленинградской области в бассейне реки Чагоды. До революции эта территория входила в состав Тихвинского уезда Новгородской губернии, поэтому в литературе за этнографической группой закрепилось наименование тихвинских карелов.

Карелы Тихвинского уезда привлекали внимание лингвистов на протяжении всего XX века, но при этом мало интересовали этнографов. Первые полноценные этнографические исследования тихвинских карелов были осуществлены О. М. Фишман лишь на рубеже 80–90-х годов прошлого века [8]. В 2003 году результаты этой работы были опубликованы в виде монографии [7], после чего о тихвинских карелах стало

известно широкой научной общественности. Согласно гипотезе исследовательницы, сохранность языка и этнической идентичности этой группы карелов объясняется в первую очередь их конфессиональной принадлежностью – большинство из них исповедовали старообрядчество радикального беспоповского толка [7: 5, 348–349].

С момента исследований О. М. Фишман прошло более 20 лет. В течение этого времени в карельских деревнях Бокситогорского района работали отдельные исследователи [4], [5], однако о современной конфессиональной жизни тихвинских карелов никаких достоверных сведений не поступало ни от представителей научного сообщества, ни от представителей старообрядческих общин Северо-Запада России. Источником для настоящей статьи послужили полевые исследования автора, проведенные в 2020–2022 годах в карельских и русских деревнях Бокситогорского района.

* * *

Несмотря на наличие ряда научных работ, тихвинские карелы изучены пока не всесторонне. Насколько позволяют судить имеющиеся материалы, формирование данной этнографической группы происходило во второй половине XVII века [1: 25]. Первоначально ареал карельского расселения включал не только нынешний анклав в бассейне реки Чагоды, но также несколько деревень по реке Смердомле, Соминскую пристань на реке Тихвинке и д. Боровые Харчевни на Ярославской дороге. Постепенно, однако, периферийные деревни обрусели или опустели, и к середине XX столетия в пределах Бокситогорского района оставалось лишь 15 карельских поселений: Утликово, Городок, Климово, Дятелка, Коростелёво, Логиново, Курята, Толсть, Бирючёво, Коргорка, Забелино, Новинка, Дубровка, Селище, Моклоково¹. Все 15 деревень анклава (а в особенности самые отдаленные из них) сегодня обобщенно называются *Карелой*, противопоставляясь при этом русскому окружению – так называемой *Руси*. Однако степень сохранности языка в Кареле различная. В восточной части анклава (то есть в деревнях Дятелка, Коростелёво, Утликово, Логиново, Городок) на карельском языке говорят только самые пожилые люди, и его редко можно услышать в повседневном общении. В дальних же деревнях (Забелино, Новинка, Дубровка, Селище, Бирючёво, Толсть) карельский язык по-прежнему жив и служит языком семейного общения. На нем свободно говорит поколение 50+ и даже некоторые мужчины и женщины 1980-х годов рождения.

Есть основания полагать, что окрестности Тихвина являлись одним из первоначальных мест возникновения раскола. В середине XVIII столетия старообрядчество федосеевского согласия утвердилось и среди тихвинских карелов [7: 44–49]. Федосеевцы принадлежали к числу радикальных старообрядческих течений, на протяжении всей своей истории не признававших законность брака. Насколько известно, тихвинские карелы поддерживали тесные конфессиональные связи с Москвой, а не с Санкт-Петербургом, как многие другие общины Новгородчины. По воспоминаниям наших информантов, именно из Москвы поступали книги и иконы, туда же ездили учиться карельские наставники и книжницы. Возможно, в том числе благодаря этим прочным связям, в начале XX века местные общины не поддались общей для беспоповцев Северо-Запада тенденции и не перешли в брачное состояние². В течение всего XX века собственно староверами здесь называли лишь старых женщин, уже не живших

супружеской жизнью, только им позволялось кадить могилы и совершать другие религиозные обряды.

Постепенно, однако, конфессиональные связи ослабевали, и среди тихвинских карелов возобладало мнение, будто старая вера – это исключительно карельская вера: «Кто карелы – то одной веры. А вот русских не знаю, какая вера – наша или не знаю, а у карелов одна вера» (д. Дубровка, 2021 год). Но в действительности к началу XX века далеко не все тихвинские карелы исповедовали старообрядчество. В ближних деревнях Дятелка и Коростелёво староверами являлись лишь отдельные семьи. Преимущественно нестарообрядческой была и дальняя д. Селище, где до войны существовал единоверческий храм. При этом о староверах в соседних русских деревнях нашим информантам, действительно, ничего не известно. В XX столетии ближайшие русские старообрядческие поселения находились в нескольких десятках километров от карельского анклава, в бассейне реки Тихвинки, где проживали так называемые *озеряне*, а также вдоль Ярославской дороги³. Насколько позволяют судить источники, помимо федосеевцев там жили и представители страннического согласия [6: 154–156].

В 1990-х годах О. М. Фишман застала в Бокситогорском районе затухающую, но все еще живую старообрядческую традицию. Знавшие службу женщины отпевали и поминали покойников, отправляли таинство крещения (в последний раз ребенка здесь крестили в 1998 году во время съемок документального фильма)⁴. В д. Забелино совершались совместные молитвы. Молодые женщины, впрочем, участия в них уже не принимали, и со смертью последних богомолков в начале 2000-х годов традиция пресеклась.

В ходе исследований мне удалось найти лишь одну женщину, регулярно посещавшую в прошлом совместные молитвы. Это одна из немногих информантов, кто уверенно называет себя *верующей*. Она молится дома два раза в день, покупает в православном храме в г. Пикалёво церковные свечи и умеет читать по старым книгам. Впрочем, имевшуюся у нее старопечатную книгу она отдала родственникам, никогда не держала отдельную посуду, а последнюю оставшуюся *листочку* хранит вместе с приготовленным на смерть комплектом одежды.

В целом конфессиональное самосознание современных жителей деревень карельского анклава довольно размыто. При вопросе о староверах они прежде всего вспоминают о *богомолках* (*jumalantiedäjät, jumalankumardelijat*), не причисляют к староверам себя и вообще сомне-

ваются, что где-либо еще остались староверы. Отчасти такая ситуация обусловлена делением общины в прошлом на собственно староверов (*viellozet*) и мирских (*mirskoit*)⁵. К мирским относили молодежь, замужних женщин и женатых мужчин. Кроме того, мирскими называли последователей официальной Церкви. Собственно же староверами считались лишь пользовавшиеся отдельной посудой и посещавшие совместные молитвы старые, как правило, вдовы женщины:

«Viellozet – это моя мама oli viellone, она потом уже, к концу жизни своей, когда ей было, не знаю сколько, 50, может, она тоже в веру в эту пришла. Viellozet – это как бы сказать, они какой-то обет дают что ли, насколько я понимаю, что они посты соблюдают как бы. [Соб.: То есть мама не с самого начала была viellone?] Не-не-не, а viellone с самого начала ты и не можешь быть, потому что у тебя семья. Viellozet – это были уже которые как бы с мужчинами отношений не имели. Viellozet с самого начала oldih – были, вот кто старые девы, вот Palaga-tädi oli viellone, Anni-tädi – oldih viellozet. А потом уже к концу жизни многие бабушки стали viellozet. Viellozet – это все равно как монашки, если разобраться» (д. Новинка, 2022 год).

Примечательно, что общего для всех членов общины устойчивого самоназвания в карельском языке, по-видимому, не существовало. Во время поминок ко всем собравшимся обращались, используя термин *ristituzet* – крещеные.

Наши информанты в молодости не причислялись к *viellozet*, и, стало быть, в местной терминологии староверами не являются. Лишь одна из собеседниц некоторое время назад пользовалась отдельной посудой. Соседи и родственники считают ее последней староверкой, но сама она называет себя мирской. Затухание старообрядческой традиции она вписывает в более широкий эсхатологический контекст:

«Я вот молюсь да и говорю: “Господи, прости меня за все грехи, что я согрешила, спаси и сохрани”. Дак вот прощает ли Господь Бог али не? Потом Суд будет, говорят, на Суде будут эти грехи, хоть и умёрши, хоть и живые, а всё говорят, что скоро Суд будет, Конец Света аль Суд. Конец-то будет али не, я не знаю, чего-то время такое бурное стало. Вот нонче главное, болезнь эта такая большая. А после этой еще, говорят, в сентябре чего-то будет опять, такая волна. Вот я думаю, что чего это и за что это. Люди стали молодые не веровать, мало веруют, вот это Бог и дает такое. Мало веруют, оставляют грехов много. Надо друг другу помогать, оскорблять не надо, не надо врать, лучше бы отдавать, чем брать – много грехов, всяких грехов. <...> Вот Господь Бог и говорит, что терплю до конца и мучить буду без конца. Так что надо Господа Бога не забывать» (д. Бирючёво, 2020 год).

Большинство нынешних жителей карельского анклава (даже тех, кто родом из нестарообряд-

ческих деревень) были в детстве крещены в старую веру. Тем не менее они время от времени посещают храмы Русской православной церкви, удивляются, почему этого не делали богомолки прошлого, и зачастую не считают свою веру отличной от господствующей православной.

Утрата конфессионального самосознания может быть объяснена двумя обстоятельствами: полным исчезновением института наставничества, с одной стороны, и прерыванием всех внешних конфессиональных связей – с другой. Последние карельские мужчины-наставники умерли в первой половине XX века, а заменившие их женщины-богомолки – в начале 2000-х годов. К середине XX века были нарушены конфессиональные связи с Москвой. До конца 1980-х годов поддерживалось эпизодическое общение со староверами-озерянами из п. Ефимовский. В частности, ефимовские женщины приезжали отпевать Igi-buabo – одну из последних книжниц д. Бирючёво. Впрочем, сегодня активная конфессиональная жизнь не наблюдается и в окрестностях п. Ефимовский. Вплоть до настоящего времени тихвинские карелы не установили прочных конфессиональных связей и с Санкт-Петербургом. Лишь немногие мои информанты знают о существовании там старообрядческой общины.

О. М. Фишман называла тихвинских карелов этноконфессиональной группой, где конфессиональный и этнический признаки играли равнозначную роль и порой даже отождествлялись [7: 174]. Такое отождествление обнаруживается в речи некоторых местных жителей и сегодня. И все же к настоящему времени этнический признак точно вышел на передний план [2: 89–90]. Жители карельского анклава без особого труда могут перечислить все карельские деревни, но обычно затрудняются сказать, в каких из них жили староверы. Об однозначно нестарообрядческих деревнях, как правило, говорят лишь, что там «мало веровали».

В результате конфессиональная топография местности может быть реконструирована сегодня отнюдь не полно и только со слов наиболее сведущих в религии местных жителей. Церкви в Озерёво, Селищах, Журавлёво и Сомино, а также часовни в русских деревнях Заозерье и Белый Бор, как правило, воспринимаются как мирские, а часовни в карельских деревнях, особенно те из них, которые стоят на кладбищах, обычно считаются своими, принадлежавшими в прошлом общине староверов. Эта информация требует документального подтверждения, но, судя по воспоминаниям информантов, все часовни района могли посещаться и староверами,

и мирскими. Некоторые мои собеседницы, а также их более старшие родственники лично ходили *по завету* в Белый Бор и Заозерье, приносили заветные полотенца в забелинскую и толстинскую часовни. Старообрядческие же моленные (которые тоже нередко именуются часовнями), напротив, могли посещаться лишь представителями общины. Далеко не все информанты бывали там в детстве. Часто можно услышать рассказ о том, как местные богомолки не пустили в моленную женщин, пришедших из мирских деревень:

«Бабушка пришла с другой деревни в часовню – это на Паску, и эти бабушки наши давай ее выгонять: “Ох ты бессовестная, будешь тут нам гадить, с двумя перстами будешь тут молиться что ли? Знаешь чего, вот луна светит – дуй-ка домой отсюда, от нашей часовни!” – и выгнали вот бабку. Я еще пацаном был, а мне жалко ее даже было» (д. Новинка, 2022 год).

Кроме того, в первой половине XX века не крещенные в старую веру не могли быть похоронены на староверских кладбищах:

«Наши предки вообще, прабабушка тоже вообще русская была. Она была с Великих Лук. [Соб.: Как она сюда попала?] Прадед привез. <...> Она когда умирала – прадед был похоронен в Бирючёво, они на той стороне, на Буйкове жили – она когда вот умирала, она просила: вот рядом со Степаном похороните в Бирючёве. Она как русская – и ее сюда не похоронили, на погост в Озерёво свезли. Она даже зарок такой дала: если не похороните, похороните на погосте – я трех попов съем. И она съела трех попов... Один по зимней дороге с Толстей сюда ехал на лошади по Лининке – по реке, провалился, утонул, замерз. Второго поставили потом сюда в Озерёво на его смену – тот повесился. А третьего парализовало. [Соб.: Это ж когда было? Давным-давно?] Но умерла она в 1922 году, потому что тятя у меня 17-го года рождения, а как он помнит, ему было пять лет, когда бабушка умерла. <...> [Соб.: В Бирючёве можно было только староверов хоронить?] Кореляков. А если русские или еще какая национальность – то уже не хоронили» (д. Бирючёво, 2022 год).

В XX веке староверские моленные существовали как минимум в трех карельских деревнях, но конфессиональным центром округа считалась д. Бирючёво. Рассказывают, что именно там жили самые правильные и строгие староверки, не выходившие замуж по религиозным соображениям. Родом именно из этой деревни были иноки братья Бирючевские. В начале XX века, спасаясь от греха, они бросили свои семьи, ушли из мира и поселились в лесу, где построили для себя келью:

«Вот эти вот Бирючевские и ушли в лес. А вот кто они были моему мужу, не знаю, родня. Бирючевские вот два брата. Я даже дом помню старый уже – я ходила 16 километров – построен был дом один, и там жили, семьи тут оставили. А вот почему они так сделали, как будто от греха ушли, а сами семьи здесь, детей оста-

вили, не знаю, только вот это я слышала. До сих пор удивляюсь, как это так – от греха уйти в лес. Но я уже их не застала, только вот уже старый дом разваленный в лесу» (д. Бирючёво, 2021 год).

«Tämä oldih kakši dieduo, Birčovskoi Grišu-diädö i vielä hänen vel'i, Ivo-diädö. Oldih uijittu tuagieh suoh, šielä perti pandu ili zempl'anka, kaivo kaivettu i šielä eletti. I ku hyö kuoldih, hiät tänne tuodih i peitettih tiälä. Grišunselen'n'a, tämä oli kohta, sija Gorkih päin, missä hyö oldih, eletti» (д. Бирючёво, 2022 год)⁶.

Кроме того, согласно преданию, в д. Бирючёво приняли мученическую смерть за веру некие три девки. Судя по записям О. М. Фишман, еще 30 лет назад такие рассказы бытовали довольно широко [7: 85–88, 91–92]. Сегодня они фиксируются нечасто, в основном от жителей д. Бирючёво:

«Это по старым предсказаниям, там три бабки или две бабки жили иноверки или кто-то, как я слышал. То ли их сожгли, то ли чего-то такое. И на этом месте они захоронены. Я, когда вот дом строил, я у их как бы просил прощения, что рядом, может, потревожу, мало ли в дальнейшем» (д. Бирючёво, 2021 год).

«Это тятя рассказывал, это еще при Ливонской войне жили три сестры – там домик такой был небольшой – три сестры, и ливонцы их сожгли заживо. Была часовенка поставлена, потом она разрушена была» (д. Бирючёво, 2022 год).

Статус конфессионального центра д. Бирючёво не утратила и сегодня. В 2015 году жители четырех соседних деревень (Толсть, Курята, Бирючёво и Коргорка) собрали деньги и своими силами отремонтировали в Бирючёво кладбищенскую часовню, освятили ее без участия священника и с тех пор самостоятельно собираются там по праздникам, заходят в поминальные дни, по традиции приносят туда платки, а в случае смерти ребенка – детские игрушки. Женщины, которые хранят ключи от часовни, хотя и не считают себя староверками, но воспринимаются порой как наследницы последних староверских книжниц: Матрёны и Ириньи Бирючевских, возглавлявших общину д. Бирючёво до конца 1980-х годов.

Примечательно, что в соседней д. Толсть тоже есть часовня, отремонтированная недавно деревенскими жителями. В отличие от часовни на бирючёвском кладбище, она всегда считалась мирской и на протяжении последних лет регулярно посещается православным священником из п. Ефимовский. В престольный праздник деревни там обязательно совершается служба. В отсутствие священника молитвы читает местная жительница родом из Псковской области.

Третья карельская часовня располагается на кладбище в д. Коростелёво. Ее также привели в порядок несколько лет назад, но открывают ред-

ко, в основном в поминальные дни. И хотя все действующие ныне часовни могут посещаться одними и теми же людьми, определенные отличия между ними все же имеются. Толстинская часовня, во многом благодаря деятельности ее хранительницы, находится в сфере влияния священника Русской православной церкви, а бирючевская существует как бы автономно. Ее постоянные прихожане – преимущественно бывшие беспоповцы. Они уже не знают церковной службы, не читают по-церковнославянски, но вполне обходятся без священника в своей повседневной религиозной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тихвинские карелы – не единственная группа карелов, исповедовавшая в прошлом старообрядчество федосеевского согласия. Но лишь у тихвинских карелов староверие сыграло роль столь мощного этностабилизирующего фактора.

Сегодня жители карельских деревень Ленинградской области в своей религиозной жизни мало отличаются от окрестного русского населения. Они не считают себя староверами, хотя и были крещены в старую веру. Их конфессиональное прошлое стало в некотором смысле предметом гордости. Карелы охотно рассказывают о родственниках-богомолках, ездивших учиться в московский монастырь, о книжницах, не вышедших замуж по религиозным соображениям, об обилии икон и книг в деревенских моленных, о сложных похоронных и поминальных обрядах, совершавшихся вплоть до недавнего времени. На утрату старообрядческой культуры многие смотрят с сожалением.

Подводя итог, подчеркнем, что конфессиональное настоящее тихвинских карелов – уже не старообрядческое. Федосеевство остается важным компонентом устной традиции, но уже почти не проявляется на практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Д. Моклоково на сегодняшний момент является практически нежилой.
- ² Мельников И. А. Социокультурные трансформации ментальности новгородского старообрядчества: Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2015. С. 13–14.
- ³ В более раннее время староверы отмечались и в ближайших к карельскому анклаву русских деревнях: Шульгино, Усадище, Труфаново, Белый Бор и др. [3: 205].
- ⁴ Документальный фильм «Тихвинские карелы. Судьба» (киностудия «Этнос», 1998).
- ⁵ Прежде выделялась еще промежуточная группа новоженков [7: 240]. В ходе исследований воспоминания о них не зафиксированы.
- ⁶ «Там было два деда: Бирючевские дядя Гриша и еще его брат дядя Иван. Они убежали в глухое болото, там поставили дом или землянку, вырыли колодец и там стали жить. И как они умерли, их принесли сюда и похоронили здесь. Гришино селенье – это место в сторону Коргорки, где они жили» (перевод с карельского языка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бландов А. А. Переселение карелов на Новгородские земли в XVII веке: новые документы // Рябинские чтения–2019: Материалы VIII Конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 24–26.
2. Бландов А. А., Мельников И. А. Этническое и конфессиональное в самосознании и исторической памяти потомков карел-старообрядцев Новгородской и Ленинградской областей // Локальные этноконфессиональные группы в Центральной России. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2021. С. 83–95.
3. Королькова Л. В. Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского, Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятые Шёгреновские чтения: Сб. ст. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 191–215.
4. Косенков А. Ю. Часовни климовских карел // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Естественные и технические науки. 2008. № 2 (92). С. 15–26.
5. Кузьмин Д. В. Топонимия тихвинской Корелы: интерпретация экспедиционных материалов // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 192–200.
6. Мельников И. А. Старообрядчество Устюженского уезда Новгородской губернии в XIX–XX вв.: динамика расселения и конфессиональные взаимосвязи // Новгородский исторический сборник: Сб. науч. ст. Вып. 18 (28). Великий Новгород: РАН, 2019. С. 153–181.
7. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 408 с.
8. Фишман О. М. Тихвинские карелы: первый опыт изучения локальной группы // Население Ленинградской области: Материалы и исследования по истории и традиционной культуре: Сб. науч. тр. СПб.: Государственный музей этнографии, 1992. С. 119–131.

Поступила в редакцию 05.12.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Aleksey A. Blandov, Cand. Sc. (History), VZMAKH Non-Commercial Private School (St. Petersburg, Russian Federation)
vap_87@inbox.ru

THE CONFESSIONAL PRESENT OF THE TIKHVIN KARELIANS

Abstract. This article based on the field research carried out in 2020–2022 describes the current confessional situation among the Tikhvin Karelians, a tiny ethnic group that lives in the Boksitogorsk District of the Leningrad Oblast in Russia and since the XVIII century belongs to the Fedoseevtsy movement – the radical denomination of the Old Believers. Insufficient knowledge about non-Russian Old Believers and the lack of information about the current confessional life in the region make this study original and relevant. The study led to the following conclusions. 1) Olga Fishman considered the Tikhvin Karelians an ethno-confessional group where ethnic and confessional characteristics were practically equated (Karelians = Old Believers). Although such a substitution of terms is still valid, the ethnic characteristics certainly became more important. 2) The confessional self-identification of the current population of the Karelian enclave is rather vague. This can be explained by two reasons: the disruption of all external confessional relations and the deaths of the last religious leaders and devout women that continued their legacy (communal prayers in Karelian villages have not been conducted since the early 2000s). 3) Only those women and men who renounced marriage were called the “Old Believers” by the Fedoseevtsy. No contemporary villagers reject marriage, and therefore they do not see themselves as the Old Believers. Most of them were baptized into “old faith”, undertake their daily religious practices without priests, but visit Orthodox churches occasionally.

Key words: Karelians, Tikhvin Karelians, Fedoseevtsy, Old Believers, ethno-confessional group

For citation: Blandov, A. A. The confessional present of the Tikhvin Karelians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):106–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.877

REFERENCES

1. Blandov, A. A. Migration of the Karelians to Novgorod lands in the XVII century: new documents. *2019 Ryabinin Readings: Proceedings of the VIII conference on the study and actualization of the traditional culture of Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 24–26. (In Russ.)
2. Blandov, A. A., Melnikov, I. A. Ethnic and confessional components in the self-identification and historical memory of the descendants of the Karelian Old Believers in the Novgorod and Leningrad oblasts. *Local ethno-confessional groups in Central Russia*. Moscow, 2021. P. 83–95. (In Russ.)
3. Korolkova, L. V. Old Believers of Novaya Ladoga, Tikhvin and Lodeynoye Pole uyezds in the first half of the XIX century. *Historical and cultural landscape of the North-West – 2. The Fifth Sjögren Readings: Collected articles*. St. Petersburg, 2012. P. 191–215. (In Russ.)
4. Kosenkov, A. Yu. The chapels of Klimovsky Karelians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2008;2(92):15–26. (In Russ.)
5. Kuzmin, D. V. The toponymy of the Tikhvin Korela: interpretation of the expedition materials. *Problems of Onomastics*. 2008;5:192–200. (In Russ.)
6. Melnikov, I. A. Old Belief in the Ustyuzhensky Uyezd of Novgorod Province in the XIXth - XXth centuries: the dynamics of settlement and confessional interrelations. *Novgorod Historical Compendium*. Vol. 18 (28). Veliky Novgorod, 2019. P. 153–181. (In Russ.)
7. Fishman, O. M. Living by faith: the Tikhvin Old Believing Karelians. Moscow, 2003. 408 p. (In Russ.)
8. Fishman, O. M. The Tikhvin Karelians: the first experience of studying a local group. *Population of the Leningrad Oblast: Materials and studies of history and traditional culture*. St. Petersburg, 1992. P. 119–131. (In Russ.)

Received: 5 December, 2022; accepted: 10 January, 2023

8 февраля 2023 года исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации *Елене Александровне Калининой*.

Celebrating the 60th birthday anniversary of Professor *Elena A. Kalinina*.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

К 60-летию со дня рождения

Е. А. Калинина родилась в с. Ведлозеро Пряжинского района. В 1984 году окончила факультет физического воспитания Карельского государственного педагогического института, квалификация «Учитель физической культуры», в 2001 году – исторический факультет Петрозаводского государственного университета по специальности «История», квалификация «Историк. Преподаватель истории». В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Организация и деятельность народных школ в XIX – начале XX века (на материалах Сямозерской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии)». В 2013–2018 годах была докторантом Института российской истории РАН (Москва), где в 2018 году защитила докторскую диссертацию на тему «Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине XIX в.».

С 1984 по 2011 год работала в общеобразовательных школах Карелии, с 2011 года – старшим преподавателем в Карельском педагогическом университете на кафедре истории Отечества. С 2019 года работает в Петрозаводском государственном университете на кафедре теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма в должности профессора.

Е. А. Калинина внесла значительный вклад в дело подготовки педагогических кадров для школ Карелии. С первых лет работы в ПетрГУ она руководила научно-исследовательской работой студентов, была рецензентом научных и методических работ. Под ее руководством были подготовлены и успешно защищены выпускные квалификационные работы по вопросам истории физической культуры и спорта Карелии. Благодаря глубоким знаниям и профессионализму Елены Александровны дисциплина «История физической культуры и спорта» реализуется на высочайшем уровне.

Е. А. Калинина является автором 12 монографий, более 190 научных статей. Она почетный работник образования РФ, лауреат «Человек года» РК, награждена почетной грамотой Министерства образования и по делам молодежи РК, серебряной медалью В. М. Вернадского за высокие научные достижения и большой вклад в развитие России (Российская академия естественных наук).

Поздравляем Елену Александровну с юбилеем, желаем крепкого здоровья, свершения задуманного, семейного благополучия!

Институт физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ

СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ПетрГУ: 75 ЛЕТ ИСТОРИИ

В октябре 2022 года Студенческое научное общество (СНО) ПетрГУ отметило 75-летие с момента образования. В сборнике лучших работ 1-й студенческой научной конференции в 1948 году отмечается, что уже в 1941 году был создан геологический, а в 1942 году – физиологический научные кружки. Позднее были созданы кружки и по иным тематикам.

В 1947 году Министерство высшего образования СССР утвердило Типовой устав студенческих научных обществ. К лету того же года руководство КФГУ, уже имевшее опыт организации ежегодной научной конференции профессорско-преподавательского состава, пришло к мысли о распространении данной традиции на студенчество. Предполагалась организация ежегодной конференции (по терминологии того периода – «научной сессии»), на которой студенты представляли бы в виде докладов итоги своей научной работы. Осуществлявший в то время общую координацию научной работы ученый совет определил даты научной сессии студентов (декабрь 1947 года) и ее организатора (СНО). Несмотря на существование к тому моменту семи научных кружков общей численностью 32 студента, перед руководством университета стояла проблема по их объединению и взаимодействию. Встал вопрос о создании в вузе централизованной системы научно-исследовательской работы студентов (НИРС). В начале октября 1947 года состоялась конференция всех существовавших девяти научных студенческих кружков (новые два кружка были образованы в сентябре). Итогом стало их объединение в единое Студенческое общество университета, координацию которым принял на себя проректор по научной работе доктор биологических наук, профессор С. В. Герд. Первым председателем общества стал Эйно Карху – студент историко-филологического факультета, в будущем – доктор филологических наук, профессор ПетрГУ, академик АН СССР.

Структура СНО соответствовала Типовому уставу научных студенческих обществ и практически в неизменном виде просуществовала до конца советского периода. Лишь в 1980-е годы в ПетрГУ была внедрена новая форма НИР студентов – проблемные группы, сформированные на временной основе для решения конкретной научной проблемы. Главные моменты вышеописанной структуры действуют в СНО ПетрГУ до сих пор.

Состоявшаяся с 28 февраля по 1 марта 1948 года I Научная сессия студентов (то есть 1-я студенческая научная конференция ПетрГУ) включала в себя 48 выступлений на пяти секциях. В 1949 году вышел в свет сборник «Научные труды студентов Карело-Финского университета». Сбор материалов и верстка сборника, согласно решению ученого совета университета, легли на плечи особой комиссии Совета СНО. Сборник примечателен как наличием отдельных выпусков по факультетам, так и аффилиацией авторов согласно их участию в работе научных кружков. В последующие годы, вплоть до 1990-х, организация ежегодной научной студенческой конференции претерпела незначительные изменения. Действовавшие на кафедрах научные кружки отвечали за организацию секций и подготовку на них докладов. СНО факультетов курировали секции своего факультета; нередко секции объединялись в отдельные конференции факультетов (например, научная студенческая конференция сельскохозяйственного факультета), которые действовали строго в рамках общеуниверситетской конференции, но имели право издавать свою программу. Совет СНО университета отвечал за организацию всей конференции.

В силу того что в конференции с самого первого года проведения был предусмотрен лишь очный формат участия, перед Оргкомитетом в условиях отсутствия дистанционных технологий стоял более широкий перечень задач, чем в настоящее время. Председатель СНО историко-филологического факультета в 1974–1978 годах А. М. Пашков (ныне – доктор ист. наук, профессор ПетрГУ) вспоминает: согласно своей роли в СНО вуза он был обязан обеспечить: рассылку пригласительных писем на конференцию в иные вузы страны; содействие Совету СНО ПетрГУ в формировании программы конференции; прием иногородних гостей, оказание им помощи в ориентации в ПетрГУ, в том числе в рамках их встречи с ректором (в советское время ректор ПетрГУ ежегодно перед каждой студенческой научной конференцией встречался с ее иногородними участниками); формирование культурной программы конференции; отчет в мае перед Советом СНО о проделанной работе (СНО в лицах: Александр Пашков, <https://petrsu.ru/news/2022/109997/sno-v-litsah-aleksan>).

Важно отметить, что студенческая научная конференция – не единственное студенческое

научное мероприятие, проходившее весной в ПетрГУ. Она являлась частью проводимых на факультетах весенних Дней науки. Совет СНО университета и научные общества факультетов в течение учебного года готовили мастер-классы, лекции, встречи. В то же время неизменными традициями, сопровождавшими студенческую научную конференцию ПетрГУ вплоть до конца 2000-х годов, оставались:

- организация куратором и председателем Совета СНО университета пленарного заседания конференции. Оно включало приветственное обращение проректора по научной работе, три-четыре отобранных Советом СНО доклада студентов разных факультетов, а также выступление академического хора ПетрГУ;
- выставка лучших НИР студентов университета, проводимая с 1971 года Советом СНО одновременно с конференцией в фойе актового зала главного корпуса. С 1990-х годов выставка организовывалась Научной библиотекой ПетрГУ и включала в себя материалы по истории студенческих научных конференций университета (см., например, <https://petrsu.ru/news/2008/12423/plenarnoe-zasedanie->).

Совет СНО был также ответственен за отбор лучших работ от ПетрГУ на Всесоюзный конкурс НИР студентов, проводившийся ежегодно с 1968 года, принимал активное участие в проведении внутривузовских студенческих олимпиад и иных научных мероприятий. Менялась и координация Студенческого научного общества ПетрГУ. С 1950-х годов общую координацию НИРС (и, следовательно, СНО) осуществлял куратор НИРС ПетрГУ, он избирался из числа преподавателей университета, до 2000-х годов подчинялся напрямую проректору по научной работе и до 2013 года являлся заместителем председателя Оргкомитета ежегодной студенческой научной конференции ПетрГУ. Кураторы НИРС факультетов, куратор НИРС университета и проректор по научной работе составляли редакционную коллегию сборников материалов лучших докладов студенческих научных конференций. На ранних сроках проведения конференции в состав редколлегии включался также председатель Совета СНО университета.

Наиболее продолжительное время пост куратора СНО ПетрГУ занимала кандидат биологических наук, доцент А. С. Лантратова (1923–2016). В результате анализа программ и сборников лучших докладов студенческих научных конференций, а также архива газеты «Петрозаводский университет» представляется возможным установить период ее деятельности на данном посту: 1958–1991 годы.

На посту куратора НИРС университета Антонина Степановна запомнилась коллегам как «организатор» и «научный руководитель». Студенты отзывались о ней как о «требовательной, организованной, я бы сказала, неумолимой, очень деятельной» (СНО в лицах: Анжелла Сониная, <https://petrsu.ru/news/2022/109485/sno-v-litsah-anzhella-sonina>), «увлеченной наукой, живущей наукой» (СНО в лицах: Татьяна Бабакова, <https://petrsu.ru/news/2022/109076/vypusniki-sno-tatyan>).

Специфической чертой НИР студентов ПетрГУ при А. С. Лантратовой стала резко возросшая с 1960-х и продолжавшаяся до конца 1980-х годов публикационная активность по вопросам студенческой науки в газете «Петрозаводский университет». Выпуски данных лет наполнены материалами о подготовке и проведении секций студенческих научных конференций, о работе научных кружков, участии студентов во внешних научных мероприятиях. Много статей написано самой А. С. Лантратовой: материалы о планировании и итогах очередной студенческой научной конференции ПетрГУ, тезисы отчетных речей на мартовских ученых советах ПетрГУ относительно работы СНО университета, общие статистические заметки по НИР студентов ПетрГУ.

Вторым лицом в системе НИРС университета являлся председатель Совета СНО университета. Кандидатуры обучающихся (студенты и аспиранты) на этот пост утверждались Советом СНО и согласовывались с куратором НИРС ПетрГУ. Анализ архива газеты «Петрозаводский университет» показывает, что предложить кандидатуру на этот пост мог как куратор НИРС университета, так и Совет СНО, а также комсомольская организация вуза. Председатель СНО университета – постоянный член этого органа. Практически весь тридцатилетний период пребывания А. С. Лантратовой на посту куратора

Антонина Степановна Лантратова со студентами (80 лет истории и жизни ЭБФ Петрозаводского университета. Петрозаводск, 2020. С. 105)

общество возглавляли студенты биологического факультета. Однако именно с начала 1960-х годов появились сопровождавшие продолжительное время НИРС проблемы: участие студентов в обществе стало носить все более формальный характер. Количество студенче-

ских научных объединений ПетрГУ увеличилось в 1947–1973 годах в 6,2 раза, вследствие чего средняя численность одного научного кружка составила 46 студентов; количество участников СНО в 1947–1989 годах увеличилось в 99 (!) раз.

Студенческое научное общество в цифрах (1947–1990 годы)

	1947	1948	1949	1950	1957	1965	1968	1973	1989
Научные кружки	7	11	17	20	26	н/д	н/д	43	н/д
Участники	32	250	300	400	н/д	412	734	2009	3186
Доля членов СНО от общей численности студентов, %	6,7	44,3	51,1	61	н/д	20	25,9	49,9	н/д

Источники: газета «Петрозаводский университет» (выпуски за 1957–1989 годы); Баранова В. Л. Из истории комсомольской организации университета: Дипломная работа. Петрозаводск, 1976. С. 42–44; Литвинова Л. В. Из истории комсомольской организации ПетрГУ (1940–1950 гг.): Дипломная работа. Петрозаводск, 1965. С. 78, 101.

С уходом в 1991 году А. С. Лантратовой на пост ученого секретаря ученого совета ПетрГУ работа СНО стала угасать. Этому способствовали и снижение интереса студентов к мероприятиям НИРС, и отход руководства страны от рассмотрения СНО как ключевого актора системы НИРС вузов. С 1991 по 2013 год работа СНО университета не представлена в публичном пространстве (газета, сайт). Роль куратора НИРС, являвшегося с 2000 по 2013 год по совместительству сотрудником отдела подготовки научных кадров (ныне – отдел подготовки и аттестации ННР) управления научных исследований, свелась фактически к организации конференции и отчету по ее итогам.

В 2013 году под руководством начальника отдела планирования НИР управления научных исследований кандидата технических наук, доцента Л. А. Девятниковой (куратор СНО ПетрГУ в 2013–2018 годах) и Д. А. Савицкой работа общества была активизирована. С сентября 2018 года Совет СНО ведет масштабную междисциплинарную работу, обеспечивая взаимодействие сту-

дентов разных направлений подготовки. СНО оказывает значительную помощь в подготовке и организации научной конференции обучающихся и молодых ученых (так студенческая научная конференция ПетрГУ стала называться с 2014 года): агитирует студентов и аспирантов (как внутри, так и вне ПетрГУ), содействует информационному сопровождению мероприятия, организует более 20 % секций конференции.

Активная работа СНО ПетрГУ отмечена на федеральном уровне. Общество – постоянный участник Российской национальной премии «Студент года», по итогам номинации «Студенческое научное общество года» (организуется с 2020 года) оно традиционно входит в список сильнейших СНО страны (2020 год – 5-е место, 2021 год – 9-е место, 2022 год – 4-е место по России). По итогам прошедшего в октябре – декабре 2022 года конкурса студенческих научных объединений СЗФО Студенческое научное общество ПетрГУ заняло 3-е место в округе (всего в конкурсе участвовало 35 объединений).

Список кураторов и председателей Студенческого научного общества ПетрГУ (советский период)

Год	Куратор	Председатель
1947/1948	Сергей Владимирович Герд, д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе	Эйно Генрихович Карху, студент ИФФ
1948/1949	Сергей Владимирович Герд, д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе	Эйно Генрихович Карху, студент ИФФ
1949/1950	Нет данных	Виталий Андреевич Кисляков, студент биофака
1950/1951	Нет данных	Н. Красикова, студент 4-го курса ИФФ
1951/1952	Нет данных	Эйно Генрихович Карху, аспирант ИФФ
1952/1953	Нет данных	Ольга Яковлевна Цветкова, аспирант ИФФ
1954/1955	Нет данных	Евгений Павлович Еленевский, аспирант ИФФ
1955/1956	Нет данных	С. И. Нокелайнен
1956/1957	Нет данных	С. И. Нокелайнен
1957/1958	Нет данных	Юрий Александрович Савватеев, студент ИФФ
1958/1959	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Юрий Александрович Савватеев, студент ИФФ

Год	Куратор	Председатель
1959/1960	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1960/1961	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1961/1962	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Лев Константинович Кайбияйнен, аспирант ФТФ
1962/1963	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Лев Константинович Кайбияйнен, аспирант ФТФ
1963/1964	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1964/1965	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1965/1966	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Арнольд Леонидович Бекренёв, студент 4-го курса физмата
1966/1967	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1967/1968	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1968/1969	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Л. Медведева
1969/1970	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ирина Грушкина, студент 3-го курса биофака
1970/1971	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ирина Грушкина, студент 4-го курса биофака
1971/1972	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1972/1973	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Селютина Нина, студент биофака
1973/1974	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Надежда Марченкова, студент 3-го курса биофака
1974/1975	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Надежда Марченкова, студент 4-го курса биофака
1975/1976	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Евгений Ганюшкин, студент 4-го курса биофака
1976/1977	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1977/1978	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Нет данных
1978/1979	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	О. Санькова, студент 5-го курса биофака
1979/1980	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ф. Габдрахманова, студент 4-го курса биофака
1980/1981	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ольга Орехова, студент 3-го курса биофака
1981/1982	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ф. Габдрахманова, студент 5-го курса биофака
1982/1983	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ольга Орехова, студент 4-го курса биофака
1983/1984	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Ольга Орехова, студент 5-го курса биофака
1984/1985	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Наталья Политова, студент 4-го курса биофака
1985/1986	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Наталья Политова, студент 5-го курса биофака
1986/1987	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Екатерина Харлашкина, студент 3-го курса биофака
1987/1988	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Екатерина Харлашкина, студент 4-го курса биофака
1988/1989	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Татьяна Харькина, Екатерина Харлашкина, студент 2-го курса биофака
1989/1990	Антонина Степановна Лантратова, канд. биол. наук, доцент	Татьяна Харькина, Екатерина Харлашкина, студент 3-го курса биофака
1990/1991	В. В. Осташкова, ст. преподаватель	Татьяна Харькина, Екатерина Харлашкина, студент 4-го курса биофака

Источники: программы студенческих научных конференций ПетрГУ (1948–1991); сборники материалов лучших докладов студенческих научных конференций ПетрГУ (1949, 1958); архив газеты «Петрозаводский университет» (1957–1991 годы).

В 2023 год СНО ПетрГУ вступает уверенно, в статусе старейшего студенческого объединения университета, имея богатейший опыт работы. В 2022 году к работе в обществе на различных уровнях привлечено более 930 обучающихся ПетрГУ (студенты, ординаторы, аспиранты). СНОвцы – постоянные авторы научных публикаций рейтинговых журналов, в том чис-

ле зарубежных, обладатели научных грантов и документов на объекты интеллектуальной собственности.

А. А. Малышко,
председатель СНО университета в 2019–2021 годах,
куратор Совета СНО университета,
специалист отдела подготовки и аттестации
ННП управления научных исследований ПетрГУ
malyshko@petsu.ru

Anton A. Malyshko, Curator, Specialist, Petrozavodsk State University
malyshko@petsu.ru

75-Я ВСЕРОССИЙСКАЯ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Петрозаводский государственный университет

3–23 апреля 2023 года

Научная конференция обучающихся и молодых ученых проводится в Петрозаводском государственном университете с 1948 года и является ключевым мероприятием молодежной науки региона.

Перечень секций конференции доступен на сайте <https://conf.petrso.ru/>

К очному участию в конференции приглашаются учащиеся 9–11-х классов, студенты средних профессиональных и высших учебных заведений, а также аспиранты и молодые исследователи *без ученых степеней*. Заочное участие в конференции не предусмотрено.

Формат проведения секции определяется ее руководителем.

По итогам работы конференции будет опубликован сборник материалов лучших докладов. Публикации подлежат доклады победителей секций; дополнительно секция имеет право рекомендовать к публикации еще один доклад, представляющий научный интерес. Сборник индексируется РИНЦ и размещается в открытом доступе на сайте конференции, а также в Электронной библиотеке Республики Карелия.

Для участия в конференции необходимо до 19 марта 2023 года направить на почту администратора выбранной секции заявку, указав в ней:

- точную и полную тему доклада, а также название выбранной секции;
- сведения о докладчике: ФИО полностью, статус (учащийся, студент, ординатор, аспирант, молодой ученый), класс / курс, место учебы (работы);
- сведения о научном руководителе: ФИО полностью, ученая степень и звание (при наличии), должность, место работы.

Контактная информация:

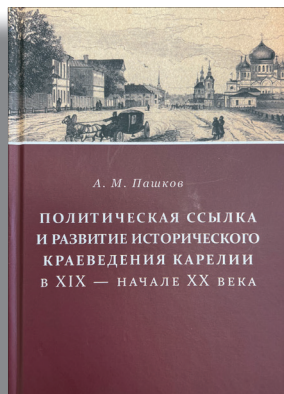
Малышко Антон Александрович, аспирант, специалист отдела подготовки и аттестации НПП
управления научных исследований ПетрГУ – *секретарь конференции*

Адрес: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 433

Тел.: 8 (814-2) 71-96-08; e-mail: malyshko@petrsu.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Antoshchenko A. V.</i>	SCIENTIFIC SCHOOL OF HISTORICAL SOURCE STUDIES: AN ALTERNATIVE VIEW	69
RUSSIAN HISTORY		<i>Kamenev E. V.</i>	COMPREHENSION OF THE PAST IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY HISTORICAL CULTURE	76
<i>Verigin S. G., Popov D. A., Eloshin D. A.</i>		<i>Lukyanov D. V.</i>	HISTORICAL COGNITIVISM: THE PHENOMENOLOGY OF COGNITIVE HISTORY	83
LITTLE-KNOWN FINNISH CONCENTRATION CAMPS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF KARELIA	8	<i>Mints S. S.</i>	SOURCE STUDIES OF THE LATE XIX – EARLY XXI CENTURIES BETWEEN PHILOSOPHY AND CULTUROLOGY	88
<i>Takala I. R., Korobeynikova M. A.</i>		<i>Sukina L. B.</i>	VISUAL SOURCE: PERSPECTIVES, PROBLEMS AND LIMITATIONS OF ITS USE AS AN INFORMATION RESOURCE	95
AD FONTES: PROBLEMS OF STUDYING PETROZAVODSK'S TWINNING TIES WITH FINNISH CITIES	16	<i>Bialiauski A. M.</i>	SHOULD WE KILL THE DRAGON, OR HISTORICAL REVISIONISM AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF POST-COLONIAL STUDIES (THE CASE OF IRELAND)	101
<i>Bulyukin D. A.</i>		ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY		
LEFT-WING DEPUTIES OF THE II STATE DUMA FROM KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES	26	<i>Blandov A. A.</i>	THE CONFSSIONAL PRESENT OF THE TIKH-VIN KARELIANS	106
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH		Anniversary		
<i>Bauer T. V.</i>			Celebrating the 60th birthday anniversary of Elena A. Kalinina	112
THE REIGN OF TSAR FYODOR ALEKSEYEVICH (1676–1682): DEBATABLE ISSUES IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	34	Scientific information		
<i>Agafonov I. S.</i>		<i>Malyshko A. A.</i>	Student Science Society of Petrozavodsk State University: 75 years of history	113
THE SOLOVETSKY CHRONICLE OF THE LATE XVI CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE	46		Scientific information	117
Discussions				
SOURCE STUDIES IN MODERN HISTORICAL CULTURE				
<i>Rumyantseva M. F.</i>				
SOURCE STUDIES IN THE STRUCTURE OF CURRENT HISTORICAL CULTURE: INVITATION TO DISCUSSION	55			
<i>Khorunzhenko O. I.</i>				
CONTRIBUTION TO DISCUSSION	61			
<i>Kazakov R. B.</i>				
SOURCE STUDIES OF HISTORIOGRAPHY: SOME DEBATABLE ISSUES	63			

А. М. Пашков

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ КАРЕЛИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Данное исследование посвящено анализу вклада политических ссыльных XIX – начала XX века в изучение региональной истории и этнографии Карелии, в формирование у местного населения исторического самосознания и исторической мифологии, в создание и популяризацию образа региона и отдельных региональных брендов.

Отдельные главы посвящены ссыльным, оказавшим наибольший вклад в изучение истории и этнографии Карелии (Ф. Н. Глинка, С. А. Раевский, А. П. Баласогло, В. М. Белозерский, П. П. Чубинский, П. Н. Рыбников, А. С. Пругавин, С. А. Приклонский и А. А. Каменев).

Пашков, А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века / А. М. Пашков. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2022. – 336 с.

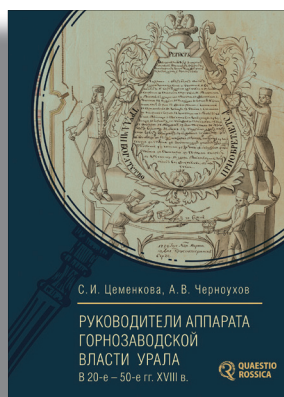
Денис Попов

ФИНСКИЙ ИЗЛОМ. ФИНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В КАРЕЛИИ В 1918–1922 гг.

Данная книга – попытка объективного и беспристрастного рассмотрения как политических, так и военных аспектов первого этапа белофинской интервенции в Карелии. На основе обширного архивного материала автор рассматривает интересы сторон, боевые действия, победы и неудачи тех, кто сошелся в схватке на руинах царской России. Масштабы Великой Отечественной войны были настолько огромными, что она затмила и Зимнюю войну 1939–1940 гг., и Гражданскую войну в России. Однако очень многое из того, что происходило с нашей страной в 1941–1945 гг., уходит корнями как раз в события начала XX в.

Книга будет интересна как специалистам, так и интересующимся военной историей Северо-Запада России.

Попов Д. А. Финский излом. Финская интервенция в Карелии в 1918–1922 гг. Том 1. От Кеми до Тарту 1918–1920 гг. Выборг: Издательство «Военный музей Карельского перешейка», 2023. – 272 с.

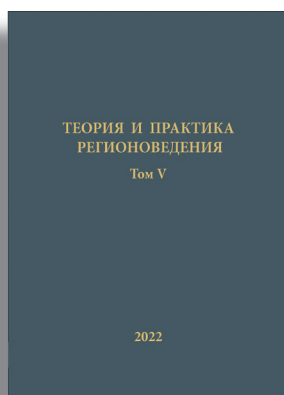
С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов

РУКОВОДИТЕЛИ АППАРАТА ГОРНОЗАВОДСКОЙ ВЛАСТИ УРАЛА В 20-е – 50-е гг. XVIII в.

В биографическом справочнике представлены результаты исследования, в рамках которого на основе архивных документов воссозданы биографии руководителей всех уровней управления горнозаводской администрации Урала 20-х – начала 50-х гг. XVIII в. В русле подходов новой биографической истории была сделана попытка не только реконструировать события жизни и деятельности горных служителей и офицеров, но изучить и представить особенности их повседневных служебных и бытовых поведенческих практик, стратегий формирования неформальных взаимосвязей, специфики девиаций, успехов и неудач.

Исследование предназначено для широкого круга читателей.

Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в.: биографический справочник / С. И. Цеменкова, А. В. Черноухов. – СПб.: Алетей, 2022. – 446 с.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕГИОНОВЕДЕНИЯ. ТОМ V

Данный том полностью посвящен Кавказскому региону. Сборник включает в себя работы 30 ведущих специалистов – представителей академической и отраслевой науки из 22 научных организаций, посвященные археологии, этнографии, средневековой, новой и современной истории народов Северного и Южного Кавказа, включая казачество. Кавказ представлен как сложная система геоторий и регионов, имеющих как общие, так и своеобразные локальные черты. Также поставлены вопросы о культурной целостности Кавказа и его частей, о моноэтнических и полиэтнических ареалах культурных явлений, составляющих своеобразие Кавказа, о факторах, оказывающих влияние на формирование региональных общностей.

Книга адресована широкому кругу специалистов – этнографам, историкам, религиоведам, искусствоведам, регионоведам, специалистам в области этнической истории.

Теория и практика регионоведения. Т. V. Регионалистика Кавказа / науч. ред. В. А. Дмитриев, отв. ред. В. В. Яковлев. – СПб.: Скрипториум, 2022. – 600 с.

